

Марина и Сергей
ДЯЧЕНКО

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

СКИТАЛЬЦЫ

Четыре романа под одной обложкой

Гиганты фантастики

Марина и Сергей Дяченко

Скитальцы

«ЭКСМО»

1994, 1996, 1997, 2000

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дяченко М.

Скитальцы / М. Дяченко — «Эксмо», 1994,1996, 1997,
2000 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-248215-1

Романы «Привратник», «Шрам», «Преёмник» и «Авантюрист» Марины и Сергея Дяченко под одной обложкой! Однажды, когда золото начнет ржаветь, в мир придёт никому неизвестная Третья Сила, которую впустит Привратник, открыв Дверь в этот Мир. Скитается по дорогам маг Руал Ильмараннен, потерявший свои силы из-за двойного предательства. Сгибается под тяжестью проклятия трусости офицер Эгерт Соль, изуродованный шрамом на щеке. Узнает о темном наследии юноша Луар Соль, которого судьба в роковой час столкнула с комедианткой Танталь. Берет от жизни все авантюрист Ретано Рекотарс, знающий точную дату своей смерти и свой приговор. Куда приведет дорога каждого из них?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248215-1

© Дяченко М., 1994,1996, 1997, 2000
© Эксмо, 1994,1996, 1997, 2000

Содержание

Привратник	6
Часть первая	7
Часть вторая	26
Часть третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	87

СКИТАЛЬЦЫ

Марина и Сергей Дяченко
Скитальцы

Серия «Гиганты фантастики»

© Дяченко М., Дяченко С., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Привратник

Часть первая Явление

Ранней весной Ларт отправлялся в один из своих вояжей – как всегда, неожиданно и, как всегда, спешно.

Весь день перед отъездом прошел как в лихорадке. Ларт был угрюм, что бывало с ним часто, и вроде бы растерян, чего с ним никогда не случалось. Несколько раз собирался мне что-то сказать – и раздраженно умолкал. Я нервничал.

Выехал он на рассвете, снабдив меня множеством инструкций. Я должен был исполнить несколько мелких поручений в поселке, привести в порядок дом, собрать дорожный сундучок и вечером встретиться с Лартом в порту, чтобы на закате поднять паруса.

Проводив его взглядом, я вздохнул свободнее.

Управиться в поселке было несложно – там меня считали «учеником чародея», а такое отношение здорово упрощает жизнь. Глупо же объяснять всем и каждому, что никогда я не был Лартовым учеником. Служкой – да; горничной, дворецким и мальчиком на побегушках в одном лице – кем угодно, только не учеником. Тем не менее в поселке меня встречали, как вельможу, а трактирщик наливал мне в долг.

Вернувшись в дом на холме и кое о чем поразмыслив, я сообразил, что, проявив расторопность, успею по дороге в порт попрощаться с Данной. Эта мысль придала мне резвости, и скоро Лартовы покои заблистали чистотой, а сундучок чуть не оборвал мне руки, пока я вытаскивал его в прихожую.

И тут, в прихожей, я вспомнил про последнее из хозяйских поручений.

Уже поставив ногу в стремя, Ларт поморщился болезненно, поколебался (неслыханное дело!) и вытащил из кармана четверо сложенную бумажку.

– Да... – буркнул он раздраженно. – Когда луч достигнет колодца, прочитай это вслух и внятно там же, в передней. Желательно ничего не перепутать, не опоздать на пристань и поменьше болтать. Это все.

В таком поручении не было ничего сверхъестественного – подобное мне приходилось делать и раньше. Конечно, лестно было воображать себя магом, но, честно говоря, не хуже бы справился и попугай, умеет он читать...

В прихожей царил полумрак, ибо посетители волшебника должны немедленно проникаться благоговейным страхом.

Я и сам им проникся, когда впервые переступил порог Лартова дома. Все началось с того, что полочка для обуви укусила меня за щиколотку... Такое забывается не скоро.

Я поставил сундучок у двери.

В потолке имелось круглое отверстие, сквозь которое в солнечные дни пробивался луч – узкий и острый, как вязальная спица. За день он проходил путь от оленьих рогов над входной дверью до гобелена на стене напротив.

Под гобеленом, где всю трубили охотники с соколами на рукавицах, выдавался прямо из стены чрезвычайно неприятный колодец, из которого тянуло плесенью. Луч имел обыкновение заглядывать в него после полудня. Этот час и имел в виду Ларт, когда давал мне поручение.

Покончив с сундучком, я устроился в кресле слева от двери и стал ждать, пока магический, но крайне нерасторопный луч сползет с ковра и взберется на сырую кладку колодца.

Время шло, я отдыхал от утренних трудов, радовался предстоящему путешествию и разглядывал давно и до мелочей знакомую переднюю мрачноватого Лартова дома.

Прямо передо мной располагалось так называемое лохматое пятно – в этом месте постоянно отрастала шерсть на ворсистом ковре, и в мои обязанности входило регулярно ее под-

стригать, уравнивая с остальной ковровой поверхностью. Остриженную шерсть я собирал в полотняный мешочек, надеясь со временем связать себе шарф.

А справа от меня, по другую сторону двери, помещалось зеркало, которое я всегда обходил стороной и даже пыль с него стирал, отвернувшись. Ларту оно служило как собака, угодливо показывало его отражение со всех сторон и, по-моему, помогало завязывать шейный платок. Мою особу оно не отражало никогда, а норовило напугать жуткими, ужасно правдоподобными и часто противными изображениями. Сейчас оно чернело, как поверхность стоячего озера в темной чаше.

Массивный платяной шкаф хозяин никогда не открывал, но я каждую субботу перетряхивал его, шкафа, содержимое. Особенно много возни было с железными латами – их ведь надо полировать суконкой.

А мрачное чудовище в углу у Ларта называлось вешалкой. Трудно сказать, на что она была больше похожа – на больное дерево или скелет уродливого животного. Три года назад Ларту подарил это сооружение кто-то из дружков-колдунов, я, помнится, еще подумал, что хозяин поблагодарит и уберет его в чулан, так нет же, он выставил подарочек на видное место и велел мне вешать на него плащи визитеров. И получилось как-то незаметно, что в доме, где полно чудес и диковин, эта вешалка оказалась едва не самой странной странностью – Ларт явно выделял ее среди остальных предметов. То лицо воротил, проходя мимо, то усмехался как-то неприятно, а однажды всыпал мне за то, что я, мол, слишком ее нагрузил. Ларт, впрочем, и есть Ларт – что взбредет ему в голову, предсказать невозможно.

Сейчас на этой искореженной рогатине висела только моя куртка, бирюзовая с золотом, купленная осенью на окружной ярмарке. Ларт, помнится, что-то проворчал насчет моего вкуса, но Данне куртка определенно понравилась.

И мысли мои невольно переметнулись к Данне – она ведь лучшая девушка в поселке, а я чужак, не очень красивый и не самый сильный, но она выбрала меня, потому что я – «ученик чародея», а значит – за мои особые качества. Так я втихомолку радовался, пока не увидел, как луч преспокойно выбирается из колодца.

Я успел покрыться потом, пока разыскал в карманах мятую бумажку, сложенную вчетверо.

Ларт писал, конечно, не колдовскими рунами, а крупными печатными буквами, как в букваре, – чтоб и заяц мог разобрать. И все равно я здорово изломал себе язык, пока дочитал до половины, а когда дочитал, то вообще пожалел, что взялся. Воздух вдруг наполнился звенящим напряжением и задрожал, как над костром; я в панике выкрикивал эти полупристойные звукосочетания, не слыша себя. Заклинание заканчивалось таким повелительным возгласом, Ларт даже отметил его восклицательным знаком; у меня это вышло, как вопль придавленной кошки. И как только этот вопль стих...

Уже давно что-то, замеченное боковым зрением, мне мешало. Сейчас я резко повернул голову и увидел, как вешалка выгибается от верхушки до основания, будто сотрясаемая конвульсиями. Я не первый год у Ларта на побегушках и повидал всякое, но это, поверьте, было очень страшно. И прежде чем я смог вытолкнуть застрявший в горле крик, на месте вешалки обрушился на пол человек.

Я не сразу сообразил, что это человек. Он лежал бесформенной грудой на ворсистом ковре, а я стоял в противоположном углу и боялся пошевелиться. Вот так так, и эта вешалка торчала в прихожей три года...

Человек пошевелился, судорожно дернулся и поднял на меня сумасшедшие глаза. Я попятился; он вскочил и перевел взгляд на свои руки. В правой была зажата моя бирюзовая с золотом куртка. Он замычал и с отвращением попытался ее отбросить, но пальцы, по-видимому, не слушались. Тогда он левой рукой разжал пальцы правой и швырнул мою куртку в угол, как вещь исключительно гадкую, так что мелочь из карманов рассыпалась по всей при-

хожей. Потом снова уставился на меня (в глазах ни тени мысли), опять перевел взгляд на руки и стал вдруг ощупывать себя с головы до ног, всхлипывая все громче и громче, пока не захотел (или заплакал) и не сполз по стене обратно на ковер.

Я знал раньше, что маги занимаются подобными вещами, но никогда не предполагал, что Ларт, мой хозяин, на такое способен.

А человек смеялся, теперь уже точно смеялся, и катался по полу. Я совсем уж было уверился, что это сумасшедший, когда он вдруг замер и зажал себе рот рукой. Потом прохрипел, не глядя:

– Дай воды.

На кухне я вспомнил-таки: вешалку эту преподнес хозяину его вечный соперник Бальтазарр Эст в знак очередного примирения.

Когда я вернулся в прихожую, тот человек уже взял себя в руки. Лицо его, правда, еще было безжизненно-серым, но из глаз исчезло паническое выражение; он сидел, привалившись спиной к стене, и массировал лоб и щеки, возвращая им человеческий цвет.

Я протянул ему стакан, он выпил до дна, стуча зубами о стекло. Поставил опустевший стакан, перевел дух и посмотрел мне прямо в глаза:

– Значит, таков был его приказ?

Я не стал выяснять, чей это – «его», и кивнул.

– Что дальше?

Его плохо слушался язык, но он прямо-таки буравил меня глазами.

– Дамир...

Вот как, он меня знал!

– Дамир, что он еще приказал?

Я сглотнул и пожал плечами.

– Я так понял, – хрипло продолжал он, – что могу... убираться восвояси?

Я глупо улыбнулся.

Он встал, держась за стену. Двинулся к двери. Обернулся:

– Хорошо. Ладно. А теперь... Передавай ему привет. Просто привет от Маррана.

Я стоял на пороге и смотрел, как он уходит, едва переступая негнушимися ногами.

* * *

...Это было безумие – передавать ему привет. Это было пустое и глупое бахвальство.

Станный и нелепый человек шагал по дороге. Когда-то его звали Руал Ильмарранен, по кличке Марран.

Ноги на желали подчиняться, потому что за три предыдущих года им не пришлось делать и шага. Руки, неестественно выгибаясь, судорожно хватали воздух, ловя несуществующие воротники плащей и курток. Пасмурное весеннее небо было слишком светлым для привыкших к полумраку глаз.

По дороге к поселку шагала ожившая вешалка господина Легиара.

Марран силился и не мог удержать надолго ни одной, самой пустяковой мысли. Вот дорога, думал он, опустив голову и вглядываясь в раскисшую глину. Это вода. Это песок. Это небо. Тут он пошатнулся, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал, как падает деревянная палка. Прямо перед глазами у него оказался жидкий кустик первой весенней травки. Это трава, подумал он безучастно.

Откуда-то из глубин отупевшей памяти явился сочно-зеленый луг, над которым деловито вились цветные бабочки, и бронзовая ящерица на горячем плоском камне.

Марран с трудом перевернулся на спину, оттолкнулся от притягивающей к себе земли, руками согнул сведенную судорогой ногу – встал, шатаясь.

Воспоминание помогло ему, позволив хоть немного приостановить хаотически несущийся поток бессвязных мыслей. Он уцепился за один, самый яркий образ: ящерица, ящерица...

Девочка-подросток, чьей самой большой гордостью было умение превращаться в ящерицу. И мальчишка, над этой ее гордостью смеющийся.

«А в саламандру умеешь? А в змею? А в дракона? Ну, посмотри на меня! Ведь это так просто!»

Мальчишке ничего не стоило скакать кузнечиком, гудеть майским жуком – а она умела тогда превращаться в ящерицу, и только. Мальчишка наслаждался своим превосходством, хлопал пестрыми сорочьими крыльями прямо над ее головой – она с трудом сдерживала злые слезы.

«Ну хватит, Марран! Убирайся, можешь больше не приходиться!»

Марран вздрогнул.

Он стоял на холме, под его ногами качалась раскисшая дорога, а прямо перед ним лежал в долине поселок. Вились теплые дымки над крышами.

Он не принимал решение – ему просто больше некуда было идти.

Непослушные ноги знали дорогу, но шли медленно, так медленно, что он добрался до места поздним вечером. Калитка не была заперта. Дом засыпал – слабо светило последнее, бессонное окно.

Марран встал у двери, не решаясь постучать. Затуманенное сознание понемногу прояснялось – и по мере этого прояснения ему все сильнее хотелось уйти.

Но тут дом проснулся.

Что-то обеспокоенно спросил женский голос, застучали шаги по лестнице, осветились окна... Женский голос повторил свой вопрос нервно, почти испуганно.

Дверь распахнулась. На Маррана легла полоса теплого, пахнущего жильем света. Он заморгал полуослепшими глазами.

Та, что стояла в дверном проеме, пошатнулась и едва удержала фонарь.

...На обеденном столе горели две свечи. Топилась печка; щели вокруг чугунной дверцы светились красным.

Он сидел, уронив голову на руки. В полубреду ему виделась ящерица на горячем камне.

– ...слышишь меня?

Он с трудом поднял голову. Женщина стояла перед ним с бокалом темной жидкости в трясущихся руках:

– Выпей...

Он начал пить нехотя, через силу, но каждый глоток возвращал ему власть над мыслями и способность облекать их в слова.

– Три года... Три года, Ящерица...

Женщина запрокинула голову, закусила губу:

– Я вдруг почувствовала твое присутствие. Я поняла, что ты пришел...

– Прости.

Она сдавленно рассмеялась:

– А я всегда чувствовала, что ты идешь... У меня голова начинала болеть, и я думала – опять негодный Марран...

Он попытался улыбнуться:

– Да?

Она раскачивалась на скамейке, глядя на него странным, не то насмешливым, не то растерянным взглядом.

– А помнишь, как ты мне хвост оторвал?! И потом носил на шее, на цепочке...

- А потом потерял...
- А я себе новый хвост отрастила...
- А помнишь, как ты меня дразнила? Марран – противный таракан...
- И еще Марран – хвастливый барабан...
- И облезлый кабан...

Она зашлась смехом:

– Не было кабана, это ты только что придумал... – И продолжала сразу, без перехода: – А ты живой, Марран... Ты живой все-таки...

Ее смех оборвался.

– Я виноват перед тобой, Ящерица, – сказал с длинным вздохом ее собеседник. – Не надо было приходить.

В соседней комнате завозился, заплакал ребенок. Женщина по имени Ящерица вздрогнула, решительным мальчишеским движением стерла слезы и вышла, прикрыв за собой дверь. Маррану показалось, что огонь в печи почернел.

Женщина вернулась, бросила на собеседника быстрый испытующий взгляд – тот ответил неким подобием улыбки:

- Мальчик или девочка?
- Мальчик, – отозвалась она сухо.

Он попытался снова вспомнить сочно-зеленый луг – и не смог. Краски его видений разом выцвели, поблекли.

Пауза затянулась. Ящерица, заламывая пальцы, села за стол напротив Маррана.

– Мой муж – прекрасный человек, Руал, – наконец сказала она, подавив не то вздох, не то всхлип.

Черный огонь в печи жадно пожирал седеющие поленья.

– Он не маг, и я теперь тоже не хочу иметь с магией ничего общего, – продолжала она с внезапной надменностью. – Слишком дорого обходится вражда господ колдунов, а дружба – еще дороже... Это все, что ты хотел бы знать?

Марран не ответил.

Сделав над собой усилие, он встал, взял свечу со стола, обернулся к овальному металлическому зеркалу на стене. Поднес свечку к лицу... Рука дрогнула.

- Марран – хвастливый барабан... Похоже?
- Она не отозвалась, подавленная. Тогда он попросил тоскливо:
- Догадайся, Ящерица... Догадайся, что со мной...
- Ларт и Эст объединились против тебя, взяли в клещи...

- Да... Но это не все.
- Они одолели тебя... Ты стал вещью, мебелью...
- Да. Но это еще не все.
- Тебе плохо...

Он свирепо обернулся:

– «Плохо»? Я... – Осекся. Выдохнул сквозь сжатые зубы и сказал спокойно: – Я просто больше не маг, Ящерица.

Она стояла в полумраке, где он не мог разглядеть ее лица.

- Как ты сказал?
- Как ты слыхала.

Она медленно опустилась на скамейку.

– Это ты... Ты-то... Как же? Кто же ты теперь?

Он отчеканил зло:

– Бывший волшебник. Отставной кавалер. Ненужная вещь, которую потеряли-поддержали да и вышвырнули вон. Вышвырнули и забыли и с тех пор прекрасно без нее обходятся!

Она не удержалась и всхлипнула – громко и жалобно.

Марран криво усмехнулся:

– Не отчаивайся... Вот прекрасный случай предложить мне покровительство.

Она смотрела на него потрясенно. Хотела что-то сказать – и не решилась. Сникла, машинально принялась водить пальцем по краю блюда. Потом снова набрала в грудь воздуха – и выдохнула, так и не проронив ни слова. Заколебалось пламя свечи.

Он оторвал глаза от скатерти:

– Ладно, говори...

Она покусала губы и выговорила, глядя в сторону:

– Можешь ругать меня, говорить что хочешь... Ты всегда любил меня оскорблять... Но объясни! Объясни, что произошло между вами... Это какое-то затмение... Ты был...

– Любимцем судьбы.

Женщина быстро глянула на собеседника – тот скалил зубы.

– Ну, посмейся... Самое время нам посмеяться... Светлое небо, да Легиар прощал тебе то, что никому на свете не прощал! Господин Бальтазарр Эст, это мрачное чудовище – и играл с тобой на равных! И как вышло...

Она запнулась. Он смотрел на нее с сосредоточенным интересом:

– Ну, продолжай.

– Я хочу спросить, Руал, за что тебя... Только не ври.

Он чуть усмехнулся:

– А ты как думаешь?

Она помедлила. Опустила глаза:

– Я думаю... Что ты сам доигрался. Крутил, вертел, куражился... Есть вещи, за которые...

Лицо его вдруг застыло – и она испугалась. Пробормотала, будто оправдываясь:

– Но была же причина...

Радостно возопил первый утренний петух. Крик этот, не принеся Руалу облегчения, подсказал выход:

– Сейчас рассветет – и я уйду.

– Куда?

– В дальнюю дорогу. Не бойся, я не собирался злоупотреблять гостеприимством... твоей семьи.

Она вспыхнула:

– Ну и не надо было приходить!

– Ну и напрасно пришел...

– Ну и напрасно!

Он шагнул к двери – и наткнулся в полумраке на тяжелую рогатую вешалку.

Его отбросило, будто ударом гигантского кулака. Задыхаясь, он упал на пол, закрывая лицо руками, забился в судорогах...

Она в спешке наполнила стакан темной жидкостью, бормотала заклинания, плела руками сложное невидимое кружево...

Марран не сразу пришел в себя. Он долго смотрел в приоткрывшуюся дверцу печурки, приговаривая про себя: «Это огонь. Это огонь».

– Руал, очнись... ЭТО прошло... Теперь ты снова жив и будешь жить...

Что-то неприятно хрустнуло. Марран раздавил в руке стакан с остатками напитка и теперь наблюдал безучастно, как белую салфетку пятнают черные капли крови.

– Господин Легиар так презирает меня, что не соизволил самолично снять заклятие... Послал мальчишку...

Она устало вздохнула и, принимая из его рук осколки, осторожно провела пальцем по линии пореза.

– Послушай меня, Руал. Ты никогда меня не слушал – послушай хоть раз. Ничего не вернуть и ничего не исправить. Забудь о НИХ, и ты будешь жив...

И она поставила на стол совершенно целый стакан.

Марран разглядывал руку – глубокий порез на ней быстро затягивался.

Скрипнула кровать в соседней комнате. Его собеседница насторожилась было, но ребенок, пошевелившись, затих. Женщина испытующе глянула на Маррана – и глаза их встретились.

– Ничего не исправить... – проговорил он с трудом. – Ты права... Ящерица отращивает потерянный хвост много раз, до бесконечности. Но не всем так везет...

– Руал, – сказала она решительно. – Я помогу тебе во что бы то ни стало.

Он обнажил зубы в нехорошей усмешке:

– Спасибо. Я знал, что обязательно получу нового покровителя... вместо старых!

Она поднялась:

– Ты не смеешь так со мной разговаривать!

– А ты преврати меня во что-нибудь, – посоветовал он без улыбки. – Увидишь, как это просто теперь. – И тоже встал.

Они стояли друг против друга, и ей приходилось задирать голову, глядя ему в глаза.

И тогда он ее обнял.

Растерявшись, она забилась, как пойманная пичуга. Он оторвал ее ноги от земли и поднял так, что их лица оказались на одном уровне. Она ослабела.

– Прощай, – сказал Руал Ильмарранен по кличке Марран. – Прощай, Ящерица. Я не приму твоего покровительства, как ты когда-то не приняла моего.

И он осторожно поставил ее на пол.

Они снова смотрели друг другу в глаза, и она задирала голову выше, чем надо, – чтобы слезы вкатились обратно. Он улыбнулся с трудом – тогда она встала на цыпочки и быстро поцеловала его в запекшиеся губы, чтобы в следующую секунду резко оттолкнуть.

За окном светало – женщина по имени Ящерица отошла к окну, отвернувшись от Маррана.

– Все, – сказала она глухо. – Теперь уходи.

Догорали свечи. На столе осталась белая салфетка, запятнанная каплями крови.

* * *

...Когда я добрался до пристани, солнце уже садилось в горку безмятежных золотых облаков. Ларт виден был издалека – одетый во все черное, как и подобает странствующему магу, он взад-вперед расхаживал по пирсу. Ветер живописно развеивал его длинный плащ.

Я смиренно поставил дорожный сундучок у высоких ботфортов.

– Ну? – спросил он скучным голосом.

Я доложил, опустив, впрочем, последний эпизод.

– Это все? – осведомился Ларт, наблюдая за приближающейся шляпкой.

Я собрался с духом:

– Вам привет, хозяин. От некоего Маррана.

Шляпка неуклюже привалилась к пирсу. Ларт покусал губу и ничего не ответил. Тогда я обнаглел:

– И попрошу, если можно, в будущем избавить меня от подобных испытаний.

Не ответив ни слова, он круто повернулся и пошел прочь, навстречу матросам из шлюпки, которые, кланяясь и приседая, приглашали нас занять места на зафрахтованном суденышке.

В каюте на двоих, самой роскошной на этой посудине и все равно удивительно тесной и темной, я разбирал багаж, слушая доносившийся с палубы через приоткрытое окошко разговор Ларта с капитаном. Они уточняли курс: хозяина, как всегда, тянули рифы и мели, шкипер несмело возражал. Наконец звякнули монеты, и разговор был свернут. Заскрипели ступеньки, противно подпела дверь, каюта наполнилась сначала мутным вечерним светом, а затем Лартом, который за все задевал кончиком шпаги и вполголоса ругался. Я помог ему снять плащ. С палубы доносились поспешные команды, грохот якорной цепи и суматоха отплытия.

Ларт обрушился на койку, не снимая сапог. Я стал зажигать свечку, в этот момент суденышко качнулось, и я чуть было не свалился на хозяина. Ответом было презрительное мычание. Я извинился.

Кораблик лег на курс, наполнив паруса вечно попутным по Лартовой милости, но от этого не менее холодным ветром. Этот ветер пробрал меня до костей, пока я ходил справляться об ужине. Вернувшись, я застал хозяина в той же позе и в том же состоянии духа.

– Нас накормят, – сообщил я, усаживаясь. Ларт отозвался невнятно.

Проследив за его неподвижным взглядом, я с трудом разглядел на темном потолке толстого паука в паутине. Я не думал, что на корабле могут быть пауки, но деловито осведомился:

– Убрать?

Ларт не ответил.

Некоторое время мы слушали завывания ветра и плеск воды за бортом.

– Значит, он передавал мне привет? – заговорил со мной Ларт впервые за этот вечер.

– Горячий, – ответил я осторожно.

– А потом?

– Потом ушел.

– Далеко?

– Я не следил за ним, хозяин.

– И приключение тебе не понравилось?

– Никоим образом.

– Мне тоже, – буркнул он и повернулся лицом к стене.

Но на этот раз молчание длилось недолго.

– Предательство, – сказал Ларт в стену. – Предательство не прощается, Дамир.

Мне вдруг стало жарко – показалось, что он намекает на меня. Я в ужасе стал перебирать в уме свои дела и поступки, гадая, какой из них мог рассердить Ларта, но тут он продолжил свою мысль и отвел от меня подозрение.

– Руал Ильмарранен, – пробормотал он, обращаясь к пауку. – Двойное предательство.

Я тихонько вздохнул с облегчением и тут же насторожился, догадавшись, о ком идет речь.

– Да, – сказал Ларт, будто отвечая на мои мысли. – Марран.

И тут меня осенило: а я ведь его знал! Я делал первые шаги у Ларта на службе, когда этот нахальный и самоуверенный субъект был, помнится, его любимцем.

– Марран, – тем же отрешенным голосом продолжал Ларт. – Маг милостью небесной. Со временем он перерос бы и Эста, да, возможно, и меня... Не успел. Поторопился предать нас обоих. Наказание справедливо.

Он еще хотел что-то сказать, но тут снаружи послышались удивленные крики. Я поспешил выбраться на палубу.

Был темный, беззвездный вечер, мы неслись на всех парусах, а над нами, чуть не задевая за снасти, кружилась белая птица. Птица хрипло кричала, попадая в мутный свет фонарей, а

оказываясь в темноте, излучала собственное слабое свечение. Матросы толпились на палубе, задрыв головы.

Я быстро спустился в каюту:

– Хозяин, к вам пришли.

Как только Лартова голова показалась из дверного проема, птица камнем кинулась вниз и мертвой хваткой вцепилась колдуну в плечо. Ларт поморщился, а птица склонилась к его уху и с огромной скоростью застрекотала некое сообщение. Выслушав несколько слов в ответ, она захлопала крыльями, сорвалась с Лартова плеча и, уронив на палубу помет, канула в темноту. Все свидетели диалога шумно перевели дыхание, а мой хозяин молча вернулся в каюту.

...До поздней ночи я сидел в кубрике, ел до отвала, пил и делился подробностями из жизни магов. Слушатели смотрели на меня с ужасом и восторгом.

Пошатываясь и потирая живот, я едва добрался до каюты.

Лартов ужин, оставленный мною на столе, стоял нетронутый и давно остыл. Свеча почти догорела.

Мой хозяин сидел на койке, подобрал под себя ноги. Рядом, ткнувшись эфесом в подушку, лежала шпага.

Я остался стоять у двери, переступая с ноги на ногу.

– У нас перемены, – мрачно сообщил Ларт. – Мы меняем курс и завтра высадимся на берег.

* * *

...Это было первое утро за последние три года.

Марран шел проселочной дорогой; ноги, особенно левая, слушались с трудом. Дважды он упал – один раз очень сильно, поскользнувшись на предательски подмерзшей за ночь лужице, и ссадил себе ладони и щеку. Единственный человек, встретившийся Маррану по дороге, был пастушонок со стадом овец; мальчишка, по-видимому, хотел что-то спросить у измученного странника, но испугался и не спросил.

Первой радостью Руала на этом пути было солнце, пробившееся наконец сквозь утренний туман.

Руал надеялся согреться с его появлением – и не согрелся. Ждал, когда пройдет тошнотворная слабость – но она не проходила, а, наоборот, наваливалась все сильнее по мере того, как Руал уставал. А уставал он быстро.

Впереди показался мостик, изогнутый, как дужка ведра, и такой же тонкий. Ильмарран решил отдохнуть, привалившись к удобным широким перилам. Последние шаги оказались кошмаром.

Второй радостью Руала была минута, когда он повис-таки на перилах и увидел внизу свое неясное отражение в темной бегущей воде.

Некоторое время он безучастно смотрел на себя-под-мостом, потом водная гладь вздыбилась у него перед глазами – невыносимо закружилась голова.

...Когда-то река была теплой, кристально чистой, и в самую темную ночь он различал в потоке плывущую впереди серебряную форель.

Он и сам был форелью – крупной, грациозной рыбиной, и ему ничего не стоило догнать ту, что плыла впереди.

Она уходила вперед, возвращалась, вставала поперек реки, кося на него круглым и нежным глазом. Он пронесился мимо нее, на миг ощутив прикосновение ясной, теплой изнутри чешуи, и в восторге выпрыгивал из воды, чтобы мгновенно увидеть звезды и поднять фонтан сверкающих в лунном свете брызг.

Потом они ходили кругами, и круги эти все сужались, и плавники становились руками, и не чешуи они касались, а влажной смуглой кожи, и весь мир вздрагивал в объятиях счастливого Маррана...

А потом они с Ящерицей выбирались на берег, потрясенные, притихшие, и жемчужные капли воды скатывались по обнаженным плечам и бедрам...

...Порыв ледяного ветра подернул воду рябью.

Под вечер мучительного бесконечного дня он увидел мельницу.

Она стояла, как и раньше, в стороне от дороги, за поворотом реки.

Но вода не шумела, обвалилось мельничное колесо. На мельнице царило полное и давнее запустение.

Руал подошел ближе. Из разбитого окна выпорхнул воробей.

Ильмарранен проводил его взглядом.

...Мельник Хант держал мальчишек-подмастерьев в черном теле – они тяжело отработывали на мельнице каждый урок магии.

Хант был средней руки колдуном, но незаурядным бабником – окрестные девушки и молодницы хаживали к нему гадать, привораживать женихов и сживать со света соперниц. Не задаром, конечно.

У мельника были влажные, цвета речной воды глаза – пристальные и насмешливые, прозрачные и непроницаемые одновременно. О нем ходили скверные слухи. Опровергнуть или подтвердить их могли только те утопленники, чьи тела время от времени попадали в рыбацьи сети вниз по реке. Впрочем, люди иногда тонут сами по себе, и если даже среди них случится подмастерье с мельницы или бывшая Хантова подружка – что ж, это не такой уж повод для страшных подозрений.

Хант приходился вассалом Бальтазарру Эсту и платил ему дань. Подмастерья шептались о совершенно невероятных формах, которые эта дань принимала.

Конечно, мельник Хант по своему положению был много ниже блестящего господина Руала, и неизвестно, какой каприз великолепного Ильмарранена сблизил их. Во всяком случае, между мельником и Руалом установились живые, почти приятельские отношения.

К приезду Маррана накрывался стол – Хантова служанка, робкая тощая девушка, сбивалась с ног. Она мучительно стеснялась, прислуживая господину Ильмарранену, краснела и роняла посуду. Марран иногда снисходительно пощипывал ее за единственное выдающееся место – нос.

Подмастерья выстраивались вдоль стены, пялясь на заезжую знаменитость и перешептываясь. Младший до смерти боялся тараканов – и господин Руал охотно потешал публику, превращая его сотоварищей в стаю огромных черных насекомых. Поднималась возня, маленький подмастерье визжал, вспрыгнув на стул, а мельник Хант загадочно улыбался, пуская кольца дыма из своей трубки. Наблюдая эту сцену, господин Руал веселился от души.

Впрочем, странная дружба мельника и Маррана готова была зайти в тупик к моменту, когда на Ханта, его мельницу и уплачиваемую им дань пожелал заявить претензии господин Ларт Легиар, постоянно расширяющий территорию своего влияния и подчинивший себе уже весь левый берег.

Великие маги перегрызлись, как псы.

Мельник охал и жаловался Маррану на притеснения и претензии с двух сторон. Господин Руал, удивительным образом ухитрявшийся поддерживать дружбу с обоими соперниками, ободряюще хлопал Ханта по плечу и усмехался покровительственно.

И вот лунной весенней ночью в столешницу дубового обеденного стола был вогнан длинный охотничий нож – так делается, когда двое хотят побиться об заклад.

Подмастерья, поднятые с постелей, служанка в халате и разгоряченный небывалым пари мельник толпились с одной стороны стола, а с другой его стороны высился Ильмарранен:

– Двадцать золотых, мельник! Я ставлю двадцать золотых, что скажешь?

Хант грыз ногти, не переставая загадочно усмехаться:

– Я бы поднял ставки, господин Руал... Уж больно сомнительное это дело... Любого из них мудрено провести, а уж обоих...

Не зря, ох не зря набивал цену Хант! Пари сулило потеху, но и риск тоже, ибо господин Руал брался – ни более ни менее – оставить в дураках и Легиара и Эста. Шутка ли – явиться к Эсту в Лартовом обличье и так спутать все карты, чтобы маги отказались от мельницы по доброй воле... Впрочем, известно ведь, что господин Руал – мастер мистификаций и розыгрышей...

– Посмотрим! Пятьдесят, чтобы не мелочиться. – Конечно, он был уверен в успехе.

Мельник покончил с ногтями и принялся за пальцы:

– Рискуете, господин Руал... Но так тому и быть... Я согласен.

– По рукам? – взвился Ильмарранен.

Мельник протянул сухую короткопалую руку, и над воткнутым в столешницу ножом было заключено пари... Старший подмастерье разбил руки спорящих вялым нерешительным ударом. Громко икнула сонная служанка – а господин Руал расхохотался, обернулся яркой растрепанной птицей и вылетел в приоткрытое окно...

...На заплесневевшем обеденном столе до сих пор темнел глубокий след ножа. Окна разбились, полуоткрытая дверь вросла в землю. Посреди двора догнивала груда пустых мешков.

Ильмарранен повернулся и зашагал прочь.

...Печальная женщина по имени Ящерица склонилась над столом, вглядываясь в темные пятна на белой салфетке. Возился в люльке маленький мальчик – агукал, улыбался, пытался поймать кружащиеся над ним прямо в воздухе цветные шары... Из наполовину прищторенного окна било радостное весеннее солнце, в ярком его потоке волшебные шары покачивались, радужно переливались, то ловко уворачиваясь от маленьких ручек, то приликая к ладошкам. Малыш смеялся.

Его мать нежно разглаживала складки белой ткани, стараясь не касаться пятен крови. Вскоре под ее взглядом они медленно вернули свой красный цвет и ровно засветились изнутри.

* * *

Мы шли, по щиколотку увязая в сыром песке. Мыс остался позади, и суденышко скрылось из виду. Вместе с ним из виду скрылись завтраки, обеды, ужины, крыша над головой и увесистый дорожный сундучок.

Мы шагали налегке – молчаливый Ларт впереди, я следом. На каждый его шаг приходилось полтора моих.

Слева тянулась полоса прибоя, справа – бесконечная каменная гряда. Сюда можно было только приплыть или прилететь.

У меня промокли башмаки. Я догнал Ларта и поплелся рядом, преданно заглядывая в неприятно желчное лицо.

– Хозяин, близится время обеда. Я-то готов сносить превратности пути, но вы обязательно должны регулярно питаться.

– За что я его держу? – угрюмо спросил себя Ларт.

Я поотстал.

Спустя еще час мне было совершенно ясно, что путь наш никогда не кончится. Мы будем вечно идти вдоль полосы прибоя, и сырая стена справа никогда и ни за что не отступит. Я успел

трижды отчаяться и трижды смириться, когда Ларт вдруг встал как вкопанный. Я чуть было не налетел на него сзади.

Ларт встал лицом к отвесной скале, погладил ее ладонью и что-то сказал. «Ум-м!» – ответила скала, и в ней открылась черная вертикальная трещина.

Я отскочил так, что оказался по колено в море.

Ларт обернулся и поманил меня пальцем.

– Я обожду вас здесь, – сказал я бодро. – Мне неловко навязывать... – Тут здоровенная волна пихнула меня под зад. Я, теряя равновесие, пробежал несколько шагов вперед и, мокрый как мышь, обрушился к Лартовым ботфортам. Он взял меня за шиворот и впихнул в щель.

Внутри было совершенно темно и неожиданно просторно. Ларт двинулся вперед в полном мраке, а я вцепился в него двумя руками, как в самое ценное свое сокровище. Щель у нас за спинами с грохотом сомкнулась.

Ларт, конечно, видел в темноте и уверенно тащил меня к хорошо ему известной цели. Вскоре во мраке подземелья прозвучал удивительно неуместный здесь скрип открываемой двери – и сразу стало светло.

Мы стояли посреди просторной прихожей, чем-то напоминающей Лартову, причем я уже успел изрядно наследить.

– Орвин! – крикнул мой хозяин. – Орвин!

Ответа не последовало. Я ежился – мокрая одежда липла к телу.

Не дождавшись приглашения, мы (Ларт впереди, я в отдалении) через длинный коридор прошли в комнату, служившую, по-видимому, гостиной. В центре этого огромного полупустого помещения стояло нечто, накрытое плотной черной тканью. Я решил, что это картина.

– Так, – сказал мой хозяин, потер пальцем нос, покусал губу, потом красивым длинным движением выхватил шпагу. Я охнул; Ларт шагнул вперед и кончиком шпаги сорвал ткань со странного предмета.

Это было зеркало. В нем отражались комната, Ларт, часть меня и некий темноволосый мужчина, в котором я узнал хозяйского знакомца по имени Орвин, или Орвин-Прорицатель.

Я отступил.

– Здравствуй, Легиар, – сказал Орвин из зеркала. – Прости, что не дождался тебя. Но сейчас каждая минута имеет значение. Я должен найти разгадку.

Он протянул там, в зеркале, руку – с руки свисала золотая цепочка, на которой болталась опять же золотая пластинка. Гладкая золотая пластинка величиной с крупную монету, со сложной, замысловатой фигурной прорезью в центре.

– Это Амулет Прорицателя, – продолжало отражение, – мой амулет, Легиар. Вчера его тронула ржавчина. Я не хотел верить. Сегодня ржавое пятно растет так быстро, как говорит об этом Завещание Первого Прорицателя, когда предупреждает о явлении Третьей силы. Той самой, в которую ты никогда не верил. Мой долг был предупредить тебя, Ларт, – и я предупредил. Теперь прощай – я должен выяснить, что и откуда нам угрожает. Желаю удачи – она нам понадобится. Прощай.

Отражение дрогнуло и растеклось, растаяло. В зеркале была только комната и Ларт – я благоразумно отошел.

Мой хозяин приблизился к зеркалу, внимательно на себя посмотрел, извлек из кармана гребешок и тщательно расчесался.

– Ах, ты... – пробормотал он в замешательстве. – Клянусь канарейкой... Дрянь, не верю...

Выскользнув из его руки, костяной гребешок раскололся на мозаичном полу.

* * *

Когда-то Руал Ильмарранен умел летать.

Теперь он с трудом мог в это поверить – так тянула его земля.

Земля издевалась над ним, плясала под ногами, как утлая палуба в шторм; земля не желала подчиняться и не желала отпустить. Дорога то и дело ускользала из-под прохудившихся подошв, подсовывая вместо себя гнилые ямы, рывины и пни. Руал был близок к отчаянию.

Сгущалась ночь.

Незаметно подкрался и обступил Ильмарранена со всех сторон низкорослый, больной лесок.

Руал окончательно сбился с дороги.

– Очень глупо, Марран, – сказал он сам себе запекшимися губами. – Глупее исхода не придумал бы и мельник Хант!

Тут под его ногой подломился с треском трухлявый сук, и Ильмарранен рухнул в груды истлевших прошлогодних листьев.

...До чего теплым был золотой песок на речном берегу, под обрывом! В песке этом ползали, обуянные азартом, двое подростков, а между ними – на утрамбованном пяточке – разворачивалось муравьиное сражение. Черными муравьями командовала Ящерица, а юный Марран – рыжими.

Полководцы припадали к земле, подхватывались на ноги, лазали на четвереньках, отдавая неслышные уху приказы покорным и бесстрашным «солдатам». Некоторое время казалось, что силы равны, потом рыжая армия Руала вдруг беспорядочно отступила, чтобы в следующую секунду блестящим маневром смять фланг черной армии, прорвать линию фронта и броситься на растерявшуюся Ящерицу.

– А-а-а! Прекрати!

Муравьи уже взбирались по ее голым загорелым рукам. Она прыгала, вертелась волчком, стряхивая обезумевших насекомых. Черная армия распалась, потеряла управление, перестала существовать.

Марран сидел на пятках, утопив колени в песке, и улыбался той особенной победной улыбкой, без которой не завершалась обычно ни одна из его выходов.

– Ну, что ты теперь скажешь? Что тебе мешало выиграть на этот раз?

С ее языка готова была сорваться отповедь – и вдруг она нахмурилась, ей почудился кто-то наверху, далеко, над обрывом.

– Руал... По-моему, там Легиар... Может, нам лучше уйти?

Он сощурился:

– С чего бы это?

– Мы ведь на его территории... Может, он не любит, чтобы чужие приходили и колдовали у него под носом?

Марран потянулся, бросил насмешливо:

– Ты мне зубы не заговаривай! Сдаешься, не хочешь больше играть – так и скажи... Мне тоже надоело колдовать вполсилы... Ты же с тремя десятками муравьев справиться не можешь!

Девушка вспыхнула:

– Зато ты хвастаешься в полную силу и даже сверх всяких сил! Целуйся с муравьями своими!

Он смешно сморщил нос и протянул:

– Ну, целоваться я хочу с тобо-ой...

Следующие три минуты они возились, как щенки, на недавнем поле боя, хохотали и набивали полные рты горячего песка.

– И почему ты такой задавака, Марран, – говорила Ящерица, когда они лежали рядом, сморенные зноем. – Будто бы все можешь...

– А я все могу! – Мальчишка подпрыгнул, будто подброшенный пружиной. – Вот пожелай чего-нибудь!

– Муравьиную пирамиду, – сонно бормотала девушка, – и чтобы вокруг нее был хоровод, а сверху один муравей махал белым флажком...

– Всего-то?!

Ящерица вскочила, вскрикнув, потому что все муравьи округи за две минуты собрались на месте, где только что покоился ее локоть.

Рыжие, красные, черные, забыв о насущных делах, выполняли поспешно прихоть маленького мага. Девушка смотрела, полуоткрыв рот:

– Эй, Марран... Я пошутила вообще-то...

А муравьиный хоровод уже кружился, а пирамида все росла и росла, а Руал Ильмарранен, красный от напряжения, пританцовывал вокруг, шевелил губами, водил пальцами и приседал:

– Ну, флажок! Давай же!

Флажок не получался.

Ящерица уже презрительно скривила губы, когда на вершину пирамиды выбрался-таки изрядно помятый рыжий муравей с лепестком маргаритки наперевес. Марран подскочил с победным воплем.

– Да, это достойно, малыш, – сказали у него за спиной.

Ильмарранен обернулся – перед ним стоял человек, о котором он много слышал и которого впервые видел так близко – великий маг Ларт Легиар.

Ящерица побледнела под слоем загара и резко дернула Руала за рукав. Тот, не глядя, высвободил руку.

– И чей же ты такой, мальчик? – спросил Легиар мягко.

– Ничей, – настороженно отозвался Марран. – Свой. А что?

– Ничего, – пожал плечами маг. – Просто хотелось бы знать, кто твой учитель.

– Никто...

– А врать-то зачем? – удивился Легиар.

– Он не врет, – поспешно заступилась Ящерица. – Он самоучка. И вообще мы уже уходим. – И дернула Руала изо всех сил.

Легиар чуть повернул голову, посмотрел сквозь девушку и обратился опять к Руалу:

– А ты никогда не думал, что время муравьиных игрищ когда-нибудь закончится?

Марран смотрел на него исподлобья.

– А в мире, мальчик, есть другие... маги, и кому-то из них ты помешаешь, а кто-то станет союзником... Если ты этого захочешь, конечно, – добавил колдун и внезапно вдруг обернулся огромным грифом, хрипло крикнул и взмыл вверх.

Руал, на секунду растерявшись, оторвал от себя пальцы Ящерицы и обернулся соколом.

Несколько секунд – или часов – две хищные птицы носились на страшной высоте, где дыхание спирало от ледяного ветра. А над берегом металась маленькая чайка – пронзительно кричала и не могла подняться выше.

Потом гриф камнем упал вниз и, коснувшись ногами песка, стал господином Лартом Легиаром.

Вслед за ним опустился сокол – и обернулся обессиленным, запыхавшимся Марраном. Маги – молодой и матерый – некоторое время смотрели друг на друга.

– Пошли, – сказал наконец Легиар. – Можешь звать меня Лартом.

– Марран, – ответил Руал, протягивая руку.

Ящерица стояла, утонув по щиколотку в остывающем песке, и смотрела, как они уходили.

... Руал поднял голову – Ящерица все еще укоризненно смотрела на него из-за уродливого темного ствола.

Он наотмашь ударил себя по лицу – удар вышел слабый, но видение исчезло.

Он попытался встать, опираясь на ствол. В ушах у него, то приближаясь, то затихая, звучало тонкое назойливое пение. Тянула к земле тяжелая голова, мешала подняться.

И тут он увидел огонек.

Далеко-далеко, так неясно, что поначалу он и его принял за видение, но огонек не исчезал, мерцал ровно, тепло, приветливо, и Ильмарранен, пошатываясь, двинулся к нему. Он шел, влекомый той силой, которая собирает стаи бабочек вокруг горящей лампы. И огонек сжалился над ним – помедлил и стал приближаться.

Руал пошел быстрее, все еще спотыкаясь, но уже не падая, оставляя лоскутки рубашки на острых сучьях. Огонек обернулся жарко пылающим костром. Руал, потерянный, вышел на широкий перекресток двух дорог.

Сыпались в небо обезумевшие искры. Костер был сложен прямо посреди перекрестка, а чуть поодаль копошились в его пляшущем свете две приземистые человеческие фигуры.

Ильмарранен шагнул вперед, намереваясь просить о приюте. На него не обратили внимания. Бросив хмурый взгляд, землекопы – а это были именно землекопы – продолжали свой тяжелый и грязный труд. Один долбил землю заступом, другой отворачивал ее тяжелой лопатой. Работали в полном молчании.

Руал, не дождавшись приглашения, сам подошел к костру и опустил перед ним на теплую, усыпанную пеплом землю.

Трещали поленья. Один из работающих то и дело отходил от растущей черной ямы, чтобы подбросить дров в огонь. Костер после этого пригасал, чтобы через секунду разгореться яростно и зло.

Руал смотрел в огонь. Из огня смотрела на Руала женщина по имени Ящерица.

Видение прогнал странный звук, раздавшийся совсем рядом. Не то стон, не то хрип.

Ильмарранен с трудом поднялся и обошел костер.

Кроме двоих работающих и непрошеного гостя, на перекрестке все это время находился еще один человек.

Это был древний старик, измученный, изможденный, лежащий на бесформенной куче тряпья. Старик пребывал в бреду: полуоткрытые ввалившиеся глаза не видели ни костра, ни подошедшего Руала. Губы, казавшиеся черными в свете пламени, не переставая, шевелились.

Ильмарранен присел рядом.

Старик, по-видимому, умирал. В его невнятном бормотании иногда различимы были отдельные слова; он то молил остановить кого-то, то шептал в отчаянии: «Заприте дверь». Руал пытался придержать седую мотающуюся голову.

На рассвете, когда яма была уже широка и глубока, умирающий пришел в себя и потянулся рукой к затерявшейся в гуде тряпья фляге. Ильмарранен помог ему напиться.

Старик поблагодарил жестом. Руал кивнул. Небо светлело, но костер горел еще ярко. В этом смешанном предутреннем свете старик увидел наконец его лицо.

Рот с черными губами судорожно полуоткрылся; и без того страшные черты умирающего исказились вдруг неслыханным, слепым ужасом.

– Привратник! – выкрикнул он, пытаясь заслониться трясущейся рукой. – Привратник!

Руал отшатнулся.

Старик подался вперед, почти сел, не сводя глаз с Ильмарранена, потом захрипел, содрогнулся всем телом и вытянулся. С почерневшего, застывшего лица так и не сошло выражение смертельного ужаса.

Землекопы, как по команде, бросили заступ и лопату и деловито направились к старику. Тогда Руал, который был не в силах овладеть собой, повернулся и бросился бежать без памяти.

* * *

Голые скалы остались позади, теперь под ногами трещала прошлогодняя жесткая трава. Кроме того, то и дело приходилось пробираться сквозь кусты без листьев, но с колючками.

В жилище Орвина мы немного отдохнули, согрелись и подкрепились. Теперь, правда, казалось уже, что и отдых и еда мне приснились.

Вот уже час перед нами маячила новая цель – замок. Там, как предполагалось, нас ждали ужин и ночлег. Мы шли к замку – замок, похоже, коварно отступал.

Сгущались сумерки, когда мы выбрались на дорогу. Идти по утоптаным колеям было легче, я догнал Ларта и спросил невинным голосом:

– Хозяин, неужели мы прервали морское путешествие из-за маленькой золотой безделушки?

Он так долго молчал, что я уже отчаялся услышать ответ. Но он наконец отозвался:

– Морской компас – тоже безделушка... Но если стрелка начинает бешено вертеться – не надо быть Прорицателем, чтоб заподозрить неладное...

Почти совсем стемнело. Проклятый замок не желал приближаться. Мне стало очень не по себе – не от слов Ларта, а от его тона. Он не ворчал, как обычно, а говорил серьезно.

Я помолчал, но молчать было еще хуже, и я спросил как можно бодрее:

– Хозяин, а что такое Третья Сила?

Он быстро на меня взглянул и отвернулся:

– Скорее всего, сказка.

– Тогда почему это вас беспокоит?

– Потому что это страшная сказка.

И тут я по-настоящему испугался. Опять же не от слов. От того, что Ларт не рявкнул на меня, как обычно, и не высмеял, что тоже случалось. Он говорил со мной, как с равным. Значит, что-то действительно не так.

– Ладно... – Ларт ловко поддел ногой плоский камушек на дороге. Камушек описал дугу, но падать не стал, а завис прямо перед нами и вдруг ярко вспыхнул, освещая нам путь огнем, похожим на факельный.

– Ты прав, это меня беспокоит, – продолжал как ни в чем не бывало мой хозяин. – Орвин, как ты знаешь, Прорицатель... Правда, Прорицатели все немного не в своем уме. Их духовный наставник, самый первый Прорицатель, если только он на самом деле существовал, написал Завещание, если только это он его написал. И с Завещанием передал медальон, так называемый Амулет Прорицателя... Ну, медальон-то, без сомнения, существует, ты его сегодня видел. Он золотой и ржаветь, конечно, не может... Если только не появится веская, очень серьезная причина.

Хозяин замолчал, но я уже знал, что это ненадолго. Он говорил бы, даже если бы я был глухонемым. Он просто рассуждал вслух.

– Серьезная причина... – продолжил Ларт после паузы. – Этот Первый Прорицатель, который то ли был, то ли его выдумали, в своем Завещании, если это можно назвать его Завещанием, указал такую причину и назвал ее Третьей Силой...

– ...Если это можно так назвать, – эхом отозвался я.

Он внимательно на меня глянул:

– Ну-ну...

Проклятый замок бросил наконец играть в догонялки и теперь приближался неуклонно, но все же очень медленно.

– А почему Третья? – шепотом спросил я.

– Видишь ли... На свете есть маги и есть не маги. Ты согласен, что маги представляют собой силу?

И светильник его вспыхнул вдруг ослепительным, невыносимым для глаз светом.

– Согласен... – пробормотал я, прикрываясь ладонью.

– Но ведь не маги – это тоже сила, – сказал он, пригасив светильник до обычной яркости, – множество больших дел совершалось мудрыми правителями, благородными героями и так далее. Вот король на троне, он справедливо правит. Вот маг в пещере играет заклинаниями. Вот мы с тобой идем по дороге. Все привычно, все уравновешено. Но Орвин вслед за своим Первым Прорицателем считает, что есть еще Третья Сила, к этим двум отношения не имеющая. Она, эта Третья Мифическая, якобы мечтает воцариться в мире, и воцарение ее несет живущим неисчислимые беды и страдания. Что она собой представляет и откуда возьмется – на это Завешание ответа не дает. Но сама мысль о ее существовании мне противна.

– Хозяин, – сказал я, пораженный, – но лошадь может быть либо жеребцом, либо кобылой, а пациент – либо живым, либо мертвым. Где вы видите третий вариант?

Он не ответил.

Наступила ночь.

Громада замка не освещалась ни одним огоньком, да и Лартов светильник горел теперь тускло и неровно. Дорога круто взяла в гору. Впереди, справа и слева, замаячили темные приземистые столбы, по-видимому, каменные. Мы замедлили шаг.

– Любопытные украшения, – пробормотал Ларт.

Столбы стояли шеренгами вдоль дороги, и на плоской верхушке каждого лежала, свернувшись, каменная змея. Каким бы тусклым ни был свет, их уродливые морды, обращенные к нам, были видны даже лучше, чем стоило.

– Ух ты! – сказал я с нервным смешком. И услышал то, что боялся услышать, – шипение. В ту же секунду они открыли глаза.

Сначала те, что были рядом, – мы стояли почти между ними. Потом, будто просыпаясь, – те, что были перед нами. А потом по очереди – все остальные.

На нас смотрела целая цепь красных горящих угольков. Вернее, две цепи – справа и слева.

Мне понадобилось все мое мужество, чтобы не броситься наутек. Я ограничился тем, что присел, спрятавшись за хозяина.

– Хорошенькая встреча... – буркнул Ларт.

– Уйдем, хозяин, – взмолился я снизу, – гляньте, как они смотрят!

Смотрели они отвратительно.

– Я пришел сюда, и я пойду дальше, – процедил Ларт обычным своим голосом. – Держись рядом!

И мы двинулись вперед. Это стало возможным потому, что я изо всей силы зажмурил глаза и открыл их только тогда, когда шипение осталось за спиной.

Замок закрыл уже половину черного неба, и был он чернее неба.

– Пришли, – сказал Ларт.

Подъемный мост был опущен. На дне рва маслянисто поблескивала жирная влага.

Ларт вдруг нагнулся, поднял камень и, размахнувшись, запустил его на мост.

Камень тяжело грохнулся о доски, и доски эти тут же вспыхнули. Камень, одетый пламенем, подскочил, как мячик, и ухнул в ров. Вода зашипела, и все исчезло – мост снова стоял пустой и темный.

– Дрянь, – с отвращением сказал Ларт.

– Не слишком ли много сложностей? – спросил я, дрожа всем телом. – Может, поищем другой ночлег?

Налетел порыв ледяного, почти зимнего ветра.

– Теперь уж я точно не уйду, – отозвался Ларт сквозь зубы. – Ну-ка...

И он на одном дыхании выдал длинную раздраженную тираду, не имеющую никакого отношения к родному языку. При первых же его словах мост напряженно выгнулся, как спина разъяренного кота, а чуть погода ослаб, обвис и разом обветшал. Проклиная все на свете, я шагнул на него вслед за Лартом.

Мы миновали длинную арку, прорубленную в стене, и оказались на внутреннем дворе негостеприимного жилища. Нас приветствовали стаи летучих мышей. Шипастые двери замка неприятно напоминали очертаниями оскаленную пасть.

– Хозяин, – простонал я, – вы уверены, что нас тут накормят, а не съедят?

Ларт хмыкнул с наибольшим презрением, на которое был способен. Будто в ответ зубастая пасть заскрежетала, и гулкий голос угрожающе взревел:

– Кто посмел нарушить покой Великого Волшебника Черного Замка, Который Господствует Над Холмами?!

Когда рокот стих, Ларт обернулся ко мне:

– Ты что-нибудь понял? Кто господствует – Великий Волшебник или его Замок?

– Кто-о?! – взревело невидимое существо, окончательно распугивая нетопырей.

– Да я, – устало объявил Ларт. – Некий Ларт Легиар, если позволите.

Стало тихо. Тишина эта нарушалась только дробным стуком сердца у меня в горле.

– Агм, – обескураженно и далеко не так грозно сказал голос.

– Ну? – процедил мой хозяин.

И двери распахнулись. Быстро, можно сказать, поспешно.

...Великий Волшебник, Хозяин Черного Замка, Который и так далее, встретил нас на лестнице. В одной руке он держал факел, другой запахивал полы домашнего халата.

– Силы небесные, господин Легиар! – воскликнул он суетливо.

– Непросто же до тебя добраться, Ушан, – пробормотал мой хозяин. – Сколько лет ты собираешь всю эту дрянь?

Великий Волшебник захлопал глазами. Не дожидаясь ответа, Легиар отодвинул его плечом и прошел, нагнувшись, в низкую сводчатую дверь.

В пиршественном зале с витражами, фигурами латников и ворохом оружия на стенах мы были единственными гостями. Четыре камина излучали нежное тепло; половину помещения занимал огромный дубовый стол, за которым и восседали мы с Лартом. Великий Волшебник долго и путано извинялся за беспорядок и недостаточную изысканность угощения. Свой халат он сменил на мятый черный балахон, скрывающий в своих складках наметившийся волшебников животик.

– Это безвкусица, Ушан, – вещал мой хозяин, отбрасывая очередную обглоданную кость. – К тому же, клянусь канарейкой, все это собрание монстров никак не соответствует твоему темпераменту. Подай соус, Дамир.

Великий Волшебник напряженно хихикал.

– Действительная ценность всех этих образцов невелика, – продолжал менторствовать Ларт. – Это что, маслины? – Он заглянул в очередную тарелку.

За окнами бушевала непогода. Мы слушали завывания ветра, жмурясь на огонь камина.

Наконец Великий Волшебник стал проявлять признаки нетерпения:

– Могу я узнать... Я так рад видеть вас, добрый господин Легиар, осмелюсь сказать, дорогой Ларт, что позабыл спросить, так сказать, о цели...

Ларт заинтересованно его разглядывал, и не думая приходить на помощь.

– Гм... Должен сказать вам, дорогой Ларт, что если вы намерены предъявить, так сказать, требование... то я готов подтвердить свои вассальские обязательства сразу и не оспаривая.

– Ты же вассал Орвина, – холодно напомнил мой хозяин.

Великий Волшебник на минуту растерялся, пошлепал губами и наконец пробормотал:

– Орвин уехал... Я полагал, что ваш визит, так сказать, следствие...

Ларт отодвинул тарелку:

– Так-так... А если Орвин вернется?

Великий Волшебник съехался.

– Вы не хуже меня знаете, господин Легиар, что он не вернется... Он был очень храбрый, Орвин... Пока не поверил этой безумной книжке. Все твердил про Третью Силу...

Ларт подался вперед:

– Что такое Третья Сила, Ушан?

– Не знаю, господин Легиар. Мне кажется, это бред, который преследует Орвина...

– Ты что же, считаешь Орвина сумасшедшим?

– Да... Нет... Не смотрите так, господин Легиар. Я плохой маг, я перед вами беззащитен.

Но я честный человек...

– Честный человек?! Скажи, Ушан, если явится кто-то сильнее меня, ты так же быстро предложишь ему себя в качестве вассала?

У Великого Волшебника прыгали губы.

– Мои змеи и мои нетопыри не защитят меня... Мой замок стар, сам я слаб... Что же мне делать, господин Легиар?!

Ларт вздохнул и отвернулся. Великий Волшебник тяжело опустился в кресло. Его покачанные плечи вздрагивали.

Стало тихо. Выл ветер за толстыми стенами, да трещали дрова в камине. Ларт смотрел в огонь.

– Я не прав, Ушан, – сказал он наконец. – Прости. Где мы сможем переночевать?

Лицо Великого Волшебника немного просветлело.

– Я велел приготовить комнаты... Чем я еще могу быть полезен, господин Легиар?

– Нам понадобятся лошади. Мы возвращаемся домой.

Часть вторая Скитания

Таверна называлась «Щит и копье», хотя ни один из ее посетителей сроду не держал в руках ни того, ни другого. Самым воинственным человеком в округе был Угл, отставной солдат на деревяшке. В былые времена его превосходила боевитостью матушка Регалар, жена трактирщика, но она вот уже три года как умерла, и с тех пор старик Регалар с племянницей управлялись вдвоем. Постояльцы в гостинице были редкостью, зато каждый вечер обеденный зал заполнялся окрестными фермерами – трактирщик давно бы разбогател, если бы не пагубная привычка давать в долг.

Было довольно рано, посетители едва начинали собираться, но старый Угл, завсегдатай, восседал уже на своем обычном месте, у стойки, и шумно приветствовал каждого нового гостя. Регалар гремел посудой на кухне, а его юная племянница бегала с кружками пива на маленьком подносе.

– А! – скрипел вояка Угл. – Вот и старина Крот! Самое время промочить глотку! – Или: – А вот и Виль, глядите-ка! – И через минуту: – Ага, и Крокус явился! Ну и денек сегодня выдался, верно? Лина, пива!

Розовощекая веснушчатая Лина бухнула перед ним на стол огромную, в белой шапке пены, янтарную кружку. Он привычным жестом потрепал девушку по щеке.

Трактирщик вышел, чтобы поприветствовать гостей, и снова вернулся к очагу. Зал наполнялся; голоса сливались в нестройный гул. Говорили в основном о видах на урожай да еще опасливо пересказывали слухи о банде разбойников, якобы объявившейся в округе. Подвыпивший Угл, подозревая Лину, туманно рассуждал о смотринах и женихах. Та слушала, залившись краской. В это время хлопнула дверь.

– А вот и... – привычно начал, обернувшись, Угл и вдруг запнулся. Он не мог опознать человека, стоящего у входа, а такое случалось с ним нечасто и само по себе уже было событием.

Будто уловив фальшивую ноту в слаженной песне, собравшиеся по очереди замолчали и обернулись к дверям.

Вошедший был молодой мужчина в простой запыленной одежде, с котомкой за плечами и широкополой шляпой в опущенной руке. Никто из сидящих в зале никогда его не видел.

– Вишь, как, – прервал наконец Угл неловкое молчание. – Входите, молодой господин, поскольку тут собралась достойная компания. Лина!

Шум возобновился, правда, несколько тише, чем до этого. Девушка усадила гостя за единственный свободный столик. Тот положил рядом котомку, сверху бросил шляпу и устало вытянул ноги.

Со всех сторон его изучали. Любопытные взгляды разгуливали по прохудившимся сапогам, выдавшей виды куртке и дырявой котомке. В лицо незнакомцу, однако, смотреть избегали, будто стесняясь.

Ни о чем не спрашивая, Лина поставила перед посетителем тарелку бараньего жаркого и кружку пива.

– Спасибо, милая девушка, – проронил незнакомец.

Лина вернулась за стойку, так и сяк повторяя про себя его слова.

После того как пришелец был рассмотрен, изучен и перемыт по косточкам, разговоры за столами вернулись в обычное русло. Лина отправилась на кухню к трактирщику.

– Папаша, – так она обычно звала своего дядю, – папаша, там чужой человек. Одет попростому, а лицо как у господина. Я подала ему, а он назвал меня «милой девушкой».

– Хм... А расплатиться он сумеет? – поинтересовался трактирщик и, влекомый любопытством, направился в обеденный зал.

Незнакомец расправился с содержимым тарелки и явно повеселел. Поднявшись навстречу Лине, он вдруг отвесил церемонный поклон, так что та смутилась.

– Милая девушка, вы спасли меня от голодной смерти. У вас не будет повода сомневаться в моей благодарности, – объявил он торжественно и вытрусил из тощего кошелька несколько медных монет.

«Ишь ты», – подумал старый Угл.

«Как он говорит!» – подумала Лина.

«Беден, как крыса», – подумал трактирщик и решительно шагнул вперед:

– А позвольте узнать, мой господин, какая такая надобность привела вас, человека нового, незнакомого, в наши заброшенные и ничем не примечательные края?

Незнакомец обнажил вдруг в улыбке два ряда блестящих зубов:

– Рад, что моя персона заинтересовала вас, добрый трактирщик... Я – путешественник и знаменитый охотник за бабочками, но иногда не прочь наняться на работу... Дрова колоть, воду носить, детей нянчить, шить, мастерить, играть на музыкальных инструментах... Не надо? – он вопросительным взглядом окинул примолкших гостей.

Кто-то удивленно фыркнул.

Трактирщик между тем вдруг отступил, потом снова приблизился, не сводя с гостя напряженного взгляда. Тот подмигнул Лине, взял со стола бутылочную пробку и вставил в глаз подобно моноклю.

– Быть не может! – воскликнул тут трактирщик громко и радостно.

Он пританцовывал на месте и в восторге хлопал ладонями по коленям.

– Господин Руал Ильмарранен собственной персоной!

Пробка выпала из широко открывшегося глаза. Улыбка застыла на лице незнакомца.

– Видано ли! – причитал Регалар. – У меня, здесь, так запросто!

В трактире стояла удивленная, исполненная любопытства тишина.

– Вы не помните меня, господин Ильмарранен? Три года назад! На ярмарке в Ручьях! Мы еще в кегли играли... И студент этот... И кондитер... Вот компания! Помните? Лина! – Он порывисто обернулся к племяннице. – Да познакомься же с настоящим великим магом!

При слове «маг» все пришло в движение. Люди вставали, лезли на скамьи, возбужденно галдели, стараясь разглядеть нечто новое в таинственном посетителе.

– Вы меня не узнаете, господин Ильмарранен? – Трактирщик, казалось, готов был заплакать. – Вы угощали нас всю ночь... Студент под стол упал... А вы творили чудеса, помните? Помните, как перепугался ночной дозор?

И, вдохновленный, раскрасневшийся, он обернулся к восторженным зрителям:

– Почтеннейшие, это было немислимо и потому незабываемо! Грубые стражники назвали нас дебоширами, представьте! Они даже хотели нас задержать, но господин Руал...

Трактирщик вдруг скорчился, сотрясаемый внезапным приступом смеха:

– Госпо... дин Руал... Одним махом превратил их в винные бутылки... А сам обернулся штопором... Смеху было! Бедняги перепугались до смерти... Получив обратно человеческий облик, бежали без оглядки, а пики побросали... А господин Руал превратил пики в... в...

Трактирщик окончательно зашелся смехом. Свидетели этой сцены, по-видимому, слышали его историю не впервые – оживление нарастало.

– Да, дружище... – пробормотал странный гость. – Не очень-то удачно... А дело, собственно, в том...

– О! – Отсмеявшись, трактирщик перешел на оглушительный шепот. – Вы путешествуете инкогнито, понимаю! Прошу прощения, но здесь ведь все милейшие, достойные люди – все свои! Это – Лина, моя племянница...

– Вот что, – хмуро сказал молодой человек и встал. Взялся за котомку. Шагнул вперед... И встретился взглядом с двумя восторженными васильками. Зрачки у Лины были неправдоподобно широкими – давно, очень давно на Руала Ильмарранена так никто не смотрел.

– Вы правда... Настоящий? Всамделишный волшебник? Да?

Он перевел дыхание.

– Конечно... – И добавил, по-прежнему глядя на девушку: – Конечно, я узнал вас, дружище Регалар.

...Тысячи людей из разных селений и городов могли похвастаться личным знакомством с Руалом Ильмарраненом. Гордый, иногда надменный до чванства, он мог вместе с тем кутить в одной компании с лавочниками, портными, студентами – все одинаково его боготворили.

Однажды в городе Мурре он на спор превратил белую мышь в оперную певицу, и та весь вечер блистала на сцене местного театра, чтобы ровно в полночь юркнуть в норку на потеху честной компании.

В тот же день он спьяну наделил даром речи башенные часы на ратуше, чем причинил жителям множество неудобств, так как у часов обнаружился оглушительный бас вдобавок к скверному характеру.

В поселке Мокрый Лес господин Руал повздорил со старостой и сгоряча превратил его в мула; одумавшись, задумал обратное превращение, да только мул-староста уже затерялся в общем стаде, и господин Руал, махнув рукой, превратил в старосту первое попавшееся животное. Никто из сельчан не заметил подмены.

Выходка, о которой вспомнил трактирщик, была лишь звеном в длинной и славной цепи. Однако неудивительно, что добрейший Регалар запомнил этот случай на всю жизнь.

...Руала окружили, засыпали вопросами, старались незаметно потрогать. Кто-то засомневался и поспорил, кто-то намекнул на то, что неплохо бы, мол, своими глазами увидеть подобное чудо. Трактирщик рявкнул на маловерных: он-де, Регалар, чудеса-то видывал! Он бы не рискнул на месте некоторых раздражать господина Руала – худо будет! Толпа тут же отхлынула, а трактирщик потащил Ильмарранена в собственную комнату, где чествование продолжалось. В дверь то и дело просовывались чьи-то любопытные носы. Широкий дубовый стол ломился от яств и кувшинов.

Далеко за полночь, когда гости давно разошлись, а Лина тихонько прикорнула на сундуке в углу, трактирщик, сжимая Руалову руку и с трудом ворочая языком, горячо убеждал:

– Оставайтесь, господин Руал. Смею заверить, милейший господин... Очень нуждаемся в вас... Вдруг засуха... Или потоп там... Заболеет кто или расшибется... Оставайтесь! Дом вам всем миром... Отблагодарим, не обидим... Смею заверить...

Руал тупо смотрел в пол и, тоже с трудом произнося слова, отвечал все одно и то же:

– Дело необы... необычайной важности призывает меня в дорогу.

Из угла сонными, влюбленными глазами смотрела осоловевшая Лина.

В эту ночь, впервые за много ночей, Руал Ильмарранен засыпал на пуховой перине. Он был совершенно пьян – не столько от терпкого вина, лившегося рекой за обильным ужином, сколько от всеобщего восторженного поклонения. Переживший тяжелые времена, истосковавшийся по вниманию к собственной персоне, Марран засыпал со счастливой улыбкой на потрескавшихся губах.

Сладко кружилась голова; чистые простыни пахли свежескошенной травой, а за окном бледнело небо, гасли звезды. Марран глубоко, умиротворенно вздохнул, закрыл усталые глаза и повернулся на бок, ткнувшись щекой в согнутый локоть.

...Онемевшие руки, деревянные колени, спертый запах мокрых плащей и курток, ленивая муха, ползущая по щеке... По месту, где должна быть щека... Открывается входная дверь,

промозглым холодом тянет по сведенным судорогой ногам, и шуба, ненавистная шуба свинцовой тяжестью наваливается на пальцы, пригибает к земле...

Руал вскочил, хватая воздух ртом, мокрый, дрожащий, раздавленный ужасным воспоминанием.

За окном вставало солнце.

* * *

...Был вечер. Ларт сидел за клавесином.

У него был старинный, изящный инструмент работы великого мастера, хрупкое произведение искусства с чудесным звуком. И он не умел на нем играть.

Конечно, он мог заставить клавесин играть самостоятельно, и тогда в библиотеке, где тот помещался, звучали дивные концерты.

Но когда хозяина охватывало романтическое настроение, он зажигал свечи, ставил на пюпитр первые подвернувшиеся ноты, садился на вертящийся стул и задумчиво колотил то по одной, то по другой клавише, внимательно вслушиваясь в резкие, немзыкальные звуки, которые при этом получались.

Эти звуки явственно доносились в соседнюю с библиотекой гостиную, где я перетирал бархатной тряпкой золотой столовый сервиз на сто четыре персоны.

Гостиная, обширное помещение со сводчатым потолком, утопала в полумраке. Посреди нее помещался стол, дальний конец которого терялся из виду. С портретов на стенах презрительно щурились Легиаровы предки; все, как один, они походило на Ларта – Ларта, с которым случился крупный карточный проигрыш. Узкие окна были наглухо завешены красными бархатными портъерами – тяжелыми, громоздкими, снабженными золотыми кистями. Кисти эти жили своей обособленной жизнью – подергивались, вздрагивали, сложно шевелились, как водоросли на дне. Однажды я видел своими глазами, как одна такая кисть поймала муху и съела.

Жалобно вскрикивал истязаемый Лартом инструмент. Я задумчиво водил тряпкой по тусклому зеркалу большого плоского блюда. Вычищенная перед этим посуда была уже водворена обратно в шкаф и тихонько возилась там, устраиваясь поудобнее.

Ларт нажал на несколько клавиш сразу – я увидел, как болезненно сморщилось мое отражение на матовой поверхности блюда. Развлекаясь, я показал себе язык. Потом скорчил гримасу отвращения, которая, бывало, часами не сходила у Ларта с физиономии. Получилось на удивление похоже.

Раздухарившись, я придал своему лицу выражение мрачной мечтательности, с которой Ларт сидел за клавесином, – и покатился со смеху, чтобы через секунду угрожающе сдвинуть брови. Тут вышла заминка, потому что у Ларта одна бровь была выше другой. Старательно гримасничая, я поднес зеркальное блюдо к лицу, взгляделся в отражение – и отпрянул.

За моей спиной, там, в глубине гостиной, маячила в полумраке темная человеческая фигура.

Я оглянулся – и никого, конечно, не увидел. Тусклая лампа едва освещала ближайших ко мне Лартовых предков.

Уняв дрожь, я решил снова заглянуть в свое зеркало.

Тот, который там отражался, преодолел уже половину пути и находился теперь где-то у середины стола.

Я взвыл. Ларт, умолкнув было, через секунду возобновил свои упражнения. Тогда я бросился вон из гостиной и поспешно захлопнул за собой дверь.

За дверью осталась забытая мною лампа. К счастью, мой хозяин играл не переставая и этим дал мне возможность ориентироваться в темноте.

Вломившись в библиотеку, я несколько успокоился. Ларт бросил на меня невнимательный взгляд и извлек из инструмента длинную резкую трель. Горели свечи по сторонам пюпитра, да поблескивали золотом корешки массивных волшебных книг.

– Ммм... – начал я. И опять увидел того, что отражался. На этот раз в крышке клавиатура, отполированной до блеска. Я замер с открытым ртом.

– Почему ты не докладываешь? – поинтересовался Ларт.

Он захлопнул ноты и резко повернулся ко мне на своем вращающемся стуле.

– Почему ты не докладываешь о посетителе?

Я молчал, не в силах выдать из себя ни звука.

– Здравствуй, Легиар, – сказали у меня за спиной.

Мой хозяин поднялся.

– Здравствуй, Орвин, – сказал он со вздохом. – Я уж отчаялся тебя увидеть.

Орвин, он же Прорицатель, имел привычку сидеть прямо, как шест, и постоянно потирать кончики пальцев. Ларт любил глубокие кресла и разваливался в них как хотел.

– Он ржавеет, Легиар, – двадцать пятый раз повторил Орвин. Голос у него был напряженный, какой-то жалкий, будто речь шла о чьей-то неизлечимой болезни.

– Ты не узнал ничего нового, – безжалостно констатировал мой хозяин.

– Ты не веришь мне...

– Нет, верю – и чрезмерно. Достаточно того, что я не уехал на острова, а сижу и жду от тебя вестей. И, клянусь канарейкой, это бесплодное ожидание...

– Я принес тебе весть, Легиар! – почти выкрикнул Орвин.

Ларт поднял бровь:

– «Он ржавеет» – это ты хочешь сказать?

Орвин подался вперед и заработал пальцами вдвое быстрее.

– Ты не веришь мне, Легиар... Ты расквесишься. Вот уже три дня меня мучит прорицание.

Оно во мне, оно рвется наружу.

И Орвин вскочил. Я, наблюдавший эту сцену из-за прикрытой двери, опасливо подался назад.

– Зажги огонь, Легиар! – вдохновенно потребовал Орвин. – Я буду прорицать!

– Сейчас? – желчно осведомился мой хозяин.

– Сейчас! – твердо заявил наш гость.

Ларт сбросил скатерть с низкого круглого стола, помещавшегося в его кабинете. Под скатертью поверхность столешницы была покрыта резной вязью полуразличимых символов. В центре стола торжественно водружены были три толстых свечи.

Обо мне забыли. Я спрятался за Лартовым креслом.

Орвина трясло, как в лихорадке, и лихорадка эта усиливалась. Глаза его не могли, казалось, задержаться ни на одном предмете. Пальцы сплетались и расплетались самым причудливым образом.

Ларт искоса взглянул на свечи – и они вспыхнули, все три разом, причем пламя их через некоторое время странно изогнулось, и все три язычка встретились в одной точке над центром стола.

Орвин дрожащими руками извлек нечто из-под рубашки – это был злосчастный медальон. Я глядел во все глаза, но разобрал только, что наполовину медальон золотой, а наполовину коричневый, ржавый.

Свечи пылали, как ритуальный костер. На стенах плясали тени.

– Давай, – сказал мой хозяин.

Орвин, как бы через силу, поднял Амулет к своему лицу и посмотрел на пламя сквозь необычной формы прорезь. На его лицо упала изломанная полоска света. Ларт отрывисто каркнул заклинание. Свечи вспыхнули синим. Орвин издал низкий металлический звук, потом заговорил быстро, но четко и внятно:

– Идут беды, о, идут! Вот зеленая равнина и путник на зеленой равнине. Огонь, загляни мне в глаза! Горе, ты обречен. Земля твоя присосется, как клещ, к твоим подошвам и втянет во чрево свое... Чужой смотрит в твоё окно и стоит у твоей двери. Умоляю, не отпирай! Огонь, загляни мне в глаза! С неба содрали кожу... Где путник на зеленой равнине? Леса простирают корни к рваной дыре, где было солнце... Она на твоём пороге, её дыхание... Загляни в глаза. Я вижу. Я вижу! Среди нас её дыхание. Посмотри, вода загустела, как черная кровь... Посмотри, лезвие исходит слезами. Петля тумана на мертвой шее. Дыхание среди нас. Среди нас. Она... Она... Грядет!

Орвин запнулся, со свистом втянул воздух и выдохнул:

– Спроси.

– Кто она? – в ту же секунду подал голос мой хозяин.

– Третья Сила, – почти сразу отозвался Орвин. Я похолодел.

– Чего она хочет? – продолжал спрашивать Ларт.

– Земля твоя... присосется, как клещ, к твоим подошвам...

– Знаю, – раздраженно прервал его Легиар. – Чего она хочет сейчас, там, на пороге?

– Она ищет, – Орвин запнулся, – Привратника...

– Для чего?

– Чтобы открыть дверь...

– Какую дверь?

– Открыть дверь... С неба содрали кожу... Посмотри, вода загустела, как черная...

Ларт решительно прервал эту череду ужасов:

– Кто – Привратник?

Орвин хватал воздух ртом:

– Он между... Он не... Он маг, который не маг...

– Что это значит?

– Он... – начал было Орвин. И вдруг замолчал.

– Ну?! – выкрикнул Легиар.

В тот же момент свечи погасли. Комната погрузилась во тьму. Прорицание, по-видимому, закончилось.

* * *

На заднем дворе Регаларова трактира было солнечно и безлюдно. Руал Ильмарранен валялся на траве в тени забора. Прямо над ним в горячем полуденном небе неподвижно висел коршун.

Руал лежал, раскинув руки; временами на него накатывали волны сладкого дремотного головокружения, и тогда начинало казаться, что это он, Марран, парит неподвижно в зеленом небе, а коршун лежит, раскинув крылья, на голубой траве в тени забора.

– Тихо, ты! Разбудишь!

Руал вздрогнул и очнулся.

Тень, покрывавшая раньше его с ногами, укоротилась теперь до колен. Коршун исчез, зато за забором кипела, по-видимому, бурная жизнь – возбужденно шептались тонкие голоса да мигали круглые глаза в дырочках на месте сучков.

– Да тихо же! – повторил голос, который, собственно, и разбудил Руала.

За верхний край забора уцепилась маленькая рука, и сразу же после этого прямо на грудь Руалу шлепнулся небольшой темный предмет. Ильмарранен незаметно скосил глаза – на его рубашке лежал кверху лапами большой бронзовый жук, от изумления и ужаса прикинувшийсядохлым.

За забором послышался приглушенный ликующий визг.

«Ну-ка», – подумал Руал.

Он мысленно сосчитал до пяти, по-прежнему лежа с прикрытыми глазами, потом медленно, чтобы не спугнуть зрителей, поднял голову и, будто спросонья, огляделся. За забором затаили дыхание.

– Кто меня звал? – громко и значительно спросил господин волшебник. Жук скатился с его груди и свалился в траву. Глаза в шелках часто замигали.

Руал замер, будто прислушиваясь. Потом испустил вдруг негодующий вопль и, встав на колени, склонился над местом, куда упал жук.

– Отзовитесь! – бормотал он тревожно. – Отзовитесь, господин Жук!

Осторожно, двумя пальцами, он выловил наконец несчастное насекомое и усадил к себе на ладонь. Жук по-прежнему не желал подавать признаков жизни.

«Оживай, дружок», – весело подумал Руал. Он поднес жука к самому уху:

– Что? Говорите громче!

– Ухх! – забыв об осторожности, громко сказали за забором. – Волшебник... Ух, волшебник!

Руал тем временем нахмурился:

– Как? Да это же возмутительно! Говорите, схватили вас и посадили в душный карман?!

С улицы донесся перепуганный топот – видно, жук мог рассказать много чего нехорошего.

Еле сдерживая смех, Руал заглянул в щель со своей стороны забора. Ребятишки – с полдюжины – сгрудились на противоположной стороне улицы, прячась друг за друга и готовые в любую секунду снова задать стрекача.

– Идемте! – громогласно предложил Ильмарранен зажатому в кулаке жуку. – Я доставлю вас туда, куда вы сами пожелаете. Ведите же!

И Руал широкими шагами направился к калитке.

Он шагал по главной улице поселка, держа перед собой жука на вытянутой ладони. Все живущие по соседству девчонки, девицы и даже солидные хозяйки ринулись поливать цветы в палисадниках или развешивать во дворах чистое белье, а те, что были попроще или просто ничего не успели придумать, прилипли к окнам, грозя их выдавить.

Ребятишки трусили следом на порядочном расстоянии. Их стало почти вдвое больше.

На околице, где вдоль дороги лежало старое поваленное дерево, процессия остановилась. Жук, выпущенный на трухлявый ствол, тут же скрылся в какой-то щели. Руал проводил его напутственным словом. Маленькие свидетели этой сцены были до того потрясены, что потеряли осторожность и подошли совсем близко. Руал обернулся – зрители шарахнулись с воплями ужаса.

... Спустя полчаса все вместе мирно беседовали, сидя на поваленном стволе.

– И вы со всеми-всеми зверями можете говорить? – в восторге спрашивал конопатый мальчишка по имени Ферти, являвшийся, по-видимому, заводилой.

Руал значительно кивнул.

– А за морем вы бывали? – поинтересовался другой мальчишка, с царапиной на щеке.

– А как ты думаешь? – серьезно отозвался Ильмарранен. – Неужели я похож на волшебника, который и за морем-то не побывал?

– Не похожи... – смутился тот.

– А правда, – вступил в разговор щуплый парень по имени Финди, – правда, что там живут люди с песьими головами?

– Правда, – подтвердил Руал. – Но очень далеко.

– А драконы? Вы летали когда-нибудь на драконах?

– На драконах нельзя летать, – объявил Руал твердо. – Драконы – страшные и кровожадные существа. И очень коварные. Их взгляд обращает в камень, а из пасти вырываются столбы огня, сжигающие все дотла!

Слушатели опасливо огляделись, желая удостовериться, что дракона поблизости нет.

– Значит, с ними не справиться? – шепотом спросил робкий Финди.

Руал улыбнулся широко и победоносно.

– Существуют люди, посвятившие всю жизнь борьбе с драконами! Однажды я... – И Ильмарранен вдруг ощутил невиданный прилив вдохновения.

Ребятишки вскрикивали, закрывали от ужаса глаза; в самом страшном месте Финди даже зажал уши ладонями. Когда Руал победил-таки чудовище и рассказ закончился, все вместе некоторое время приходили в себя, обессиленные страшным приключением.

– А... великаны? – спросил, отдышавшись, неумный Ферти.

– Случалось мне встречаться и с великанами, – охотно отозвался Руал.

– Не надо! – в панике закричал Финди.

Руал, рассмеявшись, положил ему руку на плечо:

– Да их-то бояться нечего! На случай встречи с великаном надо иметь при себе немного табака – великаны не переносят табачного запаха.

– Ух ты...

– Если кто и опасен, – продолжал Руал, посерьезнев, – так это свой же брат волшебник... Многие маги жестоки и завистливы. Они боятся соперников и всем жертвуют, чтобы сжить их со свету... Жили однажды два могущественных колдуна, жили рядом и враждовали между собою. Случилось так, что в тех краях объявился третий волшебник – молодой, веселый, превосходящий магической силой любого из них. Думали-думали колдуны, как избавиться от юного соперника, – даже вражду свою позабыли на время. И придумали они хитрость – напали на него внезапно и превратили в каменного льва...

Руал перевел дыхание. Ему вспомнился нож, воткнутый в столешницу широкого стола: «Заключается пари между Ильмарраненом и Хантом... в том, что вышеупомянутый Ильмарранен избавит мельницу Ханта от притязаний как господина Легиара, так и господина Эста... Причем вышеупомянутый Ильмарранен оставляет за собой право действовать как магическим мастерством, так и хитростью... Разбейте руки!»

– А дальше? – шепотом спросил мальчишка с поцарапанной щекой.

– Дальше... – протянул Руал. – Дальше молодой маг освободился от чар и страшно отомстил этим колдунам... Они жалко просили пощады, но он все же отомстил.

Слушатели сидели тихо, как мыши. Ильмарранен яростно тер переносицу, стараясь избавиться от ненужного, неприятного воспоминания – Балтазарр Эст сжимает в щелочку холодные, высасывающие волю глаза: «На две стороны смотришь, Марран? В два гнезда червячков носишь? Стравил двух старых дураков, как бойцовых крыс на ярмарке, и в ладоши плещешь?»

Руал потрянул головой. Ребятишки нетерпеливо ерзали на стволе поваленного дерева, не понимая, почему господин волшебник вдруг замолчал.

Стараясь овладеть собой, Ильмарранен поднял голову. Коршун опять висел в зените.

– А у кого в поселке рыжие чубатые куры? – озабоченно спросил вдруг Руал.

Мальчишки обескураженно переглянулись.

– У нас, – протянул обладатель поцарапанной щеки. – И у дядьки Крокуса...

– Скажи матери – пусть проследит... Коршун рыжую курицу давно себе наметил, того и гляди – унесет...

- Вы читаете мысли коршуна?! – поразился сын пекаря по имени Пач.
- Конечно, – благожелательно подтвердил Руал. – Только надо, чтоб было тихо...
- Тихо все! – завопил Ферти.

И в наступившей тишине до них вдруг донесся отчаянный плач. Плач накрыли потоки ругани, изрыгаемые другим голосом. Хлопнула дверь дома, что-то тяжелое упало и покатилося в глубине крайнего, на отшибе, двора. Мальчишки вскочили.

- Это Нил, – испуганно сообщил Финди. – Его опять хозяин лупит!..
- ...Ильмарранен ногой распахнул ворота. Сапожник удивленно обернулся.
- Оставь ребенка! – это было даже не приказание, а повеление.

Рука с ремнем неуверенно опустилась. Из-за пленницы показалась растрепанная темная голова с красными от слез глазами.

Волшебник, стоящий в воротах, был страшен.

- Я превращу тебя в крысу, сапожник.
- А... ня... – промямлил в ужасе верзила.
- Я наверняка сделаю это, если ты еще хоть раз тронешь мальчишку!
- Ремень выпал из трясущейся руки. Но в проеме ворот уже никого не было.
- А я б его превратил! – раздухарился Ферти.

Остальные возбужденно галдели.

– В крысу! – горячо поддержал Пач. – Вы ведь не знаете, господин волшебник, а он Нила каждый день лупит почему зря!

- Теперь перестанет, – пообещал Руал.
- Еще бы... – вздохнул кто-то. И добавил вождельно: – Вот бы школьного учителя так...
- Все ахнули – такой замечательной показалась эта мысль.
- Вы не останетесь у нас до осени? – осторожно спросил Финди.
- Я уйду, – с сожалением сказал Руал. – Послезавтра. Или через два дня.
- В толпе мальчишек он был похож на одинокую мачту среди бурного моря.
- А если я вам что-то дам? – Это нахально торговался Ферти.

Руал усмехнулся:

- Что, например?
- Свисток, – Ферти рылся в карманах, – и вот еще, подкова.
- Очевидно, по значимости подарок равнялся для мальчишки половине царства.
- Ну... – Руал, раздумывая, поднял брови.
- А если я тоже что-то подарю? – несмело вмешался Пач.
- И я...
- И я...

Они без сожаления вытаскивали из карманов гвозди, свистульки и цветные стеклышки. Явились на свет лягушачья лапка, гладкий камушек с дыркой, ржавая часовая цепочка и живая ящерица.

Руал внезапно помрачнел:

- А вот это нельзя. Это никогда нельзя. Дай сюда!

Он бережно принял ящерицу в раскрытые ладони. Несколько секунд они смотрели друг на друга – глаза в глаза. Потом Ильмарранен наклонился и выпустил пленницу в придорожную траву. Мальчишки благоговейно на него тарасились.

- Ящериц нельзя трогать, – сказал Руал глухо. – Никогда-никогда. Не вздумайте.
- Все согласно закивали головами.

– За подарки спасибо, – продолжал Руал, поворачивая обратно в поселок. – Но я ничего, к сожалению, не возьму. Мне все равно придется уйти. – Тут он подмигнул Финди, у которого на глазах выступили слезы.

Тот отвернулся, сопя, запустил руку глубоко в карман и извлек со дна его нечто, представляющее, по-видимому, огромную ценность.

– Это хрустальный шарик... – прошептал он, заглядывая Руалу в глаза. – Возьмите, господин волшебник... Ни за что, просто так... Возьмите!

Финди разжал кулак – солнце заиграло в толще большого, действительно красивого стеклянного шара.

– Дурной, отдает... – громко сказали у Руала за спиной.

Руал хотел отодвинуть руку с шариком, но встретился с мальчишкой глазами и не отодвинул.

– Возьмите... – повторил Финди.

– Спасибо, – вздохнул Марран.

Показался трактир. На пороге стояла Лина, прикрыв глаза ладонью.

– Спасибо... – повторил Руал, машинально опуская шарик в карман, и, улыбаясь, зашагал ей навстречу.

Но она уже не смотрела на него. Она увидела что-то в конце улицы, и лицо ее вдруг странно изменилось.

– Вставайте... Люди... Беда!

Повсюду распахивались окна и двери.

– Напасть! Разбойники!

Кто-то громко ахнул у Руала за спиной. К трактиру, задыхаясь, подбегал молодой работник с отдаленной фермы. Его перепуганное лицо было залито потом и покрыто копотью.

– Грабители... Ферму подожгли... Будут здесь... – Он давился словами.

– Светлое небо... – прошептала в ужасе Лина.

– Воды, – выдохнул вестник.

Ему дали напиток. Улица перед трактиром быстро наполнялась смятенными, растерянными людьми. Матери в панике звали детей. Финди, Ферти, Пач и прочие пропали в толпе. Кто-то заплакал. На крыльцо выскочил Регалар с поварешкой в руке. С поварешки скапывал красный соус.

– Прятаться надо... В погреб... – бормотал бледными губами лавочник, Регаларов сосед.

– Сожгут ведь... – тонко причитала щуплая старушка, его жена.

– Топоры взять – и на них! – это взвился вдруг старый Угл. На него шикнули сразу несколько голосов:

– Заткнись...

– Молчи, вояка...

– Топоры взять... – не сдавался отставной солдат. – У меня самострел в сарае!

– Самострел у него... Не смей! Из-за тебя всех нас убьют! – плачущим голосом выкрикнул староста – толстый глупый человек, чей авторитет был давно и безнадежно погублен.

– Бежать в лес, быстро! – метнулся долговязый подмастерье.

– Нет, откупиться...

– Откупишься от них, как же... Смотрите, дым!

Все позадирали головы. Черные клубы повергли толпу в еще больший ужас. Люди метались, потеряв рассудок; Лина, по-прежнему неподвижно стоящая на крыльце, деревянно сказала:

– Хутор горит... Звери.

– Молиться надо, – хватал всех за руки сапожник, здоровенный верзила. – Вместе помолимся...

– Тихо! – закричал вдруг Регалар. – Замолчите все! И уймите глупых баб. С нами волшебник, он защитит нас!

Все посмотрели на Руала.

Руал стоял под крыльцом, прижавшись к стене лопатками. Одна-единственная мысль заслонила от него свет: ушел бы утром – был бы спасен.

На секунду стало очень тихо. Потом зашелестели голоса:

– Волшебник...

– Великий маг...

– ...спасти нас...

– Волшебник...

И толпа, секунду назад охваченная паникой, вдруг вздохнула единым вздохом облегчения. Надежда завладела людьми так же внезапно, как до того ужас.

Руал обвел взглядом обращенные к нему лица. В глазах у него стояло выражение, какое бывает при сильной боли.

– Вы защитите нас, господин Руал? – ломким голосом спросила бледная Лина.

Ильмарранен пошевелил пересохшими губами.

– Я, – сказал он чужим голосом. – Я...

И на глазах у всей деревни лицо его внезапно и страшно изменилось, будто обуглившись. Люди отпрянули.

– Конечно, – бесцветным голосом сказал Ильмарранен.

И двинулся сквозь толпу. Взгляд его не отрывался от черных клубов дыма, зависших над полем.

...Разбойники не спешили. Растянувшись цепью, они ехали проселочной дорогой – десятка два плотных сытых головорезов. Хутор они сожгли походя – основная работа впереди.

Поселок будто вымер – это их не удивило. Удивительным было то, что по той же дороге навстречу им шагал человек.

Они могли бы проскакать мимо него. Они могли бы проскакать и по нему. Могли зарубить на ходу, не сходя с седла.

Шумела едва заколосившаяся пшеница. Черный дым клубами пятнал солнечный день. Человек шел. Он тоже не спешил.

Атаман, ехавший впереди, посмотрел на него из-под ладони. Не привыкший задавать себе вопросы, он почему-то смутился: очень уж дико выглядел безоружный пешеход, спокойно идущий навстречу вооруженному отряду. Разбойник придержал коня.

– Чего это, а? – спросил его подручный, который ехал чуть позади.

Атаман – хлипкий с виду, но осинового нрава молодчик – хмыкнул. Расстояние между всадниками и одиночкой сокращалось стремительно.

Копыта лошадей поднимали белые облачка пыли. Человек не менял ритма шагов, будто его толкала мощная невиданная сила. Он приблизился настолько, что ясно можно было разглядеть его лицо.

Атаман свирепо сощурился и потянул из ножен саблю. Идущий на него смотрел ему прямо в глаза.

Разбойником овладело смутное беспокойство. У идущего было пугающее, застывшее лицо и тяжелый сверлящий взгляд.

– Чего это, а? – спросил подручный, но уже испуганно.

Всадники остановились, сбившись в кучу. Человек шел, пока до кавалькады не осталось всего несколько метров.

Тогда остановился и он. Лицо его казалось грязно-серой маской, но глаза горели такой несокрушимой силой, таким бешеным напором, что разбойники пришли в замешательство.

– Чего тебе надо, негодяй? – крикнул атаман.

– Прочь, – холодно бросил человек. И добавил несколько странных, гортанного произношения слов, зловещих своей непонятностью: – Заккуррак... Кхари! Акхорой!

Испуганно заржали кони.

– Колдун! – ахнул кто-то.

– Молчать! – рявкнул атаман. Но за его спиной уже не умолкал шепот: «Колдун... Волшебник...»

– Считаю до трех, – так же холодно сказал незнакомец. – Даю вам время убратся! Раз! Смятение возросло. Атаман свирепо оглянулся, едва сдерживая лошадь.

– Два, – спокойно отсчитывал незнакомец.

Атаман не верил, что безоружный человек может вступить с ним в единоборство. Явного оружия у пришельца не было – значит, было тайное. Иначе откуда эта холодная сила?

– Два с половиной, – объявил странный человек.

Смятение переросло в панику. Разбойникам казалось, что в глазах незнакомца зловеще пляшет пламя.

– Три! – прозвучало, как удар хлыста. И пламя это вспыхнуло у страшного человека на ладони. Он выхватил из кармана яркую, как солнце, шаровую молнию и угрожающе вскинул над головой.

И атаман отступил. Он любил легкую добычу и боялся колдовства; вбросив саблю в ножны, он повернул лошадь и поспешил прочь. За ним ринулись остальные.

Человек на дороге смотрел им вслед. Глаза его погасли, лицо заливал пот. Из поселка бежали люди; ветер доносил их восторженные крики.

Руал Ильмарранен посмотрел, не мигая, на солнце и опустил на дорогу. Выпал из мокрой руки стеклянный шарик – подарок мальчика Финди.

Выпал и утонул в пыли.

...Далеко-далеко отсюда черноволосая женщина не сводила глаз с капелек крови на белой салфетке.

Капли вспыхивали и гасли, как угли в прогоревшем костре.

* * *

Карета грузно подпрыгивала на колдобинах. Для дальних странствий это был слишком роскошный экипаж. Обитый внутри шелком и бархатом, он был щедро позолочен снаружи, и позолота эта наверняка блестела за версту.

Ларту зачем-то нужна была именно такая карета – массивная и золотая, и именно шестерка вороных сытых лошадей – никак не меньше.

В карете восседал я, разодетый в пух и прах. Мой черный бархатный костюм был отделан серебряной парчой – ничего подобного мне сроду не приходилось надевать. Рядом на сиденье лежали шляпа с ворохом перьев и шпага в дорогих ножнах.

Ларт же в некоем подобии ливреи сидел на козлах и правил лошадьми. Мне строго-настрого запрещалось звать его хозяином или упоминать по имени. Отныне странствующим магом был я, а он – моим слугой.

Таким порядком мы тронулись в путь спустя день после памятного визита Орвина-Прорицателя.

Чудесная метаморфоза нравилась мне целую неделю. Потом я почувствовал непереносимую скуку.

Ларт становился самым болтливым слугой в мире, едва нам стоило заехать на постоялый двор или встретить попутчиков. Однажды он в течение часа любезничал с хорошенькой крестьянкой, которую взялся подвезти на козлах. Я сидел в карете, слушал их милую болтовню и кусал локти. Они успели переговорить обо всех цветочках, губках и глазках, вспомнить всех ее дружков и подружек и между делом выяснить, что волшебников, наверное, не бывает – все это сказки. Когда он высадил ее и помахал вслед, я высунулся из кареты по пояс и мрачно осведо-

мился, какие, собственно, преимущества дает нам эта игра с переодеванием. Ларт задумчиво велел мне заткнуться и потом всю дорогу мертво молчал.

На постоянных дворах нас ожидало одно и то же: я водворялся в лучшую комнату, где и сидел безвыходно, окруженный всеобщим любопытством и опаской, а Ларт, как мощный насос, выкачивал из хозяина, слуг и постояльцев все новости, слухи и сплетни, взамен щедро одаряя их рассказами о своем премноговолшебном хозяине. Весть о нашем путешествии расходилась, как круги по воде, будоража округу и рождая во мне неясное беспокойство.

...Карета подпрыгнула так, что я стукнулся головой о потолок. Ларт нахлестывал лошадей, желая пораньше добраться до очередной гостиницы. Мы ехали полем, кругом не было ни души. Я смертельно устал от дорожной тряски, пыли и духоты, но мысль о постоялом дворе была мне противна.

– Хозяин! – крикнул я, высунувшись в окно. – Хозяин!

Он придержал лошадей, а я, рискуя попасть под колеса, перебрался к нему на козлы. Он молча подвинулся.

– Мы что же, ищем Третью Силу? – спросил я нахально.

Он уже открыл рот, чтобы одернуть меня, – и вместо этого сильно ударил по лошадям.

– Дыхание среди нас... – пробормотал он сквозь зубы. – Клянусь канарейкой... «Ее дыхание гуляет среди нас».

* * *

Руал ушел затемно, тайком, не попрощавшись ни с кем. Он шагал прочь от поселка, а день поднимался ясный, как и вчера, и, как вчера, вставало солнце. Коровы и козы на пастбищах, сторожившие их собаки – все повалилось на росистую траву, ловя боками первые солнечные лучи, спеша согреться и не обращая на чужака ни малейшего внимания.

Впереди темнел лес. Руалу зачем-то хотелось спрятаться. Он шел все быстрее и быстрее, а перед глазами у него назойливо повторялись картины вчерашнего дня, повторялись медленно, будто участники их увязли в толще воды.

Бежит вестник с хутора, рот разинут, а крика не слышно. У бледной Лины выступили капельки пота над верхней губой. Капает соус с поварешки...

Надвигается широкая грудь вороной атамановой лошади, закрывает небо... Огромное копыто едва не наступает на короткую полуденную тень безоружного, беспомощного человека... Лучше околеть, чем прилюдно признаться в своей беспомощности. Я маг и сдохну магом.

Руал замедлил шаг и вытащил из кармана стеклянный шарик. Покатал на ладони, сощурился на играющие в нем солнечные блики. Нет, полное сумасшествие. Банда головорезов шарахнулась от отчаянной наглости и детской игрушки.

Ильмарранен спрятал шарик и сейчас только заметил, что идет по лесу, идет, по-видимому, не первый час, потому что лес стоит густой, нетронутый. Столбы солнечного света пронизывали его насквозь, и глубоко внутри Руала вдруг вспыхнула безумная надежда на чудо. Не может быть, чтобы случившееся вчера было глупостью и случайностью. Не может быть.

И со всей силой этой надежды Ильмарранен призвал к себе былое могущество.

Сначала он захотел расшевелить неподвижные кроны над головой, запустив в них ветер. Тишина и полное безветрие были ему ответом.

Он позвал ползавшую по стволу пичугу – та, не обратив на его зов никакого внимания, пропала в путанице ветвей.

Руал остановился. Он был искалечен, навсегда лишен части самого себя, и черная удушливая тоска, которую он так долго гнал прочь, вдруг обрушилась на него всей своей силой. У него подкосились ноги, он сел прямо на траву.

... Старый звездочет, обитатель башни с толстыми стенами и стрельчатыми окнами, всю жизнь собирал волшебные книги. Ни разу ни одно заклинание не подчинилось ему.

У старика была библиотека, сплошь состоящая из древних фолиантов неслыханной ценности, армия реторт для приготовления противоядий и подзорная труба, чтобы наблюдать за звездами. У старика не было одного – волшебного дара.

– Поразительно! – говорил он, глядя на Руала с благоговейной завистью.

А Руал небрежно листал страницы, беззвучно шевелил губами – и чахлое растение в деревянной кадке расцветало вдруг немыслимым образом, приносило похожие на дикие яблоки плоды, которые превращались внезапно в золотые монеты и со звоном раскатывались по каменному полу, образуя карту звездного неба. Старик потрясенно качал головой:

– Поразительно...

Маррану нравилось посещать звездочета в его башне, ему был симпатичен старик со всеми своими книгами, подзорной трубой и цветком в кадке. Звездочет же блаженствовал, принимая Руала, и почитал его визиты за большую честь.

– Скажите, Ильмарранен, – спросил он однажды, смущаясь, – когда вы впервые осознали себя магом?

Марран задумался.

В его жизни не было момента, когда он впервые ощутил бы свой дар. Был день, когда Руал-ребенок понял, что другие этого дара лишены.

Ему было лет шесть; холодной дождливой весной тяжело груженная телега застряла в размытой глине. Хозяин телеги, угольщик, немолодой уже человек, надрывался вместе со своей тощей лошадью, тщетно пытаясь освободить колеса из цепкой жижи.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил его маленький Руал.

Тот хмуро взглянул на глупого мальчишку и ничего не ответил.

Руал обошел телегу кругом, остановился перед лошадью – та беспокойно на него косилась – и, встав на цыпочки, дотянулся до повода:

– Ну, пошли...

Лошадь двинулась вперед и сразу, без усилия вытянула телегу на твердую дорогу.

Марран на всю жизнь запомнил взгляд, которым наградил его угольщик.

Старик-звездочет просто не в состоянии был этого понять.

... Лес не кончался, наоборот – становился все гуще и темней. Руал шел уже много часов. Сначала над головой у него радостно болтали птицы, потом на смену их щебетанию пришла тишина, нарушаемая иногда скрипом сосен да стуком дятла, а теперь вот в лесу завывали охотничьи рога – ближе и ближе.

Он шагал размеренно, бездумно, не поднимая глаз и стиснув зубы. Все равно.

Рог хрипло рявкнул совсем рядом, и, ломая ветки, на дорогу вылетели всадники. Руал остановился, ожидая, что охотники двинутся своей дорогой. Однако те резко свернули, и через секунду он стоял в кольце копий.

– Кто такой?

– Странник, – осторожно ответил Руал.

– Бродяга, – определил один из егерей.

– Браконьер! – не согласился другой.

Неспешно подъехал еще один всадник – по-видимому, вельможа.

– Снова наглый оборванец! – заметил он брезгливо. – Знаешь, негодяй, что бывает за поправу моих лесных угодий?

Руал ощутил гадкий привкус во рту: светлое небо, еще и это.

Шесть острых копий смотрели ему в грудь. Скалились егеря.

– Владения господина священны, – сказал он наугад и сжался, ожидая удара.

Вельможа нахмурился:

– Ты знаешь, мерзавец, кто я?

Руал жалко улыбнулся и перевел дыхание:

– Вы – могучий властитель, ваше сиятельство... А я... я – скромный... предсказатель судьбы. Мог ли я не узнать... господина?

Копья неуверенно отодвинулись, чтобы через мгновение снова угрожающе сомкнуться:

– Ты мне зубы не заговаривай! Какой еще предсказатель?

«Небо, помоги мне!» – взмолился Руал и вдруг заговорил быстро и убедительно:

– Гадатель, знахарь, заклинатель духов, заглядывающий в будущее. Прибыл во владения господина, прослышав о его... трудностях...

И Руал запнулся, ужаснувшись собственным словам.

А вельможа вдруг напряженно подался вперед, испытующе вглядываясь в лицо своей жертвы; спросил медленно, подозрительно:

– О КАКИХ трудностях ты мог прослышать, бродяга?

В его настороженных круглых глазах Руал прочитал вдруг, что случайно угодил прямо в цель. В этот момент он кожей ощутил возможное спасение и всем телом бросился в открывшуюся лазейку.

– Господину лучше знать, – сказал он значительно и показал глазами на егерей.

Вельможа заколебался. Ильмарранен ждал, переступая ослабевшими ногами.

– Поедешь с нами, – бросил вельможа и развернул лошадь.

Кабинет герцога в его большом помпезном замке сочетал в себе приметы охотничьего музея и парфюмерной лавки. С увешанных оружием стен стеклянными ялились полдюжины оленьих голов, между ними то и дело обнаруживались лубочные картинки, где сладко целовались голубки над головами прелестных пастушек. Маленький стол у камина был уставлен множеством сильно пахнущих скляночек, и Руалу то и дело становилось дурно от густого запаха духов.

Он проделал долгий путь, привязанный за пояс к седлу, – то пешком, то бегом; потом бесконечно долго дождался приема в вонючей людской, откуда совершенно невозможно было сбежать, а теперь немеющими руками тасовал тяжелую колоду карт и лихорадочно искал путь к спасению. Пути не было.

Герцог восседал в кресле напротив; над его головой свирепо торчали клыки трофейного дикого кабана, который тоже нашел свой приют на стене кабинета. Кабан и вельможа были похожи, как братья.

У Руала взмокли ладони, а спасительная мысль все не приходила. В отчаянии он швырнул карты на стол:

– Это нехорошая колода, ваша светлость... На нее падал свет полной луны.

Герцог засопел, но возражать не стал. По его знаку лакей принес другую колоду.

У Руала перед глазами слились в одно пятно лицо вельможи и морда кабана. Тянуть дальше было невозможно, и он начал неровным голосом:

– Множество трудностей и опасностей окружает вашу благородную светлость...

Герцог насупил еще больше.

– Воинственные соседи зарятся на земли и уголья вашей благородной светлости...

Герцог окаменел лицом. «Не то», – в панике подумал Руал. Карты ложились на стол как попало; трюфевая дама нагло шурилась, а червовый валет, казалось, издевательски ухмылялся.

– Кошелек вашей благородной светлости истощился за последнее время...

Ни один мускул не дрогнул на лице вельможи. Руал судорожно сглотнул и, смахивая пот со лба, затравленно огляделся.

И тогда он увидел ее.

Маленькая золотая фигурка – безделушка, украшение туалетного столика. Золотая ящерица с изумрудными глазами. Руалу показалось даже, что он ощущает на себе зеленый взгляд.

Спохватившись, он продолжил поспешно:

– Главная же трудность, главная беда заключается в другом... Она, эта беда, завладела всеми помыслами вашей благородной...

И тут ему показалось, что в маленьких свирепых глазках герцога мелькнуло нечто, напоминающее заинтересованность. Воодушевившись, Руал принялся тянуть слова, надеясь наткнуться-таки на то единственное, что доказало бы его право называться гадалщиком и тем самым спасло от виселицы.

– Она, эта беда, не дает вам покоя ни днем, ни ночью...

Да, герцог мигнул. Быстро и как бы воровато, что совсем не вязалось с его манерами. Мигнул и весь подался вперед, будто желая перехватить слова собеседника раньше, чем они слетят с его губ.

– Ни днем... – повторил значительно Руал, который никак не мог нащупать верный путь, – ни... ночью...

И вельможа покраснел! Внезапно, мучительно, как невеста на пороге спальни; покраснел и отпрянул, хмурясь и стараясь взять себя в руки.

Руал понял. Эта разгадка сулила спасение. Карты замелькали в его руках, как спицы бешено несущегося колеса.

– Знаю! – объявил он громогласно. – Знаю, как тяжело вашей светлости в минуту, когда после многих трудов и стараний горячий любовный порыв вашей благородной светлости заканчивается горьким разочарованием! Знаю, как недовольна герцогиня и какими обидными словами она огорчает вашу светлость! Знаю, что самый вид супружеской постели...

– Тс-с-с! – зашипел герцог, брызгая слюной.

Трясущимися руками он сгреб со стола карты, опасаясь, по-видимому, что они еще не то могут рассказать.

Руал обессиленно откинулся на спинку стула и с трудом улыбнулся. Это было слабое подобие той особенной победной улыбки, которой блистал когда-то великолепный маг Ильмарранен.

Герцог вскочил, чуть не снеся со стены кабанью голову, и навалился животом на стол, дыша Руалу в лицо:

– Это ужасная тайна, гадалщик! Я запер жену... Ей прислуживает глухонемая старуха... Но жена ненавидит меня, гадалщик! Она издевается надо мной, когда я... я собираюсь... Хочу... Я пытаюсь... Проклятие!

И в порыве чувств вельможа заметался по кабинету. Руал наблюдал за ним, почесывая переносицу.

Обессилев, герцог снова рухнул в кресло, являя собой воплощенное отчаяние. Кабан над его головой потерял значительную часть своей свирепости и, по-видимому, впал в уныние.

– Итак, я явился вовремя, – веско сказал Руал, выдержав паузу.

Герцог, угнетенный позором, поднял на него мутные глаза:

– Проси, что хочешь, ты, ведун... Любые деньги... Если уж карты рассказали тебе о моем горе, то уж, наверно, они знают, как ему помочь!

– Карты знают, – тонко улыбнулся Ильмарранен.

Сейчас этот опасный самодур был в его власти – ненадолго, но зато крепко и полностью.

– Картам ведомо многое, – Руал встал, не собираясь попусту тратить отпущенное ему время. – О плате договоримся вперед.

Герцог закивал, а Ильмарранен быстро взглянул на туалетный столик, вдруг испугавшись, что ящерица была всего лишь наваждением. Но нет – на него так же внимательно смотрели изумрудные глаза.

Он хотел провести пальцем по ее изящно изогнутой спинке – но не посмел. Высвободил ее осторожно из беспорядочной толпы дурно пахнущих флаконов, посадил себе на ладонь... Она уселась просто и удобно.

– Вот моя плата, – сказал Руал.

Вельможа крикнул.

... Утром следующего дня замок лихорадило.

Лакеи и прачки, конюхи и кучер, повара с поварятами и дворецкий во главе дюжины горничных метались, забросив дневные дела, подобно муравьям из разоренного муравейника.

Знахарь, прибывший невесть откуда и таинственным образом завоевавший доверие герцога, был в центре этой суеты и отдавал распоряжения, от которых бросало в пот даже выдавшую виды матрону-интендантшу.

– Крыс понадобится дюжина или две... – серьезно и сосредоточенно объяснял знахарь. – Мизинец на правой крысиной лапке обладает силой, о которой известно не всем, о, не всем!

Руал победоносно оглядел собравшуюся челядь и продолжал:

– Далее – яйцо кукушки. Ищите, бездельники, это приказ господина герцога! – прикрикнул он, заметив некоторое замешательство. – Ошейник лучшей собаки... – он загибал пальцы один за другим, – ржавчина с колодезного ворота...

Люди шептались, пожимали плечами – они не подозревали, по-видимому, о несчастье своего господина и не могли даже предположить, что задумал самозванный знахарь.

А у Руала уже не хватало пальцев для загибания:

– Гвоздь из подковы издохшей кобылы... Нет, жеребец не подходит. Кобыла, умершая своей смертью. Ищите! Ах, в прошлом году? Но гвоздь-то цел? Прекрасно, доставьте! – Тут Руал обнаружил в толпе егеря, к седлу которого был вчера привязан, и ласково распорядился, ткнув пальцем ему в грудь: – Ты и доставь! Подкову можно брать любую, но кобылу – раскопашь... Доставишь лично господину герцогу, дружок, только не вздумай хитрить, а то...

Егеря побледнел и удалился, шатаясь. Руал проводил его отеческой улыбкой и продолжал:

– Локоны двенадцати девственниц... Веревка от погребального колокола... Кстати, – Ильмарранен обернулся к дворецкому, – пошлите кого-нибудь на кладбище, мне нужен чертополох с могилы утопленника.

Дворецкий что-то прошептал ему на ухо, Руал презрительно поднял брови:

– Не может быть, чтобы не было такой могилы. В крайнем случае придется кого-нибудь утопить... Лучше найдите сразу, дружок. – И Руал доверительно заглянул дворецкому в глаза. – Зелье должно быть составлено прежде, чем солнце коснется горизонта... – озабоченно твердил он потом обнадеженному герцогу. – До момента, пока диск его не скроется полностью, надлежит провести обряд освящения любовного напитка. Все должно быть исполнено с точностью до мгновения, но потом, ваша благородная светлость, вы будете вознаграждены...

Руал, впрочем, тоже рассчитывал на некоторое вознаграждение. Он был не из тех, кто просто так прощает унижение и страх.

– Соберите помет бурой курицы, добудьте жженных перьев и личинок богомола... – диктовал он дворецкому с мстительным сладострастием. Герцог нервно ежился и все более мрачнел по мере того, как прояснялся состав любовного напитка. Оставшись со знахарем наедине, он пытался робко возражать, но Руал ласково отвечивал: – О, как вы будете вознаграждены, ваша благородная светлость!

Перед заходом солнца запах духов в кабинете герцога окончательно побежден был другим запахом, мощным, пронзительным, как визг умирающего под ножом поросенка. Обладающий тонким обонянием вельможа держался за нос.

– Время приходит! – объявил Марран. – Напиток готов. Вашу светлость ждет обряд – и сразу за тем ночь восхитительных утех!

Герцог болезненно закашлялся.

Двор замка был полон возбужденных, заинтригованных людей. На башне дежурил поваренок, обязанный сообщать о положении солнца по отношению к горизонту. Погасли печи на кухне, опустела людская, даже стражники у подъемного моста оставили свой пост и вместе со всеми пялились на герцогские окна.

На высоком балконе в покоях герцогини маячила фигура затворницы.

А муж и повелитель готовился к ночи восхитительных утех. В одеянии, состоящем из одной только веревки с погребального колокола, которая была снабжена кисточкой из локонов двенадцати девственниц, в ошейнике лучшей собаки на красной мясистой шее, герцог переступал босыми ножищами прямо на каменном полу. В одной руке несчастный муж удерживал чашу с напитком, на поверхности которого плавали жженные перья, а другой плотно зажимал покрасневшие ноздри.

– Де богу больше... – шептал он страдальчески.

– Уже-е! – заверещал с башни поваренок-наблюдатель. – Солнце садится!

– Время! – прошептал лихорадочно возбужденный Руал. – Начинаем обряд! Повторяйте за мной, только громко! Чем громче вы произнесете сейчас заклинание, тем сильнее будет... Ну, вы понимаете... Начинаем!

И собравшиеся во дворе люди присели, как один, от удивления и страха, когда из герцогских покоев донесся вдруг истошный вопль:

– Ба-ра-ха-ра-а! Мнлиа-у-у!

Заохали женщины, зашептались мужчины. Не будучи посвященными в тщательно хранимую герцогом тайну, они строили сейчас самые фантастические предположения. А герцог то мощно ревел, то визжал, срывая голос:

– Ха-за-вздра-а! Хо-зо-вздо-о!

В короткий промежуток между его завываниями ухитрился-таки вклиниться поваренок с башни:

– Все! Солнце село!

Вопли оборвались.

– Пейте! – воскликнул Руал и ловко бросил в чашу с напитком гвоздь из подковы издохшей кобылы. – Пейте залпом и идите к ней!

От первого глотка глаза герцога вылезли на лоб, поэтому он не видел, как довольно, мстительно усмехнулся знахарь.

В чаше остался только гвоздь. Герцог кашлял, согнувшись в три погибели. Когда он поднял глаза, лицо Руала вновь было внимательным и участливым:

– Идите... Но помните – с каждым шагом следует выдергивать по волоску девственницы из этого пучка... Нельзя ошибиться, нельзя пропустить шаг или выдернуть сразу два... Идите же, ваша светлость!

Герцог, шатаясь, двинулся к лестнице. Руал слышал шлепанье его подошв и сосредоточенное бормотание – тот отсчитывал волоски.

Руал подождал, пока шаги отдалились, и опрометью кинулся к окну. Толпа встретила его появление возбужденным гулом, но Марран смотрел не вниз, во двор, а на розовое закатное небо. К нему он и обратился с высокопарной речью:

– О небо! Верни его благородной светлости способность любить госпожу герцогиню и любую женщину, какую он пожелает! Верни ему эту возможность, которой он давно уже

лишен! Сделай это, о небо! Ты знаешь, как трудно здоровому мужчине быть похожим на евнуха!

Толпа притихла при его первых словах, в ошарашенном молчании выслушала всю эту речь и наконец взорвалась потрясенными возгласами. Руал до половины высунулся из окна и протянул руку, указывая на балкон герцогини:

– А теперь к господину герцогу вернется его сила! Да свершится!

Восторженные вопли были ему ответом. Люди, сгрудившись под окнами, лезли друг другу на плечи, задирали головы и тыкали пальцами в сторону высокого балкона.

Руал перевел дух и потихоньку отошел от окна.

Днем ему удалось изучить расположение лестниц и коридоров, и все равно он едва не заблудился, спеша к выходу.

Где-то в глубине замка шлепал герцог, помечая свой путь волосками двенадцати девственниц.

Кони, оставленные в конюшне без присмотра, переминались с ноги на ногу. Марран вывел наспех оседланного вороного жеребца.

Мост был поднят. Руал взялся за рукоятки ржавого ворота – тот поворачивался невероятно трудно, рывками.

Мост медленно опускался; вот между его темным краем и стеной показалось быстро растущее небо, и проем все увеличивался. Руал крутил, надрываясь.

Мост наконец-то лег поперек рва, открывая дорогу к спасению.

Герцог, вероятно, уже заключил жену в объятия.

Руал вскочил в седло.

Унося ноги, он не мог слышать проклятий оскандалившегося герцога, сдавленного хохота его челяди и издевательств герцогини. Он не видел, как снаряжалась погоня, какие страшные отдавались приказы, – несясь во весь опор по темному лесу, он придерживал спрятанную во внутреннем кармане золотую ящерицу, награду за труды.

* * *

Местечко Карат было первым более или менее большим городом на нашем пути. Его узкие улочки были любовно вымощены булыжником, мастерские и лавки снабжены искусными вывесками, а жители чрезвычайно чванливы – самый последний местный бродяга смотрел на приезжих с высокомерием принца.

Мы остановились, как водится, в лучшей гостинице. Она оказалась весьма пристойным, внушительным каменным зданием, а отведенные нам многокомнатные апартаменты были просто-таки хороши. Хозяин гостиницы, на которого произвело впечатление мое магическое величие, сам показал нам комнаты и даже помог слугам внести багаж, при этом не теряя, впрочем, своего накрахмаленного достоинства.

Мне торжественно было предложено вписать свое имя в гостиничную книгу, что я и сделал, нацарапав поперек разлинованной страницы: «Великий маг Дамир, путешествующий по собственной надобности в сопровождении слуги».

Когда за хозяином закрылись створчатые двери, Ларт, пребывавший в добром расположении духа, одним махом смял мою роскошную постель под шелковым балдахином.

– Наконец-то... – пробормотал он, вытягивая ноги в запыленных ботфортах.

Действительно, слишком много было у нас за плечами скверных трактиров и грязных постоялых дворов.

Я подошел к окну – прямо напротив гостиницы помещалась ратуша, огромные башенные часы показывали полпятого, а внизу лежала залитая послеполуденным солнцем главная площадь города Карата. Зазывали торговцы, чинно шествовали солидные горожане, и шатались

уличные мальчишки; прямо под окнами простучала башмачками хорошенькая цветочница, почувствовала мой взгляд, подняла голову – и прелестно покраснела. Я вспомнил со сладким волнением, что на мне черный с золотом костюм чародея, и снисходительно ей улыбнулся. Она оступилась, прохромала несколько шагов и, обернувшись, стрельнула в меня глазками через плечо.

О да, это был город – место, сулящее огромные возможности.

– Не будем терять время, – сказал Ларт у меня за спиной. – Через полчаса ты получишь приглашение.

У меня заколотилось сердце; я быстро обернулся, но, наученный опытом, не стал ничего спрашивать.

Ларт забросил ногу на ногу.

– Тебя пригласят к мэру на званый вечер, собираемый в честь посещения города одним именитым путником... Ты догадываешься, каким?

Я раскрыл рот. Пожалуй, это было даже слишком.

– Там будет вся знать города, – продолжал между тем Ларт, – а также цеховые мастера, начальник стражи и так далее, все с женами и дочерьми. Предупреждаю: тебя захотят женить. Соглашаться или нет – твое дело.

Я растерянно, глупо улыбнулся.

– Далее, – Ларт потянулся и сел. – Там будут крупнейшие купцы-толстосумы. Тебя, возможно, захотят подкупить.

Я не выдержал и спросил неуверенно:

– Зачем?

Ларт раздраженно тряхнул головой:

– Помолчи... Всегда найдется зачем... Я все это рассказываю не для того, чтобы выслушивать глупые вопросы... Итак, магов там не будет, кроме, естественно, тебя. Ты, конечно, велик и могуществен, об этом уж я позабочусь. Твое же дело – по секрету сообщить всем и каждому, что тебе известна тайна. Неслышанная тайна... Говори, хвастайся, привлекай внимание. Ты сейчас – приманка.

– Приманка? – переспросил я, вздрогнув.

Ларт досадливо поморщился:

– В переносном смысле... Мне нужны слухи, мне нужен интерес к твоей персоне... Клянись канарейкой, кое-кто давно должен был проявить к тебе интерес!

И он принялся вышагивать по комнате, со зловещим видом потирая руки:

– Должно быть что-то... Она себя проявит... Давно пора, или Орвин рехнулся окончательно!

– Хозяин, – спросил я осторожно, – мы все еще ищем Третью Силу?

Он приостановился. Сказал после паузы:

– Мы ищем того, кто укажет на того, кто знает, что это такое.

Последние его слова потонули в реве башенных часов, пробивших пять. И, едва стих последний удар, в створчатую дверь тихонько поскреблись:

– Господин волшебник... Вам послание...

– Это приглашение, – пробормотал Ларт.

...Это действительно было приглашение – розовый листок бумаги, разукрашенный, надушенный и, по-моему, даже напмаженный. В правом верхнем углу его красовался герб города Карата, сплошь состоящий из грозных и величественных символов: копий, пик и оскаленных львов. В центре, в витиеватой рамке, содержался напыщенный текст с нижайшей просьбой к господину волшебнику посетить званый вечер господина мэра в ратуше, в восемь часов.

Мы явились в половине девятого.

Я в парадном бархатном одеянии шествовал впереди, всем своим видом призывая к почтению. Чуть поотстав, за мной следовал Ларт в простой темной одежде. Стража у входа в ратушу поклонилась нам, скрежеща железными панцирями.

Следующие полчаса я принимал изъявления преданности. Дамы приседали в реверансах, томно улыбаясь, задевая меня жесткими кринолинами. Ровно и ярко горели свечи в канделябрах, сновали деловитые лакеи. Я блуждал в щебечущем лесу из кружев и перьев, пожимал какие-то руки, некоторые из них целовал – не уверен, что именно те, которые нужно. Мэр, невысокий лысоватый человечек, кивал и улыбался, улыбался и кивал. Ларта что-то давно не было видно.

В приоткрытые двери соседней залы мне удалось разглядеть длинный, пышно накрытый стол. Сердце мое радостно затрепетало в предвкушении пира.

Но приглашения за стол не последовало, а вместо этого разодетая в пух и прах толпа потихоньку просочилась в другое помещение, оказавшееся залом заседаний. По-видимому, здесь собирался совет городских старшин. Мэр занял привычное ему кресло на возвышении, остальные устроились на длинных деревянных скамьях.

Оказавшись торжественно водворенным на почетное место около мэра, я вспомнил вдруг о задании Ларта и сообразил с ужасом, что пока и не пытался его выполнить, более того – переступив порог ратуши, еще не произнес ни одной членораздельной фразы. Я завертел головой, ища, с кем бы поделиться знанием ужасной тайны, но в этот момент мэр поднялся и зазвонил в колокольчик:

– Дорогие сограждане... Сливки нашего общества собрались здесь, чтобы поприветствовать дорогого гостя, чей визит...

Сливки общества вдруг ахнули в один голос. Кресло подо мной качнулось, и я обнаружил вдруг, что оно свободно висит в воздухе – довольно высоко.

«Ларт!» – подумал я, покрываясь потом и изо всех сил сжимая пальцы на подлокотнике.

Справившись с замешательством, сливки общества заплодировали. Мэр хлопал громче всех:

– Да, господа! Нечасто нас посещают маги, подобные господину Дамиру, хотя, по правде говоря, наш город не из последних, ох, не из последних! В прошлом месяце городская казна пополнилась налогом с цеха скорняков, а цех бондарей вернул долг с позапрошлого месяца... Из этих денег половина пошла на починку западной стены, а половина второй половины израсходуется на фейерверк в честь Дня Премноголикования, оставшиеся же деньги...

Я лихорадочно искал глазами Ларта, но его не было. Зал шептался, тихо возился, однако не проявлял открытого нетерпения. Мое кресло покачивалось над полом, никого не удивляя, а речь мэра лилась, как сонная равнинная река, которой еще далеко до моря.

В зале становилось душно; дамы все решительнее работали веерами. Мой парадный бархатный костюм облепил меня, как сплошной кусок пластыря.

– Мои сограждане, надеюсь, оценили уже мою скромность и честность... – журчал мэр.

Я вспомнил, что обед давно прошел, а ужин еще не наступил, и у меня нестерпимо засосало под ложечкой. Потом затекла спина, а пальцы на подлокотниках свело судорогой. Потом пересохли губы, и это было хуже всего, потому что стакан с водой помещался на столике перед мэром и я не мог до него дотянуться. Я ворочал во рту сухим языком и с тоской думал, что приказ Ларта теперь невыполним, поскольку честный и скромный мэр никогда не заткнется.

И тут я увидел хозяина.

Ларт стоял в боковом проходе, полускрытый бархатной портьерой, и оживленно беседовал с буфетчицей. О том, что это именно буфетчица, я догадался по огромному подносу с прохладительными напитками, который она держала перед собой. Вот Легиар взял с подноса тонконогий бокал, пригубил золотисто-янтарную, искристую жидкость... У меня на глазах выступили злые слезы.

Ларт оглянулся, будто его окликнули, и дружески кивнул мэру. Тот закашлялся, словно поперхнувшись; речь его оборвалась. Зал заинтригованно наблюдал, как красноречивый отец города, тщетно пытаясь заговорить снова, выдавливает из себя одно только жалкое шипение.

Сдавшись наконец, мэр бросил на сограждан укоризненный взгляд и махнул рукой, будто отгоняя муху. Жест этот был сигналом.

Сливки общества, опрокидывая скамьи, кинулись к выходу и дальше – туда, где давно ждал их накрытый стол. Мое кресло с грохотом рухнуло на пол. Хромая, растирая затекшие ноги, я отправился вслед.

К моему появлению за столом не осталось свободных мест. Звенели вилки, да работали челюсти, перемалывая изысканные яства. Я подошел к восседающему во главе стола мэру и сказал, пытаясь напустить на себя таинственность:

– О, как трудно носить в себе ужасные тайны...

Мэр скосил на меня глаза, не отрываясь от тарелки, и приветливо растянул лоснящиеся от жира губы, не переставая при этом жевать:

– ...ая асть ше ение, осподин шебник!

Я некоторое время потоптался рядом, но мэр, по-видимому, счел эту фразу достаточной и вполне убедительной, а поэтому, урча, продолжал трапезу, не удостоивая меня вниманием. Потоптавшись, я отправился в обход длинного стола, огибая его по часовой стрелке.

Пиршество достигло апогея. Я то и дело заговаривал с едоками, но это было так же бесполезно, как предлагать токующему глухарю ознакомиться с правилами правописания. Носившиеся с подносами лакеи время от времени налетали на меня, грозя сбить с ног. Увертываясь от них, я в какой-то момент оступился, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и чудесным образом оказался утонувшим в нежно-розовом, пышном кринолине.

Я поднял глаза – над кринолином помещался изящный, затянутый в корсет стан, а выше – круглые обнаженные плечи, а еще выше – прелестное розовое личико некой удивленной блондинки. Падение было моей первой удачей за весь вечер.

Некоторое время после моих извинений мы мило болтали. Я успел пожаловаться на нелегкую долю волшебников, связанную с постоянным хранением тайн и секретов, и несколько раз приложиться к белой, ароматной, унизанной кольцами ручке, прежде чем дама возмущенно вскрикнула и моментально обо мне забыла, так как ее соседка, толстушка в зеленом бархате, выудила из тарелки моей собеседницы превосходный кусок жареного мяса. Попытки возобновить беседу увенчались неудачей – красавица была вынуждена с удвоенным вниманием защищать отвоеванную отбивную.

Это поражение меня добило. Раздавленный, уничтоженный, пошатывающийся от голода среди пирующих, измученный и отчаявшийся, я зашагал прочь.

У выхода из зала обнаружился Ларт, жующий куриную ногу. По коридору отдавались женский смех и шелест юбок.

– Bravo, – сказал Легиар, запуская костью в угол.

Я почти заплакал.

* * *

Лил холодный, почти осенний дождь. Дорога размокла; измученный жеребец из конюшни герцога едва перебирал тяжелыми, облепленными грязью копытами. Конь, по-видимому, знал лучшие времена – его всадник, впрочем, тоже.

Покинув замок, Руал сначала метался, чтобы запутать погоню в ночном лесу, а дальше скакал, не разбирая дороги, всю ночь и половину следующего дня, задерживаясь только для того, чтобы напиться из придорожного колодца и напоить коня. Потом пришлось ненадолго остановиться – оба выбились из сил.

Руал торопился поскорее оказаться в безопасном отдалении от бешеного кабана, с которым был схож опозоренный герцог. Переночевав кое-как в мокром стогу и дав передышку лошади, он продолжил свой путь, который вернее было бы назвать бегством.

Дождь пошел на рассвете и до вечера лил не переставая. Жеребец оступился на скользкой выбоине и охромел.

До сих пор Руал старался избегать людских поселений, опасаясь, что их жители могут передать его в руки герцога. Теперь, по-видимому, деваться было некуда – конь хромал все сильнее, а всадник два дня не держал во рту и маковой росинки. К тому же замок остался далеко позади – Руал надеялся, что погоня потеряла его след, да и владения герцога, в конце концов, не безграничны.

Поэтому, когда из стены дождя выступил вдруг уютный хуторок, обнесенный частоколом, Руал не стал сворачивать с дороги, как раньше. Конь оживился, почуяв жильё; Руал ободряюще похлопал его по шее и направился прямо к массивным воротам.

Ворота были заперты изнутри на засов. Руал отбил себе руки, прежде чем в ответ на его стук приоткрылось смотровое окошко и в нем замигал заспанный голубой глаз:

– Чего?

– Пустите на ночь честного и доброго путника, – сказал Руал, стараясь казаться как можно честнее и добрее.

Глаз обежал его с ног до головы, презрительно сощурился и спросил с неудовольствием:

– Сколько дашь?

У Руала не было за душой ни гроша, если не считать золотой статуэтки, тщательно запрятанной за пазуху. Поэтому он просительно улыбнулся и предложил:

– Я отработать могу.

Глаз моргнул, и смотровое окошко бесцеремонно захлопнулось.

– погоди! – закричал испуганный Руал. – погоди, поторгуюсь!

Окошко приоткрылось опять, и владелец голубого глаза сообщил сквозь зубы:

– На базаре торгуются, ты, оборванец! А у нас хозяин бродяг всяких не держит!

– Позови хозяина, – сказал Руал быстро.

– Сейчас, – мрачно пообещал владелец глаза. – Только разгонюсь вот посильнее... А ну, пошел отсюда!

Руал попытался придержать захлопывающееся окошко – его больно ударили по пальцам.

Жеребец переминался с ноги на ногу за Руаловой спиной.

– Плохо дело, – устало сказал ему Руал.

Дождь усилился. Понемногу сгущались сумерки. Руал прижался щекой к окошку, пытаясь по слуху определить – здесь несговорчивый обладатель голубого глаза или уже ушел. Дождь заглушал все звуки, а щелей в воротах не было. Частокол вокруг поселения был высок и снабжен остриями по верхнему краю.

Руал снова заколотил в ворота – просто так, безнадежно.

К его удивлению, вскоре во дворе послышались голоса, среди которых выделялся уже знакомый. Оконце распахнулось, и другой глаз, пронзительный, карий, уперся Руалу в лицо.

– А вот собак спущу, – негромко пообещал хриплый бас.

В этот момент Руалов жеребец, не выдержав, ступил вперед и горестно заржал.

Карий глаз перевел свой буравящий взгляд с Руала на облепленного мокрой гривой, охромевшего красавца-коня, оценивающе прищурился:

– Твоя лошадь?

Руал кивнул.

– Где украл? – поинтересовались из-за ворот.

– Я не... – начал было похолодевший Руал, но владелец карего глаза перебил его:

– Отдай коня – и ночуй, пес уж с тобой.

Растерявшись, Руал только покачал головой – нет, мол, не пойдет.

– Тогда пошел вон, – отрезали из-за ворот, и окошко наполовину прикрылось.

Жеребец и Руал посмотрели друг на друга.

– Погодите, – хрипло сказал Ильмарранен. – Так и быть, согласен...

Окошко с готовностью распахнулось, а следом взвизгнул железный засов, и ворота приоткрылись тоже:

– Вот и ладненько... Конь-то все равно краденый и хромой, чего жалеть...

Руал промолчал.

Голубой глаз принадлежал, оказывается, щуплому веснушчатому парню-работнику, прикрывающемуся от дождя куском рогожи. Обладателем карих глаз был сам хозяин фермы – невысокий плотный человек неопределенного возраста. На его зов явился еще один работник – парнишка лет пятнадцати; он удивленно покосился на Руала, взял из его рук уздечку и повел коня в глубь двора, где темнели многочисленные пристройки. Хозяйство, по-видимому, было внушительных размеров и процветало.

Хозяин еще раз оглядел Руала, хмыкнул каким-то своим мыслям и велел веснушчатому:

– Отведи... Скажи, пусть его накормят, ладно уж... – И добавил другим тоном: – Про жеребца ни слова, шкуру спущу...

Парень вздрогнул, а хозяин добавил как ни в чем не бывало:

– Да приглядывай за этим, как бы не стянул чего...

– Я не вор, – сказал Ильмарранен.

Хозяин снова хмыкнул:

– Ладно, иди...

И Руал пошел через широкий двор, следуя за неприветливым щуплым парнем, который мрачно что-то бормотал и натягивал на голову свою рогожку.

Наконец добравшись до места, Руалов провожатый потянул тяжелую дверь, из-за которой выбился клуб пара, и недовольно показал на нее Ильмарранену. Руал шагнул через порог – и очутился в сладостном царстве жилья, сухом и теплом.

В печке бушевал огонь, рядом возилась немолодая уже, но крепкая и опрятная толстуха. Она обернулась на скрип двери, подбоченилась и вопросительно глянула на веснушчатого. Тот буркнул:

– Прибился вот на ночь... Хозяин велел накормить...

– Отчего ж не накормить, – приветливо отозвалась толстуха, – только ноги пусть оботрет, а то извозился по уши. – И она указала Руалу на скамейку у стены. Молодой работник вышел, по-прежнему сердито бормоча.

Руал вытер ноги о тряпку у входа, прошел через кухню и сел, где было указано. Колени его едва сгибались, спину невыносимо ломило, желудок мучили голодные судороги – а он был счастлив. Счастлив, что можно сидеть, привалившись к теплой бревенчатой стене, не шевелиться и просто смотреть на огонь.

– Откуда будешь? – спросила кухарка, с любопытством за ним наблюдавшая.

Руал разлепил обветренные губы и отозвался:

– Из Мурра.

Кухарка ахнула:

– Из Мурра?! Да ты знаешь, где Мурр, а где мы!

Руал улыбнулся с трудом:

– Я готов бежать на край света... И убегу...

Толстуха отставила в сторону корзинку с овощами, которые чистила.

– Гонятся за тобой, что ли?

– Гонятся, – сообщил Руал с глубоким вздохом. – За мной по пятам следует несчастная любовь!

Кухарка, крайне заинтригованная, обошла широкий стол и под села на краешек скамейки, повторяя сочувственно:

– Вон как... Вон как оно бывает...

Руал покачал головой, давая понять, что не намерен пока раскрывать свою тайну. Тогда кухарка спохватилась:

– Да ты промок до нитки... Погоди-ка...

Она вернулась через несколько минут с ворохом сухой одежды в одной руке и парой сапог в другой:

– На-ка, примерь... Должно подойти тебе...

Одежда была не новая, но чистая и искусно зачиненная. Толстуха отвернулась, чтобы не глядеть на одевающегося Руала, и это было очень кстати: ему удалось незаметно перепрятать статуэтку.

– Я тут за хозяйку, – рассказывала тем временем женщина, – и пошить, и постирать, и зачинить... На все, бывало, и рук не хватит... Ты садись к огоньку, погрейся... И ужина дожидаться нечего – тут с обеда похлебка осталась. Хозяин не любит, чтоб пропадало...

Руал натянул сапоги – они были великоваты.

– Да, – продолжала женщина, – муженек мой пошире был в кости... Ростом такой же, а ножища здоровая...

– Ничего, – сказал Руал благодарно. – Спасибо.

Ужинали в просторной, просто обставленной столовой; работники и прислуга сели за стол вместе с хозяйской семьей. Хозяин восседал во главе стола; под его сверлящим взглядом ежились по рангу разместившиеся домочадцы: мальчик лет двенадцати – хозяйский сын, дочь хозяйина, миловидная девушка с гладко зачесанными светлыми волосами, далее кухарка и десяток работников – все молодые крепкие парни. В самом конце стола, на приставленной табуретке сидел Руал – в добротной крестьянской одежде, сам сейчас похожий на любого из них.

Никто не смел прикоснуться к ложке, пока хозяин не отправил первую порцию кукурузной каши себе в рот. Тогда раздался торопливый стук – работники спешили выловить лучший кусок сала из стоявших посреди стола общих тарелок.

Руал, утоливший первый голод на кухне, рассеянно жевал хлеб и наблюдал за едоками.

Кухарка то и дело задорно на него поглядывала – не разделяй их длинный стол, она, возможно, подсунула бы ему лишний кусочек. Веснушчатый голубоглазый парень, негостеприимно обошедшийся с Руалом у ворот, старательно его не замечал, остальные иногда косились с умеренным любопытством – больше всех интересовался парнишка, который увел на конюшню герцога жеребца. Мальчик, хозяйский сын, явно тяготился присутствием отца – сидел, горбясь, и нехотя ковырял ложкой в тарелке. Хозяйская же дочь за время ужина раз пять обменялась быстрым взглядом с сидящим напротив круглолицым темноволосым юношей, который дважды поперхнулся кашей.

Но вот хозяин крякнул и отодвинул тарелку. Все поспешно встали; опоздавшие на ходу запихивали в рот недоеденные куски хлеба. Руал поднялся тоже. Хозяйская дочь последний раз глянула на темноволосого, ее брат громко икнул, а кухарка заговорщически подмигнула Руалу.

Работники ночевали в длинном низком сарае, прямо на усыпанном сеном полу, укутавшись в одеяла. Руалу отвели место у выхода, где сено было пореже и из-под двери тянуло сыростью. Вскоре сарай наполнился густым храпом здоровых и сильных людей, уставших после тяжелой работы.

Руал лежал, глядя в темный потолок; ему представлялся герцог, вылетающий из спальни нагишом, но в собачьем ошейнике, и его челядь в полном сборе, встречающая своего господина неммым вопросом, переходящим в трогательное сочувствие. Руал жестко оскалился: вельможа приговорил себя, угрожая Маррану и привязав его к седлу. Расплата была сладостной и от этого не менее справедливой.

Он скользнул рукой за пазуху – золотая ящерица встретила его ладонь дружеским, как ему показалось, прикосновением. «Ты свидетель, – подумал Руал. – Я никогда не пощажу и не попрошу пощады».

Мысли его переметнулись к сегодняшнему дню – он вспомнил о потере лошади. Конечно, повредивший ногу жеребец не смог бы продолжать путь немедленно, как этого хотелось Руалу, и все же лошадь – это капитал. Не следует прощать хозяину этой грабительской сделки... Он повернулся на бок и подумал о хозяйской дочери.

Лениво стучал дождь по дощатой крыше сарая.

Руал сел. Работники спали, сотрясая воздух храпом. Руал бесшумно поднялся и вышел под слабеющий дождь.

Ферма была погружена во тьму, только на кухне светилось тусклое окошко да не спали наверху, в комнатах хозяина. Руал наугад ступил несколько шагов – и замер, потому что совсем рядом, у поленницы, маячила чья-то белая рубашка. Вскоре оказалось, что обладатель рубашки был не один – не мог же он шептаться сам с собою. Руал, чьи глаза давно привыкли к темноте, разглядел светлые, гладко зачесанные волосы и радостно поблескивающие глаза.

Влюбленные прощались – вскоре настороженное ухо Руала различило звук робкого поцелуя, и сразу вслед за этим девушка бесшумно заторопилась к дому, а темноволосый – это был именно он – прокрался к двери сарая и, оглядевшись, нырнул в темноту. Руал благоразумно пригнулся за поленницей.

Девушка тем временем пересекла двор, направилась было к парадной двери – но потом, поколебавшись, повернула в сторону кухни. Ильмарранен, одержимый веселым куражом, последовал за ней. Дверь кухни осторожно закрылась – Руал, сосчитав до двадцати, вошел следом.

В печке тлели угли, на широком столе горела масляная лампа. Кухарка перетирала полотенцем груды вымытой посуды, а хозяйская дочь, присев на скамейке у стены, что-то горячо ей объясняла. Обе испуганно обернулись навстречу Ильмарранену.

– Фу-ты... – с облегчением выдохнула девушка. – А я думала, отец...

Толстуха широко улыбнулась:

– Пришел-таки... Ну, заходи, птица залетная...

Дочь хозяина подвинулась – Ильмарранен присел рядом. Ему показалось, что девушка пахнет молоком.

Толстуха хитро улыбнулась и изрекла, понимая кивнув Руалу:

– Не спится, да, парень? От любви не убежишь, так-то.

Девушка прерывисто вздохнула. И тогда Руал Ильмарранен заговорил. Он говорил просто и вместе с тем вдохновенно, и в этом рассказе были и большая любовь, и тайная помолвка, и жестокий отец, выдавший невесту за другого. Обе слушательницы подались вперед, кухарка, забывшись, терла до дыр давно сухую тарелку, а девушка комкала от переживаний подол своего простенького платья. Едва Руал дошел до момента, когда плясала свадьба, стонал отвергнутый жених и пыталась покончить с собой молодая, – на глазах у обеих показались слезы, которые к концу истории пролились наружу.

– Наверное, ее отец думал, что она вам не ровня? – всхлипывая, спросила девушка.

Руал улыбнулся печально:

– Я думаю, он просто боялся... За мной уже тогда шла слава ясновидца...

– Как?! – переспросили его слушательницы в один голос.

Руал улыбнулся еще печальнее, взял, не робея, руку девушки в свои и развернул ее ладонью кверху.

– Вот так так! – воскликнул он, в то же время решительно пресекая ее слабую попытку высвободить руку. – Да вы ведь тоже страдаете от любви!

Кухарка ахнула одновременно с вопросом девушки:

– А вы откуда знаете?

Руал улыбнулся так печально, как только мог:

– Я вижу многое, что недоступно другим... Вижу, ваш возлюбленный рядом, но вы не можете быть вместе... Вижу – между вами преграды... Вижу поцелуй... Совсем недавно, да! О, какой нежный поцелуй!

Девушка покраснела до ушей и вырвала руку. Кухарка стояла, широко распахнув глаза и рот. Неизвестно, чем закончилась бы эта сцена, если б не распахнулась дверь и на пороге не встал бы, темный как туча, хозяин:

– Какого пса! А ну, марш в кровать! – прикрикнул он на дочь. Та вскочила и, пригнувшись, выбежала вон. – А ты что здесь делаешь? – продолжал хозяин, обращаясь к Руалу. – Пшел!

Руал не стал спорить и последовал примеру девушки. Уходя, он слышал, как хозяин отчитывает кухарку.

Работники встали до рассвета – сонные, хмурые, они вылезали из сарая, смотрели на серое небо и вяло переругивались. Руал забрался на освободившееся теплое место и проспал еще пару часов.

Разбудило его солнце, разогнавшее наконец тучи и проникшее в сарай через множество крупных щелей. Руал довольно улыбнулся и, потягиваясь, стряхивая солому, выбрался наружу.

Его удивило, почему работники, вместо того чтобы заняться делом, толпятся у крыльца и громко что-то выясняют. Потом он перевел взгляд и увидел на крыльце хозяина. Хозяин тоже увидел Руала – и недобро ухмыльнулся:

– А ну, иди сюда, ты...

Руал подошел. Работники расступились перед ним, как перед зачумленным.

– Ты что же, – тихо, с угрозой проговорил хозяин, – ты что же, закон забыл? Не воровать, где ночуешь?

– В чем дело? – тоже тихо спросил Руал, у которого екнуло сердце.

Хозяин ступил с крыльца и внезапным цепким движением ухватил Руала за грудки:

– Не знаешь, дрянь? А два гроша на полке лежали!

Он дышал Руалу в лицо спертым, нечистым дыханием. Маленькие глазки буравили жертву насквозь.

– Это ошибка, – сказал Руал, стараясь говорить спокойно. – Я не видел никаких двух грошей!

Хозяин сильно оттолкнул его, так что он чуть не упал на стоящих позади парней:

– Ах ты, воруга! Да я сейчас тебя вздерну на первом суку, мне только спасибо скажут!

Руала схватили за плечи, грубо встряхнули и швырнули вперед; он споткнулся о крыльцо и упал лицом вниз. Больно впиалась в грудь золотая фигурка.

– А ну, обыщите! – приказал хозяин.

Смертельная опасность нависла над золотой ящерицей. Чьи-то проворные руки принялись гулять по Руаловой одежде. Полезли за пазуху...

Руал вскочил, отшвырнув двоих, рванулся вслепую, ненадолго освободился – и снова упал, придавленный к земле. На шею ему накинули веревку.

– Ах, батюшки! Да что же вы делаете! – надсадно заверещал вдруг женский голос. – Не вор он, да не вор!

Работники приостановились, не разжимая, впрочем, удерживающих Руала рук.

– Ясновидящий он... – причитала кухарка. – А вы, хозяин, со своих спросите прежде... Кто-то из своих спер, а на этого валят...

Удивленные работники позволили Руалу подняться.

– У меня и карманов-то нет, – сказал он непослушными губами.

Хозяин на крыльце презрительно хмурился, отмахиваясь от дочери, которая что-то горячо ему шептала. Рядом держалась за сердце кухарка:

– Нет у него карманов, конечно... На нем одежда мужнина, а тот карманов не любил...

Руалово сердце бешено колотилось о ящерицу, притаившуюся за пазухой.

– Ясновидящий... – раздраженно проворчал хозяин. – А денежки сами сбежали, да? Ноги у них выросли, так? Ясновидящий, пес тебя дерь... А вот узнай, ясновидящий, кто деньги спер!

Радостно закивала кухарка. Загалдели работники, а Руал потер ушибленную руку и сказал в сторону:

– Да запросто...

Двенадцать полных стаканов стояли на просторном столе. Вдоль стены выстроились работники, возбужденные, не в меру шумные. Веснушчатый Руалов знакомец тонко хихикал; темноволосый красивый парень то и дело вытирал о штаны вспотевшие ладони. Он нервничал сверх меры – с противоположной стороны стола на него смотрела, не отрываясь, хозяйская дочь.

Хозяин стоял тут же, опустив тяжелую ладонь на худое плечо бледного мальчишки – сына. Кухарка, подбоченясь, поощряла Руала улыбкой.

– Здесь двенадцать стаканов, – бодро сказал Руал. – Вода в них заговоренная. По команде все берут стаканы в руки – и я тоже, чтоб не было сомнения...

– И я возьму, так и быть... – добродушно пробасила кухарка.

– Я читаю заклинание, – продолжал Руал, – и в руках вора стакан трескается. У кого стакан треснет – тот украл два гроша, и это доказано, потому что заклинания не врут. Ясно?

Веснушчатый от напряжения хихикнул так громко, что соседи по очереди отпустили ему тумака. Темноволосый был бледен, как молоко, и судорожно мял трясущиеся руки.

– Н-ну... – процедил хозяин.

– Начали! – сказал Руал и первый взял со стола стакан. Второй стакан взяла кухарка.

Работники мялись, переглядывались, по очереди подходили к столу. Вскоре он опустел.

Хозяйская дочь не сводила пристального взгляда с темноволосого. Тот прятал глаза и едва сдерживал дрожь в руках.

Наступила напряженная тишина. В тишине Руал начал:

– Темень и солнце, земля и вода! Тайное явным да станет тогда!

Он говорил тихо, зловеще, растягивая слова:

– Тайное явным да станет сейчас, В этот единственный...

Голос его снизился до бормотания. Руки со стаканами напряженно тряслись.

– В этот единственный РАЗ!

Слово «раз» хлестнуло, как удар бича. Хозяйская дочка вскрикнула, и потом снова стало тихо. Все смотрели на темноволосого. У него с рук капала вода – кап, кап... Стакан красивого юноши дал трещину до самого дна.

– Ах, батюшки... – прошептала кухарка.

– Вот как... – тихо, почти ласково проговорил хозяин. – Вот как, дружок Барт...

– Я не брал! – в тоске закричал темноволосый. Его оттирали к двери. Разрыдалась в голос хозяйская дочка, выбежала, чуть не сбив с ног брата, которого колотила крупная дрожь.

– Ба-атюшки... – кухарка кинулась вслед за ней.

Руал, прижавшись спиной к стене, отхлебнул воды из своего стакана. Поперхнулся. Темноволосого взяли в кольцо, потом, не обращая внимания на слезы и крики о невиновности, поволокли во двор. Руал бездумно, как заведенный, вышел тоже. Юношу уже раздевали, кто-то шелкал кнутом. Одобрительно покрикивал хозяин, удерживая возле себя вырывающегося сына:

– Нечего отлынивать... Посмотри, тебе тоже наука...

Темноволосого растянули на траве четверо, удерживая его за руки и за ноги. Здоровенный детина остервенело пошел работать кнутом. Руал хотел уйти – и не мог, ноги не слушались. Хозяин бодро приговаривал:

– По заслуге ворюге, по заслуге! Давай! Еще!

– Отпустите! Нет! – рванулась с крыльца хозяйская дочь. Ее схватила в объятия подоспевшая кухарка, скрутила, увлекая в дом. Девушка зашлась криком:

– Нет, он не мог!

Обернулся, нахмурившись, хозяин.

Кухарка втащила девушку в дом, уговаривая, сама обливаясь слезами. Из-за захлопнувшейся двери донеслось отчаянное:

– Звери!

Руалу стало дурно. Он стоял, привалившись к стене, грыз руку, ощущая на языке привкус крови.

Неистовствовал, рассекал, впивался хлыст. Четверым, удерживавшим Барта на земле, уже почти не приходилось прилагать для этого усилий. Остальные работники стояли, сбившись в кучку, с застывшими, белыми лицами.

– Папа-а! – закричал вдруг мальчишка, хозяйский сын, голосом подстреленного зверька. – Папа, прости! Отпусти Барта! Не надо!

Он упал перед отцом на колени, из его руки выпали две медные монетки и закатились в траву.

Стало тихо – не свистел кнут и уже не стонал Барт, только плакал навзрыд мальчишка:

– Он не брал... Это я... Прости...

Хозяин тупо на него смотрел, беззвучно жевал губами.

Потом все, кроме безжизненно лежащего в траве юноши, посмотрели на скорчившегося под стеной, сжавшегося в комок Ильмарранена.

...Руала били все.

Сначала его исступленно хлестали кнутом, потом кухарка в слезах колотила его по спине палкой:

– На! Получи! Ясновидец поганый, змея подколодная!

Потом хозяин тыкал его в живот сапогами:

– Вот тебе, приبلуда! Вот тебе, пес!

Потом работники, все вместе, навалились и били, молотили, таскали за волосы, плевали в лицо, пока Руал не потерял сознания.

Полуживого, его выбросили в канаву, полную ледяной воды, которая и привела его в чувство. Очнувшись, он слышал голоса:

– Не сдох он, что ли?

– Да вроде сдох... Ясновидец...

– А ты притопи его на всякий случай...

– Охота руки марать...

Голоса отдалились. Руал судорожно дернул рукой – и нащупал-таки за пазухой чудом уцелевший в остатках одежды сверток.

Марран лежал в канаве на обочине большой дороги, перед глазами у него извивался в мокрой глине придавленный камнем дождевой червяк – подергивалось склизкое, кольчатое тело, захлестывалось петлями, проглядывали сквозь розовую кожу темно-фиолетовые внутренности.

Захлебываясь в мутной луже, Руал ощущал себя таким вот полураздавленным червем – никчемным, мерзким, корчившимся в ожидании своей жалкой смерти.

* * *

– Вот что, дорогуша, – сказал Ларт на следующий после визита в ратушу день. – Я еще раз убедился, что в серьезных делах твоя помощь так же эффективна, как ловля блох каминными щипцами. Поэтому сегодня тебе поручается сторожить наши комнаты.

Мне нечего было возразить. Я горестно наблюдал, как он собирается, засыпает в кошелек пригоршню золотых монет и отправляется на поиски мифических следов мифической Третьей Силы в городе Карате. Закрывая за собой дверь, Ларт бросил через плечо:

– И не смей переступать порог, даже если вся гостиница вспыхнет огнем!

Его шаги стихли на лестнице. Я почувствовал себя узником каменного мешка, как бы в насмешку окруженного роскошью и комфортом.

Часы на башне напротив пробили одиннадцать утра. Пошатавшись по комнатам, я уселся на подоконнике и принялся глазеть на прохожих. Все они представлялись мне сейчас чужими и в высшей степени никчемными людьми, глупыми и чванливыми; среди женщин я не отметил ни одной, превосходящей привлекательностью дохлого хорька. Горько вздыхая, я вспоминал родные места, трактирщика, наливавшего мне в долг, и милашку Данну, считавшую меня «учеником чародея». По стеклу ползала муха – я жестоко с ней расправился.

В этот момент душевного упадка мне послышался стук в дверь. Неприятно пораженный, я замер. Стук повторился, на этот раз явно, хотя и негромко.

Я струхнул, потому что одно дело прикидываться волшебником по поручению и в присутствии Легиара и совсем другое – изображать магическое величие в одиночку, на свой страх и риск. Мне пришла в голову малодушная мысль притаиться.

Стук, однако, повторился снова. Весь подобравшись, я отправился к двери, пытаюсь выработать на ходу достаточно убедительную для мага линию поведения.

– Что вам угодно? – рявкнул я, распахивая дверь.

В двух шагах передо мной испуганно хлопало васильковыми глазами очаровательное существо в чепце и передничке горничной. Я охнул.

– Господин волшебник... – тонким дрожащим голосом пропела эта пичуга. – Простите... Уборка... Извините... – И она присела до земли в неуклюжем реверансе.

Не веря своему счастью, я отступил в глубь комнаты. Пичуга, немного приободрившись, втащила в номер ведро с водой и щетку на длинной ручке.

Ей, может быть, исполнилось шестнадцать. Ростом она была мне по плечо, а я ведь не великан. Из-под накрахмаленного чепца выбивались рыжеватые волосенки, а на румяной мордочке с пухлыми щечками читалась уморительная решимость выполнить трудную и опасную миссию по уборке комнат чародея.

Судьба сжалилась-таки надо мною, решив вознаградить за провал на званом ужине у мэра.

Пичуга принялась за работу – извлечена была из ведра истекающая водой мохнатая тряпка, ловко наверхена на щетку и запущена под кресло, в которое я немедленно влез с ногами. Стараясь не смотреть на меня, васильковые глазки серьезно потупились.

– Как тебя зовут? – спросил я небрежно.

– Мирена... – скромно ответили васильковые глазки.

Я приходил во все больший восторг. Пичуга елозила тряпкой по полу, рукава ее платьица задрались к локтям, обнажая тоненькие белые руки, а чепец съехал на лоб, обнаружив сзади, на шее, милый рыженький завиток.

Работала она не ахти как – я, бывало, мыл пол куда быстрее и чище. Мне стоило значительных усилий подавить в себе желание преподать ей урок влажной уборки. Вот она выпрями-

лась, тыльной стороной ладони убирая от глаз непослушные прядки, – и встретила со мной глазами. Без того розовые щеки ее стали совсем красными.

– Не будет ли любезен господин волшебник... – пролепетала она, – позвать господина своего слугу, чтобы карниз...

Она запнулась.

– Что, милая? – переспросил я благосклонно.

– Карниз... Протереть... – прошептала она, – высоко, я не достану...

Я понял наконец – она собиралась стереть пыль с карниза над окном, до которого ей было, как до неба.

– А моего бездельника нет, – сказал я огорченно, – я, видишь ли, уснул его сегодня с важным поручением. Что же делать?

Она покусала губки, потом решительно тряхнула головой и полезла на подоконник.

Будь ее рука хоть в половину длинней, она, возможно, дотянулась бы до карниза, став на цыпочки. Я понаблюдал за ее отчаянными акробатическими упражнениями, потом подошел сзади, взял ее за талию и поднял повыше.

Весу в ней было, как в годовалом котенке. Под корсетом прощупывались теплые ребра. Дернувшись от неожиданности, она вскоре затихла, повисела минуту без движения и наконец стяхнула мне на голову щепотку мелкой белой пыли.

Я осторожно поставил ее на подоконник. Не глядя, она соскочила на пол и кинулась к своему ведру, будто ища у него помощи и защиты.

– Вот и справились, – сказал я мягко.

Васильковые глазки были широко распахнуты, худая грудка под передником ходила ходуном.

– Волшебники странный народ, Мирена, – начал я, делая шаг ей навстречу. – Им приходится путешествовать, сражаться с чудовищами, помогать людям... Тебе, например, нужна помощь?

Она отступила, держа перед собой тряпку, как белый флаг. Я улыбнулся мудро и устало:

– Дитя мое, волшебники не такие, какими кажутся... Посмотри на меня. Ты видишь, я молод? Но я уже повидал такое, чего тебе никогда не вообразить... Оставь свою тряпку. Я совершил множество подвигов... А теперь я хочу покоя. Положи тряпку на пол. Просто покоя, и чтобы в печке трещал огонь, и нежного друга рядом... Брось тряпку, в конце концов!

У нее были сухие, горячие губы. Тряпка шлепнулась на пол, подняв фонтан брызг.

– О, господин волшебник... – шептала пичуга, вздрагивая и отстраняясь. – Я всегда робела перед важными господами... А колдунов вообще не видела... Нет, я знаю свое место, господин волшебник! Я просто служанка, я боюсь высокородных!

– Не бойся меня, дитя мое... Я беспощаден к врагам, но ты – ты другое дело...

Я взвалил ее на плечо и поспешно поволок в спальню. Предательски скрипнула входная дверь.

Конечно, это был Ларт, вездесущий, вовремя появляющийся Ларт, ответивший на мое замешательство скептической улыбкой.

Мирена отдувалась, поправляя чепец.

– Я не помешал, мой господин? – спросил Легиар заботливо.

Я промямлил что-то нечленораздельное, а пичуга вдруг спохватилась:

– Ах, господин слуга! А я же не убрала у вас в комнате!

И, подхватив ведро, тряпку и щетку, она нырнула в комнатку для прислуги. Ларт проводил ее оценивающим взглядом, хмыкнул и неспешно двинулся следом. Я остался стоять посреди гостиной, в луже воды.

Мирена не возвращалась. Звук тряпки, возимой по полу, вскоре стих. Я подошел к портъере, закрывавшей вход в комнату для прислуги, и прислушался. Знакомый тонкий голосок повторял возбужденно:

– А я тогда говорю, что боюсь важных господ, особенно волшебников!

– А слуг не боишься? – деловито поинтересовался Ларт.

– Слуг – нет... – смущаясь, ответила пичуга.

Стало тихо. Потом тонкий голос просительно залепетал что-то, явственно произнеся несколько раз «не надо». У меня свело челюсти.

За портъерой упало что-то тяжелое. Просительный голос испуганно вскрикнул, на секунду превратился в умоляющий, потом затих. Что-то успокаивающе проворковал Ларт.

Гулко ударили часы на башне.

Я почувствовал, что у меня промокли ноги, повернулся и пошел прочь, скрываясь от оглушающего страстного шепота.

И тут меня остановил странный, не имеющий отношения к страсти звук – пугающий, негромкий, но внятный, как шипение ядовитой змеи. Вскрикнул Ларт – я не слышал раньше, чтобы он так кричал. Это был крик испуганного человека. Я кинулся назад и одним махом откинул портъеру.

Мирена, маленькая глупенькая Мирена стояла посреди комнаты в одной сорочке, с распущенными по плечам, растрепанными волосами. Лицо ее изменилось до неузнаваемости, глаза закатились под лоб. Рот был полуоткрыт, губы и язык не шевелились, и все же внятно, совершенно явственно из ее горла вдруг донесся чужой, низкий голос:

– Она... Она наблюдает... Ищи, Легиар... Ее дыхание среди нас, среди нас... Ей нужен Привратник...

Я набрал в грудь воздуха, чтобы заорать что есть мочи. Ларт предупредил это намерение и быстро зажал мне рот рукой.

А с неподвижных губ Мирены слетало, чередуясь с шипением и странным пузырящимся звуком:

– Она идет... Она на пороге... Ожидает... Ждать – недолго... Ржавчина, ржавчина! Помни, Легиар! Огонь, загляни мне в глаза. Рваная дыра, где было солнце. Посмотри, вот лезвие исходит слезами, она, она...

Мирена вдруг прерывисто вздохнула, дернулась и опустилась на пол. Мы оба кинулись к ней.

Она попросту спала – крепко и безмятежно, как ребенок.

– Знамение, – прошептал бледный Легиар. – Знамение.

Часть третья

Испытания

Лето перевалило через свой полдень и потихоньку, ни шатко ни валко, двинулось навстречу неминуемой осени.

Теперь он хромал меньше и мог преодолевать большее расстояние, прежде чем падал от усталости.

Днем солнце удивленно таращило на странного человека, который с достойным удивления упорством шел бесконечными, пыльными и поросшими травой дорогами – шел вперед без цели и надежды, просто затем, чтоб идти. Ночью звезды равнодушно смотрели, как он искал пристанища и часто, не найдя его, засыпал под открытым небом. Время от времени и солнце и звезды подергивались ключьями туч, бесновались грозы, проливались дожди – а человек все шел, без цели, без надежды, и не было, по-видимому, причины, которая могла бы заставить его остановиться хоть ненадолго.

Древние леса сменились редкими рошицами, а потом бесконечной степью, похожей на стол под ворсистой скатертью. Затем дорога, кажется, повернула – вдали замаячили подобия гор, но дорога повернула еще раз, решительно, круто, и горы остались где-то сбоку, чтобы вскоре скрыться совсем.

Люди, жившие в окружении лесов, были поджарыми и недоверчивыми; жители степи охотнее пускали путника на ночь, разрешали отработать ужин и часто давали ему в дорогу лишний кусок хлеба. Он пил воду из редких придорожных колодцев. Иногда колодец оказывался пуст, и тогда он страдал от жажды сильнее, чем от тоски. Степь угнетала его – ему казалось, что на него смотрят. Ощущение это порой было так сильно и явно, что, засыпая, он привык натягивать рваную куртку на голову.

Когда по дороге снова стали попадаться редкие рошицы, он ненадолго вздохнул свободнее, но потом вдруг пришло чувство некоего неясного беспокойства.

Однажды вечером он развел свой костер под одиноким деревом в чистом поле.

Трещали щепки в огне; их, впрочем, должно было хватить ненадолго, а достать огромную сухую ветку, сломанную когда-то бурей и нависавшую теперь над головой, у него не хватало сил. Побои, едва не стоившие ему жизни, напоминали о себе чаще, чем хотелось бы.

Он смотрел в огонь и вспоминал печку в маленьком доме, где сидит за оструганным столом печальная женщина, качает детскую кроватку и смотрит на белый лоскут, запятнанный кровью. Его рука бездумно опустилась за пазуху и извлекла сверток. Упала в темноту грязная тряпица.

Золотая ящерица смотрела изумрудными глазами в его потухшие глаза. Плясали отблески огня на грациозно выгнутой спинке.

Я проиграл, сказал себе Руал Ильмарранен. Я проиграл, теперь уже окончательно и бесповоротно. Мне никогда не вернуться к тебе, мне никогда не отомстить за то, что со мной сделали.

Будто ветер прошелся в древесной кроне у него над головой; вздрогнули простертые к небу высокие ветки. Нечто незнакомое, густое, темное поднялось волной в Руаловой душе, поднялось и перехватило дух. Там, внутри Ильмарранена, шевельнулось чувство, которому не было названия, и – наваждение! – он ясно услышал свое имя, его окликнули. Заметался, оглядываясь, – никого. Наваждение исчезло.

Догорал костер. Руалу нечем было поддержать гаснущий огонь. Он просто сидел и бездумно смотрел, как щепки обращаются в пепел. Ящерица смотрела тоже.

На некоторое время стало так темно, что Руал не видел ее глаз. Потом они снова озарились холодным светом – взошла луна.

Ну хватит, подумал Руал. Все было глупо с самого начала. Марран мертв, потому что Марран был магом. Стоит соединиться с ним в его смерти, чтобы в мир вернулась гармония.

Он тяжело поднялся – снова заболел отбитый бок. Ничего, подумал он с облегчением, теперь это ненадолго.

Где-то далеко, за лесами и цепью холмов, среди темноты проснулась женщина. Охваченная внезапным, беспричинным ужасом, вскочила, бросилась к спящему ребенку – но ребенок спокойно посапывал, прижав кулак к маленькой круглой щеке. А ужас не отступал, наоборот – усиливался, перехватывал дыхание, наваливался из темных окон, из дверных провалов, черный, удушливый, необъяснимый. Женщина стояла над кроватью, слушала дыхание малыша и беззвучно шевелила губами, повторяя одно и то же слово.

Пояс Руала был короток, но крепок. Он снял его, в свете луны посмотрел на дерево – одна нижняя ветка была надломлена, но до другой, живой, надежной, при некотором усилии можно было дотянуться.

Руал устал, но мысль, что больше не придется ни к чему себя принуждать, подбодрила его. Он поднялся на цыпочки и перебросил конец пояса через нижнюю ветку. Потом подумал, что не следует бросать золотую ящерицу на произвол судьбы, вернулся к догоревшему костру, на ощупь нашел тряпицу и накинул ее на укоризненные изумрудные глаза. Оставалось только выдолбить у корней яму и спрятать сокровище от постороннего взгляда.

Руал обошел дерево, выискивая укромное место. От ствола вдруг отделилась темная тень.

От неожиданности Ильмарранен едва не выронил сверток. Перед ним, в трех шагах, стоял крупный волк.

– Нет, – сказал ему Руал, овладев голосом. – Это ты раненько. Уходи. Потом.

Волк переминался с лапы на лапу. Руал оглянулся на костер – головни давно погасли.

– Вот что, – обратился он к волку. – Я занят серьезным делом и не желаю иметь свидетелей. Если ты не уберешься, будет плохо нам обоим.

Ответом ему было жалобное поскуливание. Руал смотрел на волка во все глаза. Волк отвечал ему взглядом, означающим, по-видимому, робкую просьбу о покровительстве.

– Слушай, ты... – начал Руал.

Волк сделал несколько неуверенных шагов ему навстречу. Руал замахнулся – волк отскочил и разразился горестным лаем.

– Ах, ты... – выругался Руал.

Он повернулся и пошел к своему поясу, свисавшему с нижней ветки. Собака постояла и направилась за ним.

Руал взялся за веревку, закрепил ее конец на ветке, подергал – надежно. Оглянулся – пес снова стоял в трех шагах. Сжав зубы, Ильмарранен принялся скручивать петлю. Обернулся рывком – пес стоял.

– Не смотри, – попросил Руал.

Пес переступил с лапы на лапу. Руал снова замахнулся – тот отскочил, но уходить не собирался.

Руал раздраженно отшвырнул петлю – она раскачивалась, как качели над обрывом. Ильмарранен плюнул и вернулся к погасшему костру.

Пес робко подошел к нему и прижался к ногам теплым мохнатым боком.

Погожим утром на околице степного поселка развернулся базар.

Связки ярких, лаково лоснящихся овощей цветными ожерельями свешивались под лоскутными навесами, грозя опрокинуть деревянные стойки. Добродушно взрывали продавцы, потрясая товаром и хватая проходящих за полы. Под ногами то и дело шныряли ребятишки, норовя стянуть, что плохо лежит; зеленой горой высились арбузы, золотисто-желтой – дыни. Где-то уже плясали, ритмично взвизгивая под аккомпанемент заливистой дудочки и встряхи-

вая огромным бубном; где-то крикливо переругивались, пересыпая взаимные обвинения длинными красочными проклятиями. Гнусаво тянули нищие, живописно развесив лохмотья.

Руал брел мимо свиных туш, поддетых на крючья, мимо связок копченых колбас, мимо пирамид белого, как сахар, сала и бочонков желтого меда. Следом неотвязно тащился серый, большой, похожий на волка пес, тащился, понуро опустив голову, поводя рваным ухом. Оба были мучительно голодны.

Низкорослый крестьянин, сопя, разгружал телегу с мукой, переносил мешки под навес. Руал попросил растрескавшимися губами:

– Возьмите в помощь...

Тот покосился на него, крякнул и кивнул благосклонно.

Мешки прижимали к земле, натирали спину тугими боками, норовили вырваться из онемевших рук. Руал вспомнил, как работали подмастерья на мельнице Ханта.

Наконец белая от муки телега опустела. Руал, сторбившись, стоял перед низкорослым. Тот еще раз крякнул, нашел в полотняной сумке кусок хлеба и кусок сыра:

– На...

Ильмарранен взял.

Неподалеку, под другой опустевшей телегой, сидели на соломе и жевали бублики две пышные, празднично одетые молодки. Руал подошел несмело, постоял, попросил разрешения сесть рядом. Ему милостиво кивнули.

Солома была свежая, душистая, золотая. Сухой хлеб таял во рту, сыр же казался неслышанным лакомством.

Подошел пес, глянул на Руала печальными, все понимающими глазами. Руал вздохнул и отломил ему кусок.

– Нездешний? – спросила одна из молодок, смуглая и румяная добрячка.

Ильмарранен кивнул, тщательно и с наслаждением жуя.

Мимо проходили десятки ног – в смазанных сапогах, в дырявых башмаках, а чаще босых, черных от загара. Дно телеги с крупными щелями нависало над головой, защищая от жаркого августовского солнца. Пес доел без остатка выданный Руалом кусок и пристроился за колесом.

– Твоя собака? – спросила другая молодка, тоже румяная, но с россыпью веснушек по всему лицу. – Ух и здоровая, ужас!

Руал покачал головой:

– Прибилась...

Первая молодка покончила со своим бубликом и извлекла откуда-то горсть жареных орешков. Щелкая орешки, спросила неспешно:

– Ну, что нового?

– Где? – не понял Руал.

– В мире... Ты ведь странник?

– Странник, – ответил Ильмарранен, подумав.

– Ну, чего видел?

Руал соображал непривычно медленно, туго. Мучительно потеряв переносицу, он выдавил наконец из себя:

– Везде люди... И жизнь тоже... Везде...

Молодицы потеряли к нему интерес.

Руал сидел и с горечью пытался вспомнить хоть одну из своих прежних цветистых речей, способных заворочить слушателей на долгие часы. По деревянному ободу колеса полз зеленый клоп-черепашка.

На телегу, под которой они расположились, кто-то грохнул пустую бочку. Сверху посыпалась пыль и отдельные соломинки, молодки в один голос разругались, им ответил густой добродушный бас. Ильмарранен понимал, что пора уходить.

– Слышь, ты, странник, – спросила вдруг чернявая, – а что про оборотня слышать, не знаешь?

Руал удивился:

– Про оборотня?

Чернявая всплеснула руками:

– Глянь, вся округа про оборотня говорит, а этот глаза разинул!

– Ну, оборотень, волчище такой! – снисходительно объяснила рябая. – То человек он, и не отличишь, а то волк здоровый, людей жрет. Десятерых уже загрыз, и не выследить.

В этот момент обладатель густого баса грохнул на телегу вторую бочку, похоже, наполовину полную.

Чернявая, искусно ругаясь, вылезла наружу. Руал кивнул веснушчатой и выбрался тоже. Поджидавший его пес вскочил и завилял хвостом.

– Вот пристал, – сказал ему Ильмарранен.

Базар жил своей горластой, пестрой, неутомимой жизнью. В загонях для скота иступленно блеяли овцы, покорные крестьянские кони погружали морды в висевшие у них на шее мешки с овсом, тускло поблескивала снулая рыба на скользких от чешуи прилавках. Руал искал, где бы подработать еще. Пес не отставал ни на шаг, пока толчея не занесла обоих в глубину мясных рядов.

Здесь случилось маленькое приключение – из гуши кровавого царства мясников явилась вдруг свора огромных, требухой откормленных собак. Руалов пес издал что-то вроде «Ах!» и сел на хвост, будто у него подкосились ноги. В следующую секунду свора, подняв непереносимый для уха гвалт, ринулась на чужака в атаку, сразу перешедшую в погоню.

Руал остался стоять на месте, беспомощно оглядываясь, бессильный что-либо предпринять. Лай и визг стремительно отдалились, потом ненадолго приблизились снова, потом растворились в базарной многоголосице.

Ильмарранен почувствовал себя невозможно, непереносимо одиноким. Глухо стучали топоры мясников о колоды для разделки туш.

– Не стой на проходе, разиня!

Руала сильно оттолкнули в сторону; стараясь удержаться на ногах, он ударился о чью-то спину. Обладатель спины покачнулся, но устоял. Ильмарранен ухватился за деревянную стойку, удерживающую лоскутный навес.

– Извините... – пробормотал Руал.

Человек, которого он толкнул, был худощав, невысок и одеждой более похож на горожанина, чем на жителя села. Сейчас на его тонком смуглом лице лежала цветастая тень от навеса, в тени приветливо зеленели узкие ироничные глаза.

– Ничего, – отозвался незнакомец негромко, – бывает.

Ильмарранен, продолжавший его разглядывать, смутился и опустил взгляд.

Откуда-то явился хозяин навеса, прикрикнул на обоих:

– А ну, давай, не загораживай товар!

Незнакомец усмехнулся снисходительно и отошел. Руал, сам не зная зачем, отошел следом.

– Нездешний? – спросил его незнакомец.

– Вроде... странник, – отозвался Ильмарранен.

Тот покивал.

– Вы будто тоже... не отсюда, – после паузы предположил Руал.

– Я коммерсант, – охотно сообщил незнакомец, – путешествую, прицениваюсь...

Они медленно шли между рядами. Солнце стояло в зените, базар безумствовал.

– Изобилие, – сказал коммерсант. – Но не хватает той экзотики, которая так мила сердцу аристократа. Как вы думаете?

Руал пожал плечами.

– Свен, – представился торговец и протянул Руалу узкую ладонь. Ильмарранен механически ее пожал, потом вспомнил, что надо представиться в ответ:

– Руал.

– Я северный человек, Руал, – продолжал неспешно Свен, – эта степь богата, но монотонна... Вы не хотели бы присесть?

Они устроились на каких-то мешках в тени крохотного дощатого сарая, служившего складом. Этой же тенью воспользовались две девчонки-подростки, обе с корзинками и с пестрыми платками на головах.

– Вы, кажется, тоже пришли с севера, – предположил Свен, с удовольствием вытягивая усталые ноги. – Вы должны меня понимать. Я скучаю по лесу, клубкам корней, заросшим оврагам, непроходимым орешникам, лесным озерам... Здесь сухо и скучно. Степь, как блудница, равнодушно стелется под любой из трех сотен ветров...

– И негде спрятаться, – сказал Руал.

– Вот-вот! – с воодушевлением воскликнул его собеседник. – Именно!

Пристроившиеся рядом на мешках девчонки оживленно болтали; раз или два до ушей Руала долетело громко сказанное слово «оборотень». Он прислушался.

– Десять человек уже загрыз...

– Да пусть меня медом мажут, а я одна через поле не пойду!

– И я не пойду...

Свен заметил, что Руал слушает беседу девчонок, усмехнулся:

– Это они о чем?

– Об оборотне, – сказал Ильмарранен. – Вроде у них тут все оборотня боятся.

Свен пожал плечами, всем своим видом выражая недоумение по поводу столь незначительных и странных проблем:

– Они, видите ли, боятся оборотня... Им плевать на жару, на пыль, на солнце, у них по одному дереву на поселок и по одному колодцу на деревню, да и тот сухой... Оборотень!

И Свен извлек из-за пазухи флягу. Ильмарранен инстинктивно сглотнул.

– Пейте, Руал, – радушно предложил Свен, протягивая воду собеседнику.

Ильмарранен попытался отказаться, но Свен вложил флягу прямо в протестующе поднятую руку. Руал не устоял и прижался губами к горлышку. Острое наслаждение от прохладной свежей жидкости, струящейся по горлу, на несколько мгновений парализовало его, притупило мысли и подчинило волю. Завороженный счастьем утоления жажды, он чуть не выпил все до дна.

– Светлое небо, – пробормотал он, возвращая флягу. – Я, кажется, оставил слишком мало...

Свен не рассердился и не огорчился:

– Ничего... Мне хватит.

И он приложил флягу к губам.

Пронзительный женский визг, донесшийся от противоположной стороны сарайчика, заставил его поперхнуться. Девчонки, пристроившиеся рядом на мешках, вскочили, будто ужаленные. Шум базара на мгновение притих, чтобы через секунду разразиться тревогой и недоумением.

– Тьфу на тебя... – сказали из-под соседней телеги. – Что за чума так орет?

Визг сменился возбужденными, перепуганными причитаниями:

– В сарае, в сарае! Сзади хотел на меня кинуться!

Люди вытягивали шеи, кое-кто бросал торговлю и трусил к месту происшествия, бормоча заинтригованно:

– А чтоб тебе... Тьфу на тебя...

Свен откашлялся наконец. Предположил недовольно:

– Кошелек у нее срезали, конечно.

С противоположной стороны сарайчика собиралась толпа:

– Да чего? Кто?

– Обороте-ень! – с новой силой завопила женщина.

Свен подскочил и издал странный сдавленный звук, нечто вроде «Агм». Фляга дрогнула в его руке, и Руал мимоходом подумал, что коммерсант, похоже, трусоват.

Присоседившихся девчонок будто ветром сдуло. Из-под рядом стоящей телеги выскочил взъерошенный парень, заметался, сбивая любопытных с ног. Вокруг сарая завертелся людской водоворот – кто-то бежал прочь, кто-то лез поближе. Руал и его собеседник неожиданно оказались в центре событий.

– С ума посходили, – убежденно кивнул Свен. – Давайте посмотрим, Руал?

Такое предложение не вязалось с его предполагаемой трусостью.

Сквозь непрекращающиеся причитания женщины теперь пробивались другие голоса:

– Да кто видел, кто?

– В сарае...

– Попался наконец!

– Отойди! А ну, отойдите все!

Потом в людской галдеж добавились залиvistые голоса многочисленных псов – возможно, тех самых, встреченных Ильмарраненом у мясных рядов.

– Ну же, Руал! – Свен был возбужден и, кажется, весел. – Пойдемте посмотрим, как у местных жителей принято поступать с оборотнями!

Ильмарранен, не отвечая, приткнулся к дощатой стенке сарая, заглядывая в круглое и довольно большое отверстие, оставшееся на месте сучка.

Внутри, в полумраке, к которому не сразу привык глаз, среди беспорядочно набросанных бочонков, кулей и деревянных ящиков бесформенной грудой дрожало забившееся в угол огромное, серое существо – Руал видел в пятне пыльного света только переднюю лапу и прижатое рваное ухо.

– Небо... – пробормотал Ильмарранен, отшатываясь. – Мой пес.

А события тем временем развивались своим чередом. С той стороны сарая держали совет:

– Подпалить – и все...

– Дурной – подпалить! Там у меня товару на два дня торговли...

– Вспомнишь свой товар, когда эта тварь на тебя кинется!

– Давайте, люди, собирайте солому.

– Вообще-то осиновый кол полагается...

– А кто в сарай пойдет, а? Солому собирай!

– На соседей перекинется! Все сгорит до пня...

– Отведите телеги! Заберите детей!

Вслед за Свеном Руал обогнул дощатое строенье и протолкнулся к совещающимся. Женщина, поднявшая крик, захлебываясь рассказывала любопытным:

– Волчище, ох и волчище! Шерсть дыбом... Как глянет – а взгляд человеческий, чуть не говорит... Я так и обомлела, а он – в сарай...

Кто-то засомневался:

– А ты не путаешь? Может, привиделось чего?

– Как же, привиделось! – взвилась женщина. – Я морду его запомнила, он в человеческом облике тут шнырял... А волком стал – клычища до земли, и ухмыляется!

Кто-то подтвердил:

– Если ухмыляется, то точно он...

Недоверчивый не сдавался:

– Заглянуть бы, посмотреть...

– Только попробуй! Дверь, вишь, завалили и правильно сделали. А то обернется снова человеком и сбежит.

Любопытные опасливо ахали, в то время как у приваленной мешками двери распоржился крепкий, серьезный мужчина в холщовом переднике:

– Соломой обложим вокруг... Стражу поставим, чтоб не вырвался. Дело серьезное, что нам твой товар! – прикрикнул он на хозяина сарайчика, пожилого робкого торговца, который ломал руки и чуть не плакал:

– Так на других же огонь перекинется, подумайте, люди! Это нельзя, это разорение!

Свен дернул Руала за рукав:

– Ох и решительный народ... Как думаете, подожгут-таки?

– Кого? – спросил Руал глухо.

Свен заморгал узкими зелеными глазами:

– Оборотня... Кого же еще?

Кто-то уже мостил солому вокруг сарая. «Волчище, волчище!» – стрекотала женщина, с которой все началось. Причитал хозяин обреченного товара. Шептались любопытные.

Руал повернулся и стал выбираться из толпы. Ему хотелось уйти – прочь, вон, куда глаза глядят, только бы не видеть и не слышать еще одной публичной расправы.

Люди галдели, шушукались, кто-то отважился глянуть в щелку и отскочил с криком: «Волк!» Руал ускорил шаг.

Из сарая вдруг донесся отчаянный вой – такой, от которого кровь стынет в жилах. Толпа отпрянула, кто-то сказал злорадно:

– Подпалят тебя, так повоешь!

Руал остановился. Нет, подумал он. Только не вмешиваться. С меня хватит.

Вой возобновился с новой силой, тоскливый, безнадежный, предсмертный. Толпа улюлюкала. Ильмарранен, не осознавая, что делает, двинулся назад, расталкивая и распихивая, спотыкаясь и наступая на ноги. Нет, не вмешиваться ни за что. Пусть делают что хотят.

Охапки золотой соломы придавали сарайчику опрятный, праздничный вид. Люди бросали еще и еще. Вой стих.

Руал сделал последнее усилие и протиснулся вперед, оказавшись прямо перед человеком в холщовом переднике. Тот удивленно на него воззрился. Ильмарранен обернулся к толпе.

Мужчины, женщины, подростки, настороженные, перепуганные, раздраженные... Ничем не пронять. Ничему не поверят. Побьют, а сарай подожгут-таки. Светлое небо, зачем мне это все? Давно меня били?

– Поджигайте, дураки, – сказал Ильмарранен громко и снисходительно. – Давайте, сожгите свой товар, свои телеги, свои палатки. Думаете, оборотень вам простит? Да он явится к вам ночью, и утром вас найдут в постели остывшими, но с поджаренными пятками!

– Что ты несешь? – раздраженно спросил обладатель передника.

– Я несую?! – обернулся к нему Руал. – Да ты про оборотней что-нибудь знаешь? Ты знаешь, что такое разъяренный, убитый не по правилам оборотень? Ты хоть одно заклинание в жизни слышал?

Ильмарранен говорил убежденно, страстно, значительно. Толпа вокруг сомкнулась плотнее, загалдела громче, возбужденнее:

– Заклинание, говорит.

– На оборотня заклинание.

– А ведь верно...

– Да поджигай, не слушай...

Хозяин сарая подскочил к Руалу, схватил его за рукав:

– И я говорю, не надо жечь... И я то же говорю!

– Цел останется товар твой, – сказал Руал небрежно. – И вас, дураки, я спасу от кошмарной мести этой твари...

– Пошел вон, самозванец, – сказал человек в холщовом переднике, но как-то неубедительно, вяло сказал. Руал вскинул руки, призывая к вниманию:

– Сейчас. Я. На ваших глазах. Изгоню оборотня туда, откуда он пришел, в бездну! Оболочка его есть собака. Вы увидите своими глазами!

– Браво! – раздалось из толпы. К Руалу выскочил взъерошенный Свен. – Слушайте его, люди! Он может! Он уже изгонял оборотня, он воскрешал мертвых, он говорил с ветром и травой! Слушайте чародея!

Что-то внутри Руала болезненно сжалось, но он не подал виду, снова воздел руки:

– Молчите! Замолчите на две минуты!

Стало относительно тихо. Руал повернулся лицом к сараю. Ему показалось, что он уже когда-то делал это. «Слушайте чародея»... Руала охватил страх перед неудачей. Он закусил губу, пытаясь не вспоминать лицо Барта, юноши с хутора. Герцог... Разбойники... Зачем он начинает все сначала, зачем он не может просто тихонько помалкивать, как все? Глупая, смертельно опасная игра.

За его спиной заволновалась толпа. Отступить было некуда.

– Изыди! – воскликнул он зычно.

Мгновенно восстановилась тишина. Руал набрал в грудь воздуха:

– Изгоняю тебя... В болото, в туман, в бездну бездонную, в бездну, слепящую тьмой... Не тронь человеческого тела, ни костей, ни крови, ни мяса, ни сердца, ни жил, ни печени... Заклинаю, изгоняю, в бездне замыкаю!

У него сорвался голос. Зато вдруг завyli окрестные, примолкшие до этого псы. Завyli на одной жуткой ноте и бросились наутек. В толпе случилась паника, кто-то торопился сбежать, расталкивая других. Что это, подумал Руал. Рядом возвысил голос Свен:

– Откройте вход! Оттащите мешки, живо!

И, так как охотников не нашлось, взялся за дело сам.

Ильмарранен безучастно смотрел, как он ворочает мешки, надрываясь, оттаскивает их от входа. Потом Руал оттолкнул ногой последний преграждающий путь мешок, открыл низкую скрипучую дверь и шагнул в темноту.

Из угла загнанно смотрели на него два несчастных, измученных глаза.

– Иди сюда, – прохрипел Руал. Нашупал в полумраке ухо, влажный нос, вздрагивающий загревок. – Беги, – прошептал Ильмарранен. – Уходи отсюда. Сейчас...

Он потрепал пса по холке, потом решительно сжал в кулак шерсть на загревке и потащил к выходу, где пыльным лучом падал дневной свет в щель приоткрытой двери.

Толпа ахнула.

– Оболочка его есть собака, – сказал Ильмарранен как мог громко и разжал пальцы.

Зверь присел на секунду, оглушительно гавкнул и рванулся вперед, прямо на отшатнувшихся людей. Завизжали женщины, залились лаем собаки – а огромный серый пес неся, спасая свою жизнь, и мгновенно скрылся из виду, сопровождаемый всеобщим страхом и собачьей сворой. К Ильмарранену подошел Свен, лучезарно улыбнулся, ни слова не говоря, покачал головой и пожал ему руку.

– Спасибо, я сыт, – бормотал Руал, отпихивая блюдо с телячьими отбивными. – Достаточно, хватит...

Он отяжелел и несколько осоловел от обильной, сытной, любовно приготовленной пищи. Угощали хозяин сарайчика и несколько поклонников, появившихся у Руала в результате подвига с оборотнем. Рядом за столом пристроился Свен – тот ел мало, зато без конца говорил:

– Поразительно! Я диву даюсь! За десять минут избавить людей от оборотня, который замордовал всю округу! Дорогие мои, этот человек спас ваш товар и ваши жизни. И как легко и вместе с тем как мужественно! Bravo, дорогой Руал. Хозяин, дайте ему еще печенки.

Ильмарранен мотал головой, отказываясь; огромными глотками истреблял молодое вино и благодарно улыбался Свену.

Когда никто не слышал, тот приближал свои губы к Руалову уху и шептал, давясь смехом:

– Bravo, Руал! А когда вы сообразили, что это пес?

Или:

– Значит, рваное ухо? Комедия, настоящая комедия!

Руал неизменно пожимал плечами и изрекал снисходительно:

– Не смешите людей, Свен... Какой оборотень среди бела дня?

Тот хохотал беззвучно, заразительно, до слез.

Опускался душный вечер жаркого дня; утихал, разбрехался базар. Тянулись вереницы телег домой, в поселок, гости же издали устраивались у костров, готовясь тут, под возами, и ночевать. На уцелевший после визита оборотня сарайчик был навешен огромный замок, хозяин долго прощался с Руалом, благодарил, жал руку. На остывающем небе зажглись первые звезды.

– Куда вы теперь? – спросил Свен, когда вдвоем они брели пустеющей дорогой. – Где заночуете?

– А я не буду ночевать, – задумчиво отозвался Руал. – Я пойду... Ночью идти не жарко.

– Не сидится, – понимающе кивнул Свен. – Тянет вперед, неизвестно куда, лишь бы в дорогу, лишь бы идти, будто подошвы зудят... Ведь так?

– Да, – отвечал Руал, удивленный.

– Вот и меня, – сказал Свен.

Некоторое время они шли молча, миновали засыпающий поселок и вышли на широкую, вдаль ведущую дорогу. По всей степи гремели хоры цикад.

– Мы чем-то похожи, – нарушил молчание Свен. – Мы в чем-то сородичи, мы оба отличаемся от остальных двуногих... Может, вы и не заметили, Руал, что я не такой, как прочие. Но я-то сразу понял это про вас... Мы оба совершаем необъяснимые на первый взгляд поступки. Вы вот спасли собаку, а зачем?

Руал пожал плечами:

– Терпеть не могу казни... И палачей.

Они снова замолчали. Ночной ветер носил запахи сотен целебных трав. Над головами путников матовой дугой изгибался Млечный Путь.

– А вы вот мне помогли, – сказал Руал. – А зачем?

Свен рассмеялся:

– Необъяснимо! Впрочем, мне было любопытно. Раньше я никого не спасал.

Из-за горизонта неспешно выползала красная, как горячий уголь, луна. Свен все больше воодушевлялся, посмеивался про себя, то и дело дружески хлопал Руала по плечу, напевал что-то без слов и мелодии. Задорно светились его зеленые глаза.

А луна поднималась, огромная, круглая, меняла цвет, наливаясь желтым. Неправильной формы пятна придавали ей сходство с равнодушным, застывшим лицом. Свен почти приплясывал:

– Ах, дорогой Руал! Что может быть лучше, чем идти вот так по ночной, пустынной степи, глазеть на луну, дружески болтать? А вы великолепный собеседник, вы умеете слушать... Нечасто встретишь аристократа духа, подобного вам... Однако пришло время расставаться. Навсегда. Прощайте, дорогой Руал.

Он остановился посреди дороги. Ильмарранен недоуменно огляделся – ни строения, ни огонька. Свен смотрел на него, усмехаясь:

– Приятно было познакомиться, друг мой.

Он сладко зевнул, и в свете белеющей луны Руал увидел стремительно удлиняющиеся, хищные, нечеловеческие клыки.

Ильмарранен вскрикнул и замер, пригвожденный к дороге, не в силах издать больше ни звука. Свен ухмыльнулся – полыхали зеленым узкие глаза, клыки отражали лунный свет, как костяные лезвия. Выверенным сильным движением коммерсант оттолкнулся от земли, опрокидываясь назад; перевернувшись в воздухе, он упал на четыре лапы – огромные, страшные орудия убийства.

Они стояли друг против друга – беспомощный, ослабевший от ужаса человек и чудовище-оборотень, палач по призванию.

Верещали цикады.

Спустя минуту, показавшуюся Руалу вечностью, оборотень медленно растянул узкие черные губы, из-под которых торчали клыки, хлестнул себя по боку мускулистым хвостом и, неспешно повернувшись, нырнул в темноту.

Руал стоял на дороге, не в состоянии пошевелиться.

* * *

Зловещее приключение с девушкой Миреной ускорило наш отъезд из города Карата. Мы снова дышали дорожной пылью, снова ночевали в трактирах и приютах.

Положение мое становилось все более неудобным и несвободным – любые разговоры я должен был вести под наблюдением Ларта, под строгим запретом оказались самостоятельные прогулки и знакомства. Легиар стал нервозен, несдержан и то и дело срывал на мне раздражение. Однажды, налетев в темном гостиничном коридоре на тяжелую ветвистую вешалку, он в приступе бешенства вышвырнул ее в окно – а ведь назад ее пришлось тащить двум дюжим парням, и они, между прочим, едва с ней справились!

В более-менее крупных поселках мы останавливались на день, на два, и тогда хозяин запирали меня в тараканьем номере плохонькой гостиницы – именно запирали, лишая возможности самому выбраться или впустить какую-нибудь Мирену с пузырящимися прорицаниями на устах. Как будто я виноват был в сумасшествии Орвина, во всех этих дурацких шуточках и историях о «Третьей Мифической»! Как бы то ни было, путешествие все более и более меня угнетало.

Наконец мы прибыли в город Фалет, который был вполовину больше и значительнее Карата, но вполовину меньше мне понравился. Снова зеваки заглядывались на нашу карету, а слуги в гостинице толкали друг друга локтями и шептались: «Волшебник, маг!» Вся эта шумиха и суэта угнетали меня, а вовсе не радовали.

Первый вечер в гостинице ознаменовался чрезвычайным и неприятным событием. В камине обнаружился Бальтазарр Эст.

Конечно, не он сам, а только лицо его, желчное и злое, отражавшееся будто в невидимом зеркале. Я, с каминными щипцами в руках, охнул и отскочил, а хозяин опрокинул тяжелое кресло, на котором сидел.

– Это как же понимать, Легиар?! – без всяких предисловий прогнусил Эст из камина. – Вы отдадите себе отчет, что освобождение Маррана...

Не издав ни звука, Ларт выхватил у меня тяжелые щипцы и яростно ткнул ими в горящие поленья. Изображение Эста заколебалось и растаяло с негромким шипением.

Хозяин сделал вид, что ничего значительного не произошло, но всю ночь не давал мне спать, расхаживая по комнате.

Дальше все пошло как прежде.

Запертый в номере, я, приученный к долгому вынужденному одиночеству, взялся раскладывать пасьянсы. Это занятие давно было моей единственной отрадой, за долгие тоскливые часы старенькие карты поистрепались так, что трудно было отличить даму от короля. Я переключивал их так и сяк и думал, за что мне такая судьба, и чего хочет мой хозяин, и не сбежать ли вообще, когда повернулся ключ в дверной скважине и на пороге встал Ларт, да какой! Уже очень давно он не был так воодушевлен.

– Ну наконец-то что-то стоящее! – воскликнул он почти весело. – Собирайся-ка, господин волшебник, у нас сегодня важнейший визит! – И одним движением он смел мои карты, а пасьянс между тем подходил к концу и удачно раскладывался, а это бывает так редко!

Исполненный тоскливого предчувствия очередной авантюры, я почистил черный с серебром костюм – парча уже истерлась, кое-где торчали неопрятные нитки, – сапоги и потускневшую шпагу в ножнах. Я одевался через силу, а Ларт расхаживал по комнате, щелкал пальцами и говорил без умолку (это он-то!):

– Она купчиха и владелица нескольких мануфактур, местная знать за ней бегаёт, испрашивая подачки, мэр задолжал ей на годы вперед, половина товаров на рынке – ее... Но самое интересное – она, эта золотая грудка, слывет колдуньей, ни больше ни меньше! Какой-то у нее черный кот, составляющий снадобья, и какая-то книга...

Он водрузился на стол, опрокинув тощим задом пустой подсвечник. Я мрачно внимал ему, натягивая сапоги.

– Книга! – повторил Ларт вождельно. – По некоторым признакам можно судить, что это – ты только вдумайся – одна из ранних копий Завещания Первого Прорицателя!

Небо, опять!

– Вы говорили, что его на самом деле не было, – напомнил я.

Он вскочил:

– Это предстоит выяснить... Подлинность книги – раз, – он загибал длинные пальцы, – тексты о явлении Третьей Силы – два, и это главное... Твое дело – очаровывать старушку, восхищаться ее волшебным даром и выдурить книгу хоть на полчаса... Она ею дорожит, прячет и не продает ни за какие деньги. Но тебе как собрату по чародейству покажет. Я на этот раз буду чем-то вроде твоего ученика, допущенного к сокровенным тайнам, ясно?

Он посмеивался и потирал руки, а я нахлобучивал шляпу перед зеркалом, корча рожи, когда он отворачивался.

Впрочем, купчиха была не так уж стара. Она и недурна была, пожалуй. На ее холемом белом лице без труда читались привычка и вкус к неограниченной власти, а зал, где нас удостоили аудиенции, обставлен был под «пещеру колдуньи» – связки сушеных трав на стенах, чучело гигантской жабы под потолком, змеи в птичьих клетках и клубы дыма из камина – вероятно, там курились какие-то благовония.

Хозяйка восседала в резном кресле с высокой спинкой, облаченная в некое подобие шелкового плаща. Я приложился к крепкой, источавшей запах духов руке и получил в ответ благосклонный кивок головы, покрытой капюшоном. Далее мне был предложен обитый бархатом табурет, и завязалась церемонная беседа.

Мне пришлось выслушать длинные рассуждения о свойствах эфира, метаморфозах трав, возникновении ничего из ничего и перехода в чего-то, наваждениях и снах, о значении числа «пятнадцать с половиной» и технологии приготовления чучел из ежей. Время от времени она спрашивала моего мнения по особо важным вопросам, и тогда Ларт, стоящий за моей спиной, больно щипал меня за лопатку, а я ерзал на табурете и восхищенно повторял зазубренную перед этим фразу:

– Ваши знания, миледи, несомненно, достойны чести вызывать удивление своей незаурядной глубиной и свойствами, труднодостижимыми даже для убеленных сединами патриархов магического искусства.

Купчиха довольно улыбалась и с еще большим воодушевлением продолжала свои выкладки.

В разгар этого разговора в дверь постучали, вошел щуплый пожилой человек – управляющий, как я понял – и, извинившись, зашептал на ухо купчихе нечто, заставившее ее лицо налиться лиловой краской.

– Болван! – рявкнула она в точности, как это делают базарные торговки. – Неужто не ясно, что по пятьдесят? А если эти недоумки требуют скидки, то пусть идут в болото!

Управляющий зашептал быстрее и убедительнее, и тогда магическая дама, раздувшись, как шар, ткнула ему прямо под нос ловко скрученную фигуру:

– А вот им! Так и передай!

Управляющий, кланяясь, удалился, а купчиха-колдунья мило мне улыбнулась, пробормотав в извинение:

– Ах, мой господин, дела, все дела...

И чопорная беседа продолжалась как ни в чем не бывало.

Ларт начал проявлять нетерпение – тыкать мне в спину костяшками пальцев и шипеть едва слышно:

– Книга! Книга!

Я дождался момента, когда купчихе понадобилось набрать воздуха для последующей тирады, и быстро вставил в образовавшуюся паузу:

– О миледи, не только ваши знания, но и некоторые принадлежащие вам ценные вещи известны далеко за пределами...

Она самодовольно улыбнулась:

– Очевидно, действительно пришло время показать вам кое-что...

И, вытянув шею, трижды прокричала мелодично:

– Кошмар! Кошмар! Кошмар!

Я не успел сообразить, что же так ее ужаснуло, но в эту минуту дверь отворилась, и мне показалось с первого взгляда, что никто не вошел, – но только с первого взгляда, потому что вошедший был невыносимых размеров черный котик с золотой цепочкой на шее.

– Кошмар, друг мой, подойдите, познакомьтесь с нашим гостем, магом Дамиром! – ележным голосом сказала купчиха коту.

Кот покосился на меня сытым желтым глазом. Ларт так щипнул мою спину, что я подскочил:

– Э-э-э... мне очень приятно, собственно, я имел в виду...

– Кошмару известны сокровенные тайны бытия, – не слушая меня, продолжала купчиха, – он обладает даром заглядывать в будущее...

Кот потерся о мои колени, потом о ноги Ларта. Я слышал, как Ларт скрипнул зубами, и поспешно перебил:

– Однако, миледи, хоть слава вашего волшебного кота и гремит за пределами...

Ларт приглушенно взвыл. Я оглянулся в испуге и увидел, что Кошмар висит у него на плече, вцепившись всеми восемнадцатью когтями в его камзол. Легиар тряхнул рукой – кот тяжело спрыгнул на пол и посмотрел на Ларта с холодным презрением.

Купчиха окаменела лицом.

– Ваш слуга недостаточно вышколен, – сказала она ледяным тоном. – Его счастье, что Кошмар мудр и кроток...

Подтверждая свою мудрость и кротость, кот задрал заднюю лапу и принялся выкусывать под хвостом.

– Этот лакей недавно у меня на службе, – сказал я, чтобы загладить неловкость. Купчиха тем временем поманила Ларта пальцем:

– Иди-ка сюда, мошенник...

Легиару ничего не оставалось делать – он подошел. Купчиха долго его разглядывала, потом спросила меня с некоторым упреком:

– Неужели вы не могли найти лакея получше? У этого неприятная рожа, к тому же он наверняка таскает у вас мелочь.

Ларт стоял ко мне спиной, и я, к сожалению, не видел выражения его лица.

Тем временем дама закончила изучение Ларта и, явно недовольная им, махнула рукой, указывая куда-то в глубь комнаты:

– Чем стоять столбом, подай-ка плед... Вон он, на кресле...

Легиар покосился на меня и отправился за пледом. Я никогда не видел Ларта, подающего и прислуживающего, и это зрелище неожиданно мне понравилось.

– Безделье развращает слуг, – сказала купчиха наставительно. Кошмар взобрался к ней на колени и оглушительно заурчал.

Ларт негнушейся рукой протянул купчихе плед, но она сдвинула брови и не притронулась к нему:

– Кто так подает, болван? Что ты ходишь вразвалочку, как на бульваре? Отнеси назад и потом подай снова как положено!

Зависла пауза. Я, замерев, ждал, как поступит Легиар. Тот постоял секунду, потом повернулся и потащился на исходную позицию.

Вот тут-то я и ощутил сладостное чувство мести. Мне вспомнились все мои злоключения, званый ужин в ратуше, девушка Мирена и разлетевшийся по полу пасьянс. Я почувствовал непереносимое желание хоть секундочку побыть господином Ларта-слуги. Хоть одну секунду!

Легиар тем временем прошелся по кругу и раздраженно ткнул плед прямо под нос купчихе. Та сдвинула брови еще недовольнее:

– Кто тебя учил, негодяй? Что ты суешь мне его, вместо того чтобы подать с поклоном? Еще раз!

Ларт взглянул на меня – но я предусмотрительно отвернулся, будто происходящее меня вовсе не касалось. Ларт пустился в свой путь сначала, а я вздохнул и сказал – клянусь, какой-то пес меня дернул за язык! – сказал небрежно:

– Благодарю, миледи, что вы любезно помогаете мне вышколить слугу.

Ларт издал странный скрипящий звук – вероятно, зубами. Купчиха милостиво мне кивнула, а Легиар вдруг изящно присел и с глубоким поклоном протянул ей этот окаянный плед.

– Это другое дело, – удовлетворенно заметила купчиха.

И тут я испугался. Небо, зная Лартову гордость и злопамятность, можно ожидать теперь, что он никогда, никогда, никогда не простит мне этой минутной слабости, этого желания его унижить!

Тем временем Ларт смиренно занял свое место у меня за спиной. Его смирение казалось мне зловещим, я предпочел бы, чтобы он прощипнул меня до кости.

Необходимо было срочно себя реабилитировать. Следующие пять неприятных секунд я соображал как.

– Книга! – наконец воскликнул я, подпрыгнув. – То есть я хотел сказать, что великой честью для меня было бы созерцание драгоценной книги, жемчужины вашей магической библиотеки, чья слава идет далеко за...

Купчиха таинственно улыбнулась, почесывая Кошмара за ухом:

– О, все хотят ее видеть... Все о ней знают, все благоговеют пред ней, но видеть ее – о, это не всем доступно...

– Продолжая странствия, – сказал я быстро, – я мог бы нести славу о ней так далеко, как позволили бы крепкие колеса моей кареты.

Купчиха сощурилась, пощелкала языком, испытующе на меня взглянула и позвонила в колокольчик. Вошла горничная.

– Позови Руви, – распорядилась купчиха.

Через минуту явился Руви – смазливый тип в дорогой ливрее.

– Позови Куни, – сказала ему хозяйка.

Еще через минуту пришел и Куни – седой старичок в черном балахоне.

– Принеси ЕЕ, – велела шепотом купчиха.

Старичок поклонился, сложив руки на груди, и вышел, пятась. Мы ждали, затаив дыхание; наконец Куни вернулся, с превеликой торжественностью неся перед собой нечто, завернутое в черный бархат. Сверток водружен был на стол, купчиха проводила старика взглядом, а затем приказала Ларту:

– Ты, голубчик, отойди и стань вон там, под стенкой. Нечего тебе смотреть сюда, ни к чему...

Я взвился:

– Видите ли, миледи, я сейчас учу его некоторым простым вещам, и ему было бы полезно глянуть... Так, одним глазом.

Купчиха скептически поджала губы. Ларт шагнул вперед, не сводя глаз со свертка. Исполненная значительности, дама развернула бархатку. Под ее руками тускло блеснула золотая надпись на переплете.

– Обратите внимание! – похвалилась купчиха. – Это настоящее золото!

– Можно взглянуть? – спросил я, волнуясь.

Книга пахла плесенью, некоторые страницы слиплись, некоторые истлели. Я листал ее дрожащими руками, а Ларт тяжело дышал у меня над ухом:

– Дальше... Дальше... Вернись назад...

Текст был написан рунами и мне непонятен, кое-где встречались картинки – ох и жуткие картинки, надо сказать! Странные твари, разрезанные пополам и нарисованные как бы изнутри... Потом чертежи, изломанные линии, и снова знаки, значки, рисунки...

– Дальше... – дышал на ухо Ларт.

Но тут купчиха соскучилась и потянула книгу к себе:

– Обратите внимание, господин Дамир, здесь есть одно забавное место...

Она оттолкнула мои руки, пошлонила пальцы и принялась листать в обратном порядке:

– Здесь... Вот... Смотрите!

Страница, на которую она указывала, была написана не рунами, а обыкновенными крупными буквами, даже немножко школьными. Водя пальцами, купчиха принялась прилежно вычитывать по слогам:

– ...И тог-да она вой-дет, и нас-танет вре-мя... Тут не понятно, чего... В откры-тую дверь вой-дет... Тут непонятно, кто-то войдет... И При-рав... Пре... а, Привратник!

Она обрадовалась, разобрав трудное слово.

– И При-вратник откро-ет... И вода за-густе-ет, как... чер-ная кровь... И что-то там изойдет слезами... Дос-той-ны завис-ти полень-я в оча-ге... С неба содрали... Что-то содрали. И она во-ца-рится, и При-вратник будет ей слу-гой и на-мест-ником...

Ларт слушал, подавшись вперед, я сглатывал и облизывал губы. Купчиха упивалась производимым впечатлением:

– Живу-щие... Пут-ник на зеле-ной рав-нине обре... а, обречен! Но маги – рыдай-те, вопия... вопияйте, кажется. Ваш жре-бий ужас-нее, чем... Не разобрать. Заки-пит над голо-вой... Не разобрать. И втянет во чре-во сво-е...

– Огонь, загляни мне в глаза... – сказал я неожиданно для себя.

Они оба посмотрели на меня – купчиха и Ларт. После паузы купчиха сказала:
– Вот-вот... Что-то похожее... Забавно, правда?

В этот момент Ларт стремительно выхватил у нее книгу и впился в нее глазами. Ему на руку было то, что купчиха обалдела от такой наглости и временно лишилась дара речи. Легиар читал, уткнувшись в покрытые разводами страницы, а купчиха молча выдирала у него свое сокровище, походя уронив на пол Кошмара. Ларт был сильнее – преимущество в этом поединке было явно на его стороне.

Купчиха неузнаваемо преобразилась в этой борьбе – чопорная колдунья исчезла, а на место ее явилась разъяренная базарная баба.

– Отдай, мерзавец! – завопила она, обретя наконец утерянный дар речи. – Хамло, тараканья пожива, лакейская морда! Эй! Эй!

Она потянулась за колокольчиком, но Ларт уже оставил книгу и, как ни в чем не бывало, встал у меня за спиной.

Купчиха подбоченилась, похожая на распухшую дождем грозовую тучу, и голосом, не обещавшим ничего хорошего, процедила:

– Или высечь негодяя тут же, при мне, или... – Она зашипела, как котел пара, и шипение это сулило неслыханные беды.

– Я высеку! – воскликнул я со слезами в голосе. – Клянусь небом, высеку! Как только прибудем в мой родовой замок...

Дама никак не могла успокоиться, и тут мне пришла в голову неожиданная мысль.

– А хотите, я его вообще... повешу? – спросил я с воодушевлением.

Наверно, Ларт как-то особенно отреагировал на это блестящее предложение, потому что купчиха быстро взглянула на него и вдруг смягчилась.

– Ничего, – сказала она примирительно, – порки, пожалуй, достаточно.

Ларт, очевидно, вздохнул с облегчением.

Купчиха успокоилась и, обретя душевное равновесие, снова взялась за книгу:

– Обратите внимание, здесь особенно красивый шрифт... И красные чернила!

И она принялась старательно, как ученица, складывать буквы в трудно произносимые сочетания.

Ларт вдруг больно впился мне в плечо. Потом кинулся вперед и положил руку на текст. Купчиха выпучила глаза.

– ЭТО нельзя читать вслух, – сказал Ларт вкрадчиво. – ЭТО вам вообще нельзя читать!

– Высеку! – закричал я, предупреждая купчихину реакцию. – Высеку, высеку, высеку, высеку!

– ЭТО опасно, – продолжал Легиар, повысив голос. – Если дорожите жизнью, откажитесь от этой книги!

Он захлопнул книгу и жаждал ее под мышкой, отступая понемногу к двери и повторяя монотонно:

– Откажитесь... Откажитесь...

– Засеку до смерти! – орал я.

Купчиха тем временем впала в некий транс – слова Ларта действовали на нее завораживающе. Взгляд ее остановился и затуманился.

– Откажитесь... – напевал Ларт, потом чуть повернул голову и бросил мне сквозь зубы: – Да заткнись же! – И снова: – Откажитесь... Откажитесь...

– Отказываюсь... – пробормотала купчиха, и тут случилось нечто необъяснимое.

Ларт вскрикнул, как от боли, и выронил книгу. Зашипели, извиваясь, змеи в птичьих клетках, закачалось чучело гигантской жабы под потолком. Захлопала соловьиными глазами купчиха, а хозяин опрометью кинулся ко мне и цепко схватил за локоть:

– Немедленно уходим!

Книга дымилась!

Язычки пламени вырывались из-под желтых страниц, и страницы по одной сворачивались трубочками, поднимался к потолку дурно пахнущий желтый дым. Завыл и кинулся прочь Кошмар. Хриплым басом взревела купчиха.

– Прочь! – крикнул Ларт и волоком потащил меня к двери.

Он увлекал меня вниз, по парадной лестнице, мимо заметавшихся лакеев, мимо испуганной горничной и мальчика на побегушках, всем телом врезался в парадную дверь и, распахнув ее, вывалился на улицу, таща меня за собой. За нашими спинами бледно полыхнуло, и в доме купчихи занялся пожар.

Затерявшись в толпе зевак, мы видели, как сиганул из форточки Кошмар, как переругивались растерянно Руви и Куни, как бегали с ведрами лакеи и всплескивала руками горничная.

– Знамение... – бормотал Легиар. – Она не далась мне в руки... Какая книга... Знамение! Похоже, он временно обо мне забыл – и слава небу.

* * *

Село было небольшое, зажиточное, опрятное, с невысокими плетнями вместо заборов. На длинных жердях сушились разнообразные глиняные горшки, расписанные цветами и пчелами. Гордостью местных жителей были ульи и еще старинный промысел – особенная роспись по глине в темно-медовых тонах, изображающая непременно цветы и непременно пчел.

Одинокая вдова, приютившая Ильмарранена на ночь, сама походила на пчелу – коричнево-золотая, полная, хлопотливая, она изо всех сил старалась угодить своему случайному гостю. Руал ночевал на сеновале, где ему постелена была чистая постель. Сквозь крышу смотрели звезды – Ильмарранен поглаживал золотую ящерицу, притаившуюся у него на груди.

Утром вдова встала ни свет ни заря, напекла пирожков, усадила Руала за стол. Она щедро угощала его парным молоком и медом из собственных ульев, чтобы потом, усевшись напротив и опершись на локти, искать его взгляда темными матовыми глазами.

– Не спешил бы, – сказала она, когда Руал уже стоял в дверях.

Он улыбнулся виновато:

– Не могу... Должен идти.

Вдова горестно покачала головой и проводила его до ворот. Так он и запомнил ее – печальная, одинокая пчела, глядящая ему вслед, прикрываясь ладонью от солнца.

Далеко-далеко отсюда другая женщина тоже неотрывно смотрела на дорогу. Так же светило солнце, ветер так же поднимал столбы пыли, но дорога была пуста, и ожидание было тщетно. Никак не унимался ребенок; баюкая его, женщина шептала необычные, с трудом различимые слова, а успокоив ненадолго, снова наклонялась к окну и снова смотрела.

Дорога была пуста, а ожидание было тщетно.

Руал брел сельской улицей. Играли, отражая солнце крутыми боками, расписанные цветами и пчелами глиняные горшки на плетнях. Выскочили откуда ни возьмись две голенастые девчонки, поздоровались с прохожим, потом засмутились и брызнули прочь. Там и здесь в огородах маячили согнутые спины; где-то чинили крышу, и полуголые рабочие картинно восседали на ней верхом, мерно взмахивая молотками. Мрачно покосилась встречная старуха, удивленно вытаращился на чужака чумазый малыш, копошащийся на куче песка. Выглянула из подворотни рыжая собака, забрехала без особого рвения, потом чихнула и скрылась. Руал улыбнулся.

Он миновал околицу, двинулся через луга, где высились копны сена, через поля, где горбились жнецы, берегом тихой речки, где ребяташки таскали карасей из ленивой, неподвижной,

прозрачной до дна воды. В полдень он пообедал в компании маленьких рыболовов, угощая их пирожками, любовно приготовленными вдовой. В ответ получал свежий сыр, душистый хлеб и цветочный мед. Он жевал травинку и шурился на масляные блики, игравшие на ровной поверхности затонов, смотрел, как неподвижно зависали над водой тяжелые стрекозы, как сновали водомерки, как вертелись и ложились набок пестрые поплавки. Он просидел бы на берегу до вечера, если б не ждала его, понукая, подстегивая, пыльная лента дороги.

После полудня погода испортилась. Быстро сгустились нехорошие, свинцового оттенка тучи, и наступило затишье – злое, многообещающее. Руал ускорил шаг – впереди виднелись первые дома незнакомого поселка. В этот момент затишье оборвалось, как обрывается натянутая струна.

Рванул ветер, заметались придорожные деревья, силясь убежать и спрятаться, судорога прошла по золотому полю неубранной пшеницы, и поле это вступило в черную, непроглядную тень. Небо предстало вдруг в красивой сетке молнии, и в ту же секунду победно ударил гром. Руал пригнулся и побежал, но крупный ледяной дождь преследовал бегущего, молотил по спине, бесчинствовал и издевался, пока Ильмарранен, задыхаясь, не добежал до накрытого сверху рогожей стога сена и не врылся, как крот, в его душистые недра.

Молнии хлестали одна за другой, дождь свешивался с темного неба неровными, медленно шевелящимися космами. Внутри стога было сухо, через неправильной формы дыру Руалу был виден кусок дороги и край пшеничного поля, из золотого сделавшегося серым.

Небо потемнело еще больше, сумерки сгустились, будто средь бела дня вдруг навалился вечер. Новая туча, явившаяся из-за реки, помедлила и разразилась жесточайшим градом.

Притихший Руал наблюдал со страхом, как пляшут ледяные шарики на размокшей, размытой дороге, как содрогаются пшеница, как с треском лопаются придорожные лопухи. Потом туче наскучила игра, она выдохлась, отступила, град сменился дождем и сразу – дождичком, который вскоре утих совсем. Как ни в чем не бывало явилось солнце, чтобы осветить печальные следствия беззакония, учиненного градом.

Руал выбрался из своего убежища – под ногами у него хрустнули тающие под солнцем льдинки. Все вокруг имело жалкий, растерзанный вид.

Ступая, как по битому стеклу, он пошел в сторону пшеничного поля. Пролетела прямо у него над головой невесть откуда взявшаяся крупная ворона, угнездилась на поникшей ольхе, каркнула хрипло.

Пшеничные колоски были измяты, изломаны, искалечены. Все зерно высыпалось на землю.

– Они наслали на нас град! Они колдуны и чернокнижники! Спросите, почему их поля уцелели, а наши все погублены!

– Спросите... – хором загудела толпа.

– Почему туча обошла их угодя стороной? Почему мы должны теперь умирать с голоду?

– Колдуны! Колдуны! – кричали обозленные, почерневшие от ненависти люди.

Площадь посреди поселка была окружена линиями, покосившимися заборами, под которыми роскошествовала зеленая, в рост человека, крапива. Оратор стоял на огромной бочке посреди площади, затянутый ремнем поверх круглого живота, сам похожий на бочку с одним обручем. Односельчане его, понесшие в один день колоссальные убытки, толпились вокруг, наступая друг другу на ноги и горланя:

– Колдуны! Пчелятники – колдуны!

Человек на бочке вскинул руку:

– Разве мы не знали этого раньше? Разве пчелятники не катались в масле тогда, когда мы маялись в нищете? Разве не умер сынишка угольщика, искусанный их пчелами насмерть?

– Правильно! – тонко выкрикнул женский голос. – Свекровь купила у них расписной горшок, поела из него и отравилась!

– А не надо было покупать, – откликнулась другая женщина, – все знают, что ихние горшки отравленные!

– Колдуны! – завопили обезумевшие люди.

Руал стоял в толпе, беспомощно оглядывался, не понимая, что происходит. Топотали расхлябанные башмаки, из длинных, обрамленных грязной бахромой рукавов выглядывали выдавшие виды кулачища. Похоже, жители этого большого, бедного, обделенного счастьем поселка давно копили злобу на благополучных соседей. Наделавшая несчастий буря была последним звеном в длинной череде претензий, свар и хранимых обид.

Возмущение нарастало.

– У меня тетка ослепла от их меда! – доказывал молодой долговязый парень, вертясь как волчок.

Руал не выдержал:

– Да перестань врать! Я сегодня ел их мед и прекрасно вижу твою противную физиономию!

К нему обернулись:

– Ты что, из пчелятников?

Занеслись в воздухе тяжелые кулаки.

– Да я путник, – примирительно буркнул Руал, отступая. Его оставили в покое.

Подпоясанный ремнем слез с бочки, и на нее забралась заплаканная женщина в когда-то нарядном, а теперь изодранном нервными руками передничке.

– Дети у меня... Дети... – И разрыдалась вдруг так горько, что, не в силах продолжать, тут же и спустилась снова. У Руала болезненно сжалось сердце.

Плачущую женщину сменила молодка в многоярусных бусах:

– Слушайте, соседи! У меня в огороде листика целого не осталось! Что же это, а? А ихнюю земельку и не тронуло, только дождичком подмочило! Так что нам, ждате, пока эти колдовские морды пожар на нас нашьют или чуму? Да бить их надо!

– Бить! Бить! – завопила осененная счастливой мыслью толпа.

– Бить, – продолжала женщина, – и хлеб ихний себе забрать, чтобы по справедливости было! А то гляди ж ты – только дождичком подмочило!

Руал озирался, вглядываясь в лица. Все были вдохновлены, все орали, всем было за что мстить. Руал вспомнил приютившую его вдову, голенастых девчонок и мальчишек-рыболовов.

На бочку тем временем вылез здоровенный хмурый человек, которого приветствовали криками:

– Скажи, кузнец! А ну, скажи!

Кузнец обвел всех тяжелым взглядом из-под щетками торчащих бровей.

– А что... скажи... – проговорил он неожиданно высоким голосом. – Я там своих парней послал горн раздувать... До ночи накаем пик железных, сколько успеем. На чернокнижника с голыми руками не погрешь... А вы несите в кузню косы поломанные, мечи будут... Мы не ягнятки, вот что! Измываться не дадим!

Толпа загудела:

– Правильно! Хватит терпеть!

– Не достанет пик – с топорами пойдем!

– Бить пчелятников, бить!

Ильмарранена сильно толкнули в спину: кто-то пробирался вперед, кто-то отходил, и образовавшийся водоворот вынес Руала так близко к бочке, что тяжелые кузнецовы ботинки оказались у него прямо перед лицом.

– Бить колдунов, – подытожил кузнец, – завтра, как рассветет, соберемся у кузни, разберем оружие и вдарим! Хватит языками плескать, языком чернокнижника не проймешь... Утром пики будут и мечи!

Толпа закивала, соседи хлопали друг друга по плечам, благословляя на бой. Бочка опустела, Руал видел вблизи ее истоптанное днище, темные доски и ржавые обручи. При желании он мог дотронуться до нее рукой.

– У меня зять оттуда... – тихо сказали у него за спиной. – Никакие они не колдуны. У них тоже дети...

Другой голос перебил:

– А что мне до чужих детей? Лишь бы своих пять душ прокормить...

– Бить! Бить! – кричали отовсюду.

Руал смотрел в землю. Расправа, подумал он, одна большая расправа всех над всеми. Я расправился, надо мной расправились...

Вспомнились крутые бока глиняных горшков, расписанных цветами и пчелами. Ровные ряды ульев...

Он опомнился, уже стоя на бочке. К нему разом повернулось две сотни голов, настороженно нахмурились брови, презрительно оттопырились губы.

– Опомнитесь, – сказал Руал, – какие они колдуны. Я странник, я был там и видел. Они не виноваты, вы же сами знаете!

– Вон! – крикнул кто-то один, и сразу его крик подхватили десяток голосов:

– Вон! Пошел вон, приبلуда!

– Остановитесь! – крикнул Руал. Его схватили за ноги сразу несколько человек. Бочка пошатнулась.

– Оста... – кричал Руал, уже видя, как в дом вдовы врываются громилы с железными пиками и белыми от ненависти глазами. Как разлетаются ульи, падают в пыль расписные черепки...

– Люди! – закричал Ильмарранен, осененный внезапной мыслью. – Бойтесь знамения! Я гадалщик и ясновидец, бойтесь знамения!

Его уже стащили с бочки за ноги, опрокинули на землю.

– Я вижу! – кричал он что есть силы. – Я гадалщик и ясновидец! Бойтесь знамения, ибо оно знаменует смерть!

Его дважды ударили ногами, связали чьим-то поясом и заперли в сарае – «чтобы не донес пчелятникам».

Весь вечер в кузне, стоявшей в стороне от поселка, кипела работа. Весь вечер Руал Ильмарранен пытался освободиться.

Сгустилась темнота, притомившиеся вояки собрались в трактире, и Руалу из его сарая была слышна их пьяная похвальба.

Ночь была темная, безлунная, по небу бешено неслись стаи туч, то обнажая, то прикрывая редкие холодные звезды. Крики в трактире утихли прежде, чем Руал ухитрился-таки стянуть с запястий чужой цепкий пояс. На его счастье, дверь сарая неплотно прилегала к проему, а петля, на которую снаружи был наброшен железный крючок, шаталась, как гнилой зуб. Изрядно ободрав руки, Ильмарранен выдернул ее и покинул узилище.

Из трактира доносился мощный, многоголосый храп. Ни огонька, ни свечки не мерцало в тусклых окнах осевших в землю домов. Руалу предстояло найти кузню.

Он видел ее, входя в поселок, он знал, что она стоит на отшибе, но несколько раз отчаялся, блуждая впотьмах чужими улицами. В последний момент судьба сжалилась над ним, покосившиеся дома расступились, и, взойдя на небольшой пригорок, он увидел впереди, во впадине, темное строение. У подножия пригорка была свалка, на куче хлама белел лошадиный череп и выгибались дугой обнаженные ребра. Руал вздрогнул.

Кузню специально построили в отдалении, чтобы звон и лязг не тревожили соседей. Сейчас это было как нельзя кстати.

У кузни было пусто – воинствующие сельчане, кузнец и подмастерья спали сейчас тяжелым пьяным сном и видели во сне победу. На всякий случай Руал прислушался, постучал тихонько, потом вошел внутрь. На ощупь, пачкая руки пылью и паутиной, нашел лампу и огниво. Затеплившийся огонек осветил гору оружия, сложенного у стены.

В странствиях Ильмарранену не раз приходилось помогать кузнецам. Он знал, как раздуть горн. Ему приходилось спешить.

Несли тучи по черному небу. В рваные дыры между ними равнодушно смотрели звезды. Пот заливал лицо Ильмарранена.

Спал поселок. Спали некрасивые, издерганные нищетой и придирками мужей женщины. Спали бледные, вечно испуганные дети. Храпели их отцы, встречающие утро битвы в трактире...

Когда первые признаки приближающегося восхода пробились сквозь тучи, Руал уже снова лежал в своем сарае, успокаивая дыхание после отчаянного бега. Оставалось надеяться, что никто его не видел.

Он снова намотал чужой пояс себе на запястья. Железный крюк, запирающий дверь, был на месте, в расхлябанной петле. Руал лежал, кусая губы, прислушивался, напряженно ждал.

Он слышал, как проснулись пьяницы, как, несколько поостывшие за ночь, они подбадривали друг друга ругательствами в адрес «пчелятников», как ворчали собравшиеся женщины, как все отправились в кузню, за оружием. Некоторое время после этого он ничего не слышал, потом раздались быстрые шаги и дыхание запыхавшихся людей. Отлетел крючок, распахнулась дверь.

– Эй, ты, провидец... А ну иди-ка, люди на тебя посмотреть хотят...

На пороге стояли двое – один, по-видимому, подмастерье кузнеца, другой – долговязый парень, которого Руал видел накануне в толпе. Оба казались растерянными и напуганными.

– А что? – спросил Ильмарранен, потягиваясь, будто со сна.

Его подняли за плечи, развязали руки:

– Что это ты молол вчера про знамение, а?

Руал перевел взгляд с одного на другого, нахмурился:

– Что? Случилось?!

Долговязый мотнул головой в сторону кузни:

– Иди посмотри...

Люди кольцом стояли вокруг кузни, не решаясь подойти ближе. Говорили шепотом, вздрагивали, оглядывались.

– Расступитесь! – крикнул Руал. От него испуганно шаркнулись.

Он сделал несколько неуверенных шагов и остановился.

Со двора кузни выезжала кузнецова телега, маленькая, поломанная, о трех колесах. Выезжала, да не могла выехать, потому что в нее был впряжен белый лошадиный скелет. Выгибались дугой, вонзались в землю голые ребра, пустыми глазницами пялился тяжелый череп. Жутко торчали оглобли, болтались на ветру вожжи, заброшенные на передок. В разошедшее дно телеги воткнуты были мечи и пики – покореженные, погнутые, изувеченные, они торчали густой, уродливой порослью.

Руал, как стоял, рухнул наземь и протянул руки к небу.

– Знамение... О, ужасное знамение! – бормотал он в неподдельном отчаянии.

Толпой все больше овладевал страх. Запричитали женщины, нервно закричали на них мужчины. К Руалу подошел бледный кузнец, поднял его за шиворот, грозно нахмурился, но голос выдал его смятение:

– Ну, ты... Накаркал... Что это, а?

Руал обвел взглядом испуганные лица. Ни следа не осталось от прежней отваги и решимости, только ненависть и страх. Ильмарранен горько покачал головой, обошел страшную упряжку, прочертил линию по направлению ее движения, прошептал потрясенно: «На запад!» – и схватился за голову:

– Люди, это знамение... Вы прогневили небо, отсюда град... Вы не вразумились, и вот новое, грозное предупреждение... Это знак смерти! Это худшее из возможных знамений... Вы должны оставить несправедливые, жестокие планы, вы должны помириться с соседями. Смиритесь, подумайте о творимых вами несправедливостях, откажитесь от ненависти, иначе мор, голод и безумие овладеют вашим поселком!

Они переглядывались, пожимали плечами, перешептывались, огрызались друг на друга, косились на Руала, плевались, бранились, тяжело раздумывали, заламывали руки, разглядывали пустое небо и, наконец, бочком, бочком стали расходиться. Разошлись все, потупившись, воротя глаза, бормоча себе под нос. Пригорок опустел, только переминался с ноги на ногу кузнец да тряслись в сторонке подмастерья.

– Что... теперь? – спросил кузнец с суеверным ужасом, показывая на телегу с оружием.

– В огонь, – твердо сказал Руал. – И сохрани тебя, кузнец, хоть раз в жизни выковать еще что-нибудь подобное!

Тот хмурился, сглатывал слюну, ходуном ходила жилистая шея.

Скрипели кости на ветру, будто пытаясь сдвинуть телегу с места.

Он уходил победителем. Его не венчали венками и не бросали ему цветов. Ему даже не дали корки на дорогу, но он уходил победителем. Никогда не узнает об этом дне вдова из поселка с рядами ульев, забудут путника мальчишки-рыбаки, в неведении вырастут голенастые девчонки. Пускай. Он уходит победителем.

Пылал высокий костер у кузни. Захлопнулись двери и ставни, из каждой щели за ним наблюдали настороженные, недобрые глаза. Он уходил. И, только выйдя за околицу, в поле, он закинул голову и рассмеялся победным смехом.

Высыхала под солнцем трава. Он чувствовал себя как никогда легко и уверенно и почти не удивился, когда его явственно позвали: «Марран!»

Он оглянулся и, конечно, никого не увидел. Тянулись поля, маячили рощицы, колыхались несжатые колосья. И кто-то засмеялся тихо, вкрадчиво, где-то там, в нем, внутри, кто-то другой, посторонний, засмеялся и сказал: «Ловко, ловко, Марран!»

* * *

Позолоченная карета громыхла на ухабах, резво бежала шестерка вороных, стойко переносящая все тяготы пути. Как заговоренные, сказал бы я, если б не знал, что кони действительно заговорены Лартом от случайностей и болезней. Да и карета – сколько уже проскакали по колдобинам ее тяжелые колеса, а что ей сделается!

Я, однако, ни заговоренным, ни железным не был. Путешествие вытягивало из меня последние силы, а все эти прорицающие девчонки и сами собой вспыхивающие книги, конечно, здоровья не прибавляли.

Ларт был угнетен неудачей и не мог простить мне купчихиных помыканий. Наши отношения вконец испортились, я знать не знал, как загладить свою вину.

Так миновала неделя, и мы прибыли в замок барона Химециуса. Барон принял нас вежливо, но прохладно. Втайне он считал всех магов дармоедами, столь же бесполезными, как пуговицы на шляпе, однако вслух высказывался помягче.

– Господин э-э-э... Дайнир, не сообразовите ли вы объяснить мне и домочадцам, так сказать, смысл так называемого магического дара? – спросил он за первым же обедом в зале, где

за длинным столом восседали сам барон, его бледная жена, огненно-рыжий сын, две маленькие дочки, старушка-приживалка и я, сопровождаемый стоящим за спинкой стула Легиаром.

Не успел барон завершить свою ехидную тираду, как крылышко индюшки вспорхнуло с моей тарелки, сделало круг почета вокруг стола, капнуло соусом на приживалку и впихнулось в мой разинутый рот. Ларт, по-видимому, во что бы то ни стало решил поддержать репутацию магов.

– Ах! – сказали в один голос маленькие дочери барона. Сынишка фыркнул, жена вздохнула, а старушка-приживалка достала платок и принялась чистить испачканное платье.

– Ну-у... – насмешливо протянул барон. – Будучи, с позволения сказать, в балагане, я наблюдал не раз, как фокусник доставал кроликов из пустой шляпы, однако никому бы не пришлось в голову оказывать таковому фокуснику особенный, так сказать, почет, в то время как маги...

Шелковый бант у него на шее задергался и превратился в зеленого длиннохвостого попугая, который, слетев с бароновой рубашки, уселся на канделябр в центре стола и запел сладкую серенаду. Девчонки снова ахнули, баронесса вздохнула, мальчишка захохотал, а приживалка поперхнулась.

– Ах, господин Довнир, – удрученно покачал головой барон, – я знавал одного птицелова, заточавшего в клетки дроздов и синиц с тем, чтобы обучить их песенке и продать на базаре...

Мальчишка запустил в попугая костью. Тот рассыпался стайей бабочек, которые мгновенно вылетели в окно. Барон проводил их сокрушенным взглядом.

– И все же я не могу понять, господин Дранир...

– Меня зовут Дамир, – сказал я мрачно.

Сразу после обеда я устроил Ларту истерику. Я сказал, что не вижу смысла в нашем маскараде, что мне надоело попадать в смешные и нелепые ситуации, что я устал, что я боюсь, что с меня хватит. В порыве чувств я даже принялся отстегивать шпагу и стаскивать с себя камзол чародея. Ларт смотрел на меня холодными, сузившимися глазами:

– Это бунт?

Его вопрос несколько меня отрезвил. Я раздевался все менее и менее решительно, пока не застыл, поникший, комкая в руках кружевное жабо. Ларт сидел в углу и смотрел на меня не отрываясь – смотрел отстраненно, изучающе.

– Хозяин, – сказал я жалобно, – хозяин, простите... Разрешите мне по-прежнему служить вам, просто служить, не разыгрывая представлений. Я не могу быть магом. У меня не выходит. Впрягите меня в карету вместо лошадей, но, умоляю, не заставляйте прикидываться вашим господином. Пожалуйста!

Он протянул ко мне узкую жилистую руку и вдруг резко сжал пальцы в кулак. Я, стоящий в другом конце просторной комнаты, был цепко схвачен за ворот. Между нами было десять широких шагов, но он подтащил меня прямо к своему лицу, к ледяным, безжалостным глазам.

– Мне НУЖНО, чтобы ты был магом. Мне НУЖНО, чтобы ни одна крыса в этом не усомнилась. И, клянусь канарейкой, ты будешь играть эту роль до конца. До конца, что бы там ни было! Посмей только струсить...

Он разжал руку, и я отлетел к стене. Запрыгала по полу костяная пуговица от моей батистовой рубашки.

На следующее утро мы вместе с бароном, ловчими и доезжачими отправились на охоту. День был ясный, но не жаркий, лошади были великолепны, и даже я, всегда с опаской садившийся в седло, чувствовал себя сносно. Возможно, я чувствовал бы себя еще лучше, если бы не цепкий, пристальный взгляд Ларта, не отстававшего от меня ни на шаг. Вчерашняя его угроза висела надо мной темной тенью: «Посмей только струсить!»

Я ехал по левую руку от барона, вооруженного длинной заостренной пикой; по правую его руку ехал старший егерь. Как мне объяснили, бароновы уголья просто кишели пригодным для охоты зверьем.

Сам барон был в прекрасном настроении и громогласно рассуждал о благородном обычае охоты, о лошадях, собаках, кулинарии, погоде и – мимоходом – о непригодности магии в серьезных делах.

– Вот, с позволения сказать, господин волшебник всякие штуки показывает... Бабочки, попугайчики и прочее. А если, к примеру, господин волшебник берется за мужское дело – охоту, скажем, или там войну? Что ж, выскакивает на господина волшебника дикий вепрь, к примеру, или вражеский отряд? Неужто его попугайчиками проймешь? И опять же, пока господин волшебник, с позволения сказать, колдует, этот самый вепрь дожидаться не станет, вмиг господина волшебника – рраз!

Барон ткнул своей пикой в воображаемого господина волшебника и громогласно рассмеялся, довольный своей шуткой.

Я тоскливо ждал, что предпримет Ларт в попытке восстановить уязвленное магическое достоинство, но он бездействовал. Я покосился через плечо – и увидел, что Легиара у меня за спиной нет.

Не могу сказать, чтобы я очень огорчился. Все утро меня тяготило его близкое присутствие, и теперь я впервые вздохнул свободнее, чувствуя, как темная тень у меня над головой понемногу рассеивается.

Мы ехали опушкой леса, справа тянулись нетоптанные луга, заросшие травой в человеческий рост, слева высились дубы, древние, дуплистые, и в их кронах неистовствовали птицы. Егеря спускали со сворок разгоряченных заветными запахами собак.

Барон был разгорячен не меньше – он привставал в седле, возбужденно мне подмигивал, потирал руки, предвкушая любимейшую, по-видимому, радость.

Где-то впереди собаки подняли отчаянный лай. Барон прищпорил лошадь и с радостным криком ринулся вперед, не разбирая дороги. Я поотстал. Передо мной уже маячили спины егерей, я шлепнул лошадь по крупу, боясь отстать окончательно и заблудиться.

Вдруг собачий лай почему-то сменился воем и визгом, егеря натянули поводья, и я, не в силах сдержать лошадь, пролетел мимо них и снова оказался рядом с бароном. Собаки с поднятой на загривках шерстью жались к ногам его лошади. Барон держал свою пику наперевес, будто защищаясь. Я проследил за его взглядом – и обомлел.

Под пышным кустом малины лежал, свернув калачиком чешуйчатый хвост, некий фантастический, огромных размеров зверь, снабженный костяным гребешком вдоль спины и острыми, как иглы, когтями. Зверь поводил красным раздвоенным языком внутри полуоткрытой клыкастой пасти. Глаза его, круглые и желтые, как плоски, бесцеремонно изучали нашу кавалькаду.

Собаки, brave охотничьи псы, прятали хвосты меж задних ног. Егеря пятились. Барон протянул хрипло:

– На тебе... Не ждали, не видали, и на тебе!

Он обернулся ко мне, и во взгляде его не было былого добродушия.

– Ну вот что, господин Данир или как вас там... Сроду в наших местах ничего подобного не водилось, а вы явились – и вот, пожалуйста! Я не знаю, вы его приманили или он сам прилез, но только уж будьте добры! – И он ткнул мне в руки свою пику.

– Что? – спросил я с бесхитростным недоумением.

– Что?! – подпрыгнул в седле барон. – А продырявьте его, вот что! Мне неинтересно, чтобы он возле моего дома малинку жрал!

Зверь тем временем действительно жрал малинку – вытягивал слюнявые губы и слизывал ягоды целыми пригоршнями.

– Так он травоядный, – сказал я убежденно. – Уверю вас, господин барон, что он вовсе не опасен.

Как бы в подтверждение моим словам, зверь свирепо ударил хвостом – затрещали ломаемые ветви, в земле образовалась изрядная вмятина. Собаки бросились наутек, за ними последовали наиболее трусливые егеря. Барон стал красен, как спелый томат.

– Нечего ломаться, господин колдун! Или вы продырявите его с помощью ваших чар, или я продырявлю вас, и совершенно самостоятельно!

Его пика уперлась мне в грудь. Зверь снова ударил хвостом, увеличив вмятину втрое.

– Конечно-конечно, – сказал я примирительно, руками отводя острие и одновременно вертя головой в поисках Ларта. Хозяина не было, а я между тем нуждался в нем острее, чем когда-либо.

Барон снова сунул пика мне в руки – на этот раз ее пришлось взять. Зверь, видя это, воодушевился – вытянул шею, поднял стоймя костистый гребень на холке и неприятно зашипел, подергивая красным языком. Меня передернуло.

– Отойдите подальше, – попросил я барона, – подальше, на безопасное расстояние... Я могу ранить его, и тогда, разъяренный...

– Не вздумайте бежать! – отрезал барон. Небо, он читал мои мысли.

Зверь оставил свою малину и нетерпеливо переводил взгляд с меня на барона, а с барона на меня. Я тянул время.

– Однако, господин барон, учитывая неоднозначность ситуации...

Мы могли бы долго так препираться, но зверь решил за нас. Тяжелый и изящный одновременно, он расправил крылья – ибо у него были крылья! – поднялся на когтистые лапы и двинулся на меня. Я отпрянул.

Даже десяток баронов не удержали бы меня от позорного бегства, если бы в этот самый момент в голове моей не прозвучал явственно голос Ларта: «Ты будешь играть эту роль до конца! Только попробуй струсить!» Ладони, судорожно сжимающие баронову пика, взмокли, как хребет каменотеса. Путь к отступлению был закрыт.

Зверь тем временем подходил все ближе, лошадь подо мною дрожала, как осиновый лист, но стояла на удивление смирно. Я поднял руку с пикой и сразу понял, что промахнусь.

Чудовище выбросило раздвоенный язык из клыкастой пасти и замолотило им по воздуху, будто дразня меня. Я решил, что если бить, то только в эту самую пасть.

Зверь был уже прямо передо мной. Я неуклюже размахнулся и ткнул пикой, стараясь попасть в язык.

Вслед за этим неотразимым ударом я ожидал мгновенной смерти, но чудовище, к моему удивлению, отпрянуло и вроде бы смутилось. Ободренный первой удачей, я пришпорил лошадку и ткнул пикой еще раз, норовя задеть круглый желтый глаз.

Чудовище заморгало, застучало по земле чешуйчатым хвостом и снова отступило. За моей спиной послышались ликующие крики.

Теперь чудовище пятилось, а я наступал, размахивая своим оружием и тоже выкрикивая что-то грозное и удалое. Быть героем оказалось проще, чем каждый день колоть дрова.

Ликующие крики отдалились – я, по-видимому, здорово увлекся преследованием своего страшного с виду, но робкого врага. Пора было подумать о победном возвращении.

И в этот момент зверь взлетел. Примолкнув было, свидетели нашего поединка разразились воплями ужаса.

Крылья зверя были небольшими, перепончатыми, он летал тяжело, но уверенно. Секунда – и красный раздвоенный язык полоснул меня по щеке, как лезвие. Я закрыл лицо рукой и выронил пика, а лошадь взвилась на дыбы и сбросила меня с седла.

Я лежал в высокой траве, дрожа, корчась, а надо мной нависало покрытое чешуей брюхо. Вот брюхо отодвинулось, и на его месте очутилась морда с глазами, как плоски, и клыкастой пастью. Я застонал от ужаса и закрыл глаза ладонями.

Ужасная когтистая лапа отодрала от моего лица сначала одну руку, потом другую. Плоски вперились в меня пристально, будто ожидая ответа на важный, только что заданный вопрос. Взгляд этот все больше наполнял раздражение, и тут я заметил, что одна надбровная дуга у чудовища выше другой и как бы изогнута. Приподнявшись на локтях, я жадно высматривал другие, не замеченные раньше детали, делавшие ужасную морду зверя неуловимо похожей на знакомое мне до мелочей лицо. И, наконец, со всхлипом облегчения рухнул назад в траву:

– Хозя... ин...

Одновременно с облегчением пришла обида, горькая обида за пережитый страх ожидания смерти. Я лежал в траве и плакал.

Чудовище отпрянуло, поднялось над землей и описало круг. Потом, снова нависнув надо мной, не терпящим возражений взглядом указало на валяющуюся рядом пику.

Всхлипывая, я встал и подобрал оружие. Зверь поднялся повыше и с оглушительным воем ринулся на меня. Обливаясь слезами, я механически выставил пику перед собой. Немного не долетев до нее, чудовище имитировало смертельный удар, отскочило, сотрясаясь от гребня до хвоста, несколько раз метнулось – нарочито театрально – и, сотрясая воздух предсмертным ревом, улетело прочь.

Зрители, наблюдавшие эту сцену издали, вторили ему победными криками.

После чествования, после публичного баронового признания, что магия, мол, есть величайшее сокровище живущих, после поздравлений, восхвалений моему мужеству и волшебному мастерству я остался наконец с Лартом наедине.

Топился камин. Я смотрел в огонь, а Ларт расхаживал по комнате у меня за спиной. Слушая его шаги, я бессознательно водил пальцами по длинной жгучей царапине у себя на щеке – там, где коснулся кожи раздвоенный красный язык.

– Это было необходимо, – сказал Легиар из темноты.

Я не ответил.

– Ты вел себя хорошо, – повысил голос Ларт.

Я смотрел в огонь. Тогда он подошел и уселся рядом – на пол.

– Послушай, – сказал он напряженно. – Это **ОЧЕНЬ** важно. Над миром нависла угроза... Теперь я почти уверен в этом. Ты помнишь Орвина? «Огонь, загляни мне в глаза»? Он первый понял, в чем дело, когда заржавел золотой амулет... Я слишком долго не верил... Теперь она на пороге. Она, эта проклятая Третья Сила. Она ищет своего Привратника. А знаешь, кто годится в Привратники? Маг, который не маг. А кто это?

Он перешел на шепот. Я пока не понимал, к чему он клонит.

– Ну подумай, что значит – маг, который не маг? Я вот думал...

Он вскочил и опять принялся расхаживать, нервно потирая руки и смятенно бормоча. До меня долетали обрывки фраз:

– Если это не... Он подходит, конечно. Но – нет. Там все кончено, он вышел из игры... Вышел, сметен с доски, его мы во внимание брать не будем... Все! – Он тряхнул головой, будто выбрасывая из нее ненужную мысль. Потом подошел и снова уселся рядом. – Маг, который не маг... Возможно, сейчас это – ты.

Я поднял на него расширившиеся глаза.

– Возможно, я сказал... Есть вероятность... Откуда мне знать, как она отбирает этого своего Привратника? Может, она интересуется всеми магами, которые не маги? Я устроил ей это... как мог. Пусть она заинтересуется тобой, пусть она себя проявит... Мы ловим Третью Силу на живца, а что остается делать?

Он перевел дух и увидел наконец выражение моего лица. Вздохнул в сердцах, сказал другим тоном:

– Послушай, неужели ты на самом деле думаешь, что какая-то тварь способна навредить человеку, который находится под защитой у Легиара? Будь она Третьей Силой или даже Четвертой, ты меня просто оскорбляешь своим страхом! Твое дело – держаться роли... Теперь ты понимаешь, НАСКОЛЬКО это важно?

В этот момент в дверь быстро, смятенно заколотили:

– Господин волшебник! Вас хозяин зовет!

Барон, окруженный домочадцами, стоял посреди обеденного зала в мятом халате. Он поднял нам навстречу смятенные, полные страха глаза:

– Господин волшебник... Что это?

Перед ним лежала на столе груда золотой фамильной посуды сплошь в бурых пятнах ржавчины.

Замок был парализован ужасом. Заржавело обручальное колечко баронессы, золотой колокольчик у входа, все драгоценности в шкатулках, все золотые монеты в кошельках. Парадные гобелены, вышитые золотом, роняли на пол крупинки ржавчины.

– Знамение, – шептал Легиар бледными губами, – это – знамение.

* * *

Он тяготился, если приходилось переночевать дважды под одной крышей. Дорога стала ему родным существом, она грела ему пятки, шутила, петляя и неожиданно сворачивая, развлекала и хранила. Попутчики делились с ним хлебом, он делился с ними всем, что успевал заработать, останавливаясь ненадолго в деревнях и местечках. Если оставалось в котомке немного еды, он мог и не проситься на ночлег, а просто шел всю ночь, не уставая, ничего не боясь. Дорога помогала ему.

Однако случилось так, что на закате солнца в котомке не осталось ни крошки, а впереди, чуть в стороне от дороги, показалось людское поселение. Руал подумал, подумал и свернул.

Бродили куры по пустынным улицам, рылись в земле, разлетались с кудахтаньем из-под Руаловых ног. Плотно закрыты были резные ставни больших бревенчатых домов. Пустовали скамейки у заборов, ни души не было у колодца, а между тем цепь на ворота была еще влажной, и примята была трава там, куда ставили ведро. Руал оглянулся – где-то стукнул ставень.

Он пожегся, пытаясь понять, почему так странно и тягостно на душе. И понял – тишина. Невероятная для сельской улицы тишь.

Не лаяли на чужака собаки, не мычали во дворах коровы, не орали петухи, не тюкал топор. Ветер, ворота поскрипывают – будто кладбище.

Он побрел дальше, не решаясь постучать в какую-нибудь калитку, чувствуя настороженные взгляды из-под закрытых ставней, напрасно пытаясь поймать хоть один такой взгляд. Поспешный стук закрываемой задвижки – и снова тишина. Руал был голоден – и все же ему захотелось немедленно уйти.

– Эй, парень!

Руал присел, как от пушечного выстрела, хотя к нему обратились почти шепотом. Немолодой уже крестьянин выглядывал в чуть приоткрывшуюся калитку, манил Ильмарранена пальцем:

– Поди сюда... Ты чей? Что надо?

– Я странник, – отозвался Руал, и тоже шепотом.

Крестьянин плюнул:

– Так что ж ты лицами шатаешься?! Иди сюда, быстро!

Он схватил Руала за рукав и попросту втянул во двор, тут же заперев калитку. На пороге дома стояла встревоженная женщина:

– Скорее в дом... В дом, Гаран, и парня сюда...

Она не успокоилась, пока за Руалом и его проводником не закрылась дверь.

Ильмарранен неуверенно огляделся – кроме приведшего его крестьянина и встревоженной женщины, в прихожей переминались с ноги на ногу двое молодых, похожих друг на друга парней, да застенчиво выглядывала из комнаты смуглая девочка лет десяти.

– Ты кто? – тихо спросила женщина.

– Странник, – сказал Ильмарранен и улыбнулся. Она не ответила на улыбку, внимательно глядя в его лицо.

– Он нездешний, – объяснил шепотом мужчина. – Он ничего не знает.

Женщина подумала и кивнула, приглашая гостя войти в дом.

Вслед за женщиной Руал прошел узким коридором в просторную кухню с бревенчатыми стенами, где мерно, уютно поскрипывал забившийся в щель сверчок. За ним вошли приведший Руала крестьянин, оба парня и девочка.

– Ты голоден? – спросила женщина.

И, не дожидаясь ответа, кивнула дочери. Та ловко достала из печи чугунок с остатками каши и с полки – хлеб, завернутый в тряпицу, доверчиво улыбаясь Руалу, поставила на стол.

– Мы уже поужинали, – сказала женщина. – Ешь.

Благодарный Руал, ни слова не говоря, взялся за кашу. Ему стоило труда сдержаться и не проглотить ее сразу, всю. Парни, сопя, топтались в дверях, женщина присела напротив на скамейку, девочка, широко открыв глаза, смотрела, как Руал ест. Приведший Руала мужчина, видимо, хозяин, хмурился и потирал подбородок, покрытый редкой седеющей бородой. Сверчок, примолкший было на минуту, выдал длинную нежную руладу.

Наевшись наконец, Руал поблагодарил. Потом оглядел обращенные к нему лица – тревожное у женщины, хмурые у парней, усталое у пожилого и любопытное девочкино – и спросил осторожно:

– Что за несчастье у вас, люди?

Громче засопели парни, переглянулись женщина и пожилой. Потом женщина поднялась и бросила девочке:

– Давай-ка собирайся спать.

Та, хоть ей было любопытно, послушалась и тихонько выскользнула, бросив на прощание взгляд в сторону сверчкова убежища.

– Расскажи, Гаран, – сказала женщина пожилому.

Тот помялся, теребя подбородок, и сказал наконец:

– Несчастье, да. Сколько живу, такого не помню. Нам-то еще ничего, повезло вроде...

– Покаркай, – одернула его женщина.

– Да, – со вздохом продолжал Гаран, – кто знает, что еще ему в голову взбредет... Сейчас он сватается – то каждый вечер ходит, а то по неделям не бывает... И все к новым.

Женщина вздохнула:

– Ему лет сто, наверное, он при прадеде моем был уже... А туда же – свататься...

– Свататься? – переспросил Руал.

Гаран покивал:

– И все к новым... А в подарок невесте приносит... Букет из дохлых гадюк. Подарочек...

– Кто он такой? – вздрогнув, спросил Ильмарранен.

Мужчина и женщина опять переглянулись.

– Колдун он, – сказали от двери.

Руал обернулся – говорил младший из парней, лет шестнадцати, невысокий, тонкогубый:

– Колдун он. Страшный колдун. Ты про таких и не слышал, какой страшный!

Брат толкнул его в бок.

– Он в пещере живет, – сказала после паузы женщина. – Лет сто живет, а может, и двести. Отец, бывало, рассказывал, что он смиренный был, спокойный, помогал даже, если нужда была... Потом его лет двадцать никто не видел. Он в своей пещере затворился.

– Мы еще пацанами к этой пещере бегали, – нервно сказал старший парень, на вид крепче и здоровее брата. – Там внутри тихо, тихо, а потом как зашипит – будто водой на горячую сковородку...

– И вот он вышел, – продолжала женщина, – да какой... Будто что-то в него вселилось. Половину леса сжег просто так, походя... Потом хуже. Обернется плугом старым и водит борозды по улице... Без лошади плуг идет, виляет, камни из земли выворачивает и хихикает тонко... Люди седали, когда этот плуг на улице встречали.

– А потом он неделю из земли выростал, – вступил в разговор Гаран, вздрагивая и оглядываясь. – Будто бы дерево... На площади посреди села сначала земля зашевелилась, потом руки показались, потом голова... Люди, что по соседству жили, дома свои бросили и попрятались кто куда!

– А потом, – снова вступила женщина, – запустил в озеро чудовище, пьявку такую величиной с бревно, а на пьявке – вымя коровье и рога... С тех пор рыбу никто не ловит и не купается...

– Ближко подойти страшно! – выдохнул старший парень.

– Потом он в пещере колдовал, – шептала женщина, – а теперь вот...

– Теперь свататься надумал, – перебил Гаран. – У кого девки на выданье – вот кому беда, вот кто дрожит сейчас. Приходит, стучит в ворота – и попробуй не открыть. Гадюк приносит целый клубок. Не приведи небо его на улице встретить, оттого прячутся все... Тебе повезло. Ему ведь наплевать, свой или пришлый.

– Спасибо, – медленно сказал Руал. – Вы меня спасли, оказывается...

Помолчали. Тихонько, как бы вполсилы, поскрипывал сверчок.

– А что бывает с девушками? – хрипло спросил Ильмарранен.

– С девушками?

– К которым он сватается.

– Да ничего пока... Выбирает он вроде. Посватается, да и уходит, девки только страху набираются. Невесту, говорит, в дом свой введу... Да пока не увел никого.

– У нас, слава небу, невесты-то нет, – сказал Гаран со скрытым торжеством. – Сыновья у меня во какие, видишь? А Гарра пока что мала, к счастью. Потому нам везет еще...

– Покаркай, – оборвала его жена и решительно поднялась: – Ну, поболтали – хватит. Будем укладываться. Завтра у соседей спрошу, выходил он сегодня или нет.

– Да нет, наверное, – с деланой уверенностью заметил младший парень. – Его уже дня три как нет... Может, и помер вовсе.

– Помолчи! – испуганно прикрикнул на него отец. И добавил шепотом: – Он бессмертный, говорят. А бессмертный потому, что, когда ему приходит время умирать, за него другие... Ну, понимаешь. Другие за него мрут, вроде бы взамен.

Женщина вся передернулась.

– И охота языками чесать, да еще на ночь... Пойдем, – обратилась она к Руалу, – пойдем, я тебе с мальчишками постелю.

Все вместе вышли из кухни, парни сразу поднялись по лестнице наверх, Гаран отправился запирать входную дверь, а женщина скрипнула дверцей низкого шкафчика и извлекла оттуда пару чистых простыней.

Ее вдруг напряженно, сдавленно окликнул муж:

– Лита, Лита... Подойди...

Она вздрогнула и чуть не выронила белье:

– Что?!

– Подойди...

Женщина быстро вышла в прихожую, за нею следом вышел и Руал.

Гаран стоял, прикинув к небольшому квадратному окошку, вырезанному в дверях.

Пальцы его на дверной ручке сжимались и разжимались.

– На нашу улицу свернул. – Он старался говорить как можно тише и спокойнее.

Женщина оттолкнула его и взглянула сама. Охнула:

– Светлое небо... К кому это?

– К Мартам, наверное... – шептал Гаран. – У них целых две взрослых дочери...

– Что ж он, двоих посватает?

– Можно мне посмотреть? – спросил Руал из-за их спин.

Они обернулись разом. Потом женщина посторонилась и дала Ильмарранену подступить к окошку.

Сережиной улицы медленно, то приплясывая, то замирая, двигалась до смешного нелепая фигура – длинный, когда-то роскошный камзол, красные башмаки с бантами, пышный кружевной воротник, в пене которого то ныряла, то выглядывала на поверхность маленькая, обтянутая морщинистой кожей старческая голова в черном кудрявом парике, из-под которого свисали длинные седые патлы. Злой колдун то насвистывал безгубым ртом, то напевал что-то тонким, сладким голосом, то принимался подсакивать на месте с задорным мальчишеским азартом. В правой руке его болтался темный клубок, в гуще которого Руал, покрывшись холодным потом, разглядел змеиные головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.